

Ежемесячный литературно-художественный, общественно-политический журнал

В номере:

Соотечественники	3
Проза	
Александр Чернобровкин. Возвращение	7
Игорь Гамаюнов. Цапля моя	33
Михаил Туруновский. Морковный салат	46
Надежда Савчук. Три кружки воды	57
Иван Дуб. Сюрприз для Настеньки	60
Игорь Хомечко. Опоздала	77
Дебют	
Максим Липянчик. Привет, Джорджик	81
Короткая проза	
Алексей Ершов. Лишний ноль	
Илья Криштул. Как я провела лето	89
Поэзия	
Валериу Балан	93
Анатолий Константинов	95
Галина Сычук	97
Очерк	
Ольга Беликова	99
Дневник путешественника	
Ирен Крекер. Поездка в Бален-Бален	101

,

Журнал «Наше поколение» основан в 1912 году. Выпущено было 10 номеров. Выпуск возобновлен в 2009 году.

Журнал «Наше поколение» готовится при творческом участии: Международного сообщества писательских союзов Союза писателей России

Московской городской организации Союза писателей России

Учредитель

Козий Александра Петровна

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Министерством юстиции Республики Молдова №229 от 18 февраля 2009 г.

Редколлегия:

Главный редактор

Георгий КАЮРОВ

Редактор интернет-журнала

Виктор ХАНТЯ

Главный бухгалтер

Ольга ДОДУЛ

Редакционный совет номера

Николай Переяслов, Михаил Попов, Владимир Силкин, Ольга Бедная, Анна Кашина, Юрий Харламов, Сергей Власов, Алексей Дука, Виктор Хантя, Маргарита Сосницкая, Матвей Левензон, Максим Замшев, Анна Гросул, Надежда Дёмина, Иван Дуб, Виталий Ткачев, Сергей Маслоброд, Валерий Реницэ, Игорь Хомечко, Олег Цуркан.

Литературный редактор

Вера ДИМИТРОВА

Корректор

Светлана БРОНСКИХ

Художник-иллюстратор

Эдуард МАЙДЕНБЕРГ

Фотограф

Валерий КОРЧМАРЬ, Юрий ГЕРАЩЕНКО

Дизайн

Издательский Центр «Наследие», Александр Сава, Ольга Дережинская, Александр Зингалюк

Вёрстка

Вячеслав ЗАДЗИК

Адрес редакции: Кишинев, ул. Пушкина, 22, оф. 317

E-mail: nashepokolenie@pisem.net

www. nashepokolenie.com

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Нашего поколения» запрещена. Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переговоры и переписку по их поводу, а только извещает авторов о своём решении.

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ 3

Дальний Восток приглашает соотечественников по Государственной программе оказания содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом.

В Государственной программе переселения участвуют субъекты Российской Федерации, входящие в состав Дальневосточного федерального округа:

– Камчатский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Магаданская область, Сахалинская область, Еврейская автономная область.

Регионы Дальневосточного федерального округа являются территориями приоритетного заселения, в этой связи соотечественникам помимо компенсации оплаты за проезд до места вселения и провоза личного имущества, расходов на уплату государственной пошлины за оформление документов, определяющих правовой статус переселенцев, предусмотрены «подъемные» пособия на обустройство в размере 240 тыс. рублей участнику Госпрограммы и 120 тыс. рублей каждому члену его семьи, а также ежемесячное пособие при отсутствии дохода от трудовой, предпринимательской и иной не запрещенной законодательством Российской Федерации деятельности.

Камчатский край

В Камчатском крае прием соотечественников осуществляется в рамках 12 проектов переселения: г.Петропавловск-Камчатский, Елизовский район, Карагинский район, Тигильский район, в т.ч. пгт.Палана, Олюторский район, Пенжинский район, Усть-Большерецкий район, Мильковский район, Быстринский район, Усть-Камчатский район, Соболевский район, Алеутский район.

Климат полуострова более суровый, чем климат областей европейской части Российской Федерации, находящихся в тех же широтах, но мягче центральных и северных регионов азиатской части страны. Средняя многолетняя температура воздуха в январе составляет -16,4°C, в июле +13°C.

Административный центр Камчатского края – город Петропавловск-Камчатский.

Все районы Камчатского края отнесены к районам Крайнего Севера, кроме того, шесть районов - к районам проживания малочисленных народностей Севера.

Ведущими отраслями экономики края являются рыболовство, обрабатывающие производства, строительство, производство и распределение электроэнергии, газа и воды.

Естественные природные ресурсы Камчатского края чрезвычайно богаты и разнообразны: это рыбные, лесные, охотничьи, земельные, водные, рекреационные, минерально-сырьевые и топливно-энергетические ресурсы. Основу экономики края составляет рыболовство и переработка рыбы и морепродуктов.

Связь полуострова с другими регионами России и странами Азиатско-Тихоокеанского региона обеспечивает авиационный и морской виды транспорта. Расстояние до ближайших крупных морских портов и аэропортов составляет соответственно 2 500 км (г. Владивосток) и 1 700 км (г. Хабаровск).

Востребованными профессиями в Камчатском крае являются врачи различной специализации, учителя, преподаватели детских музыкальных школ, специалисты строительных специальностей, в том числе прорабы, инженеры-строители, электрогазосварщики, электрики и др.

Первичное жилищное размещение прибывших соотечественников осуществляется в Центре временного размещения соотечественников (далее - Центр), расположенного по адресу: Камчатский край, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Академика Курчатова, д. 5, кв. 65.

Участники Государственной программы и члены их семей, прибывшие для работы в районы, расположенные в Корякском округе, обеспечиваются жильем (квартира, дом и т.д.).

Приморский край

К территориям вселения Приморского края относятся: Находкинский, Артемовский, Уссурийский, Дальнегорский, Арсеньевский, Спас-Дальний городские округа и Пограничный, Красноармейский, Анучинский, Спасский, Пожарский, Тернейский, Лазовский, Октябрьский, Спасский, Хорольский, Чугуевский, Черниговский, Яковлевский муниципальные районы.

Приморский край расположен на юге Дальневосточного федерального округа, в юго-восточной части Российской Федерации. Краевой центр - город Владивосток. На севере граничит с Хабаровским краем, на западе с КНР, на юго-западе с КНДР, с юга и востока омывается Японским морем.

Уникальность Приморья неоспорима - именно здесь встречаются таёжные и субтропические леса, Приморский край - самый южный район в зоне тайги, одновременно располагающийся в зоне субтропиков. Эти обстоятельства определяют богатство и неповторимость животного и растительного мира края, разнообразие ландшафта. Климат умеренно муссонный.

По многим параметрам экономику Приморского края сегодня можно считать одной из самых конкурентоспособных в России. Основными богатствами края являются лес, рыба, уголь и цветные металлы. В Приморье открыт целый ряд крупных месторождений полезных ископаемых, на базе которых создана и функционирует самая мощная на Дальнем Востоке горнодобывающая промышленность. Добывающие предприятия цветной металлургии производят свинец, концентраты. Химическая промышленность представлена производством боропродуктов и серной кислоты. Развито машиностроение, судоремонт и металлообработка. В крае выращиваются зерновые и зернобобовые культуры, картофель, развито мясомолочное животноводство, свиноводство, звероводство, пантовое оленеводство.

В крае успешно реализуются национальные и региональные проекты по селу.

Важные для края проекты - это создание нескольких особых экономических и торговых зон.

Хабаровский край

Территорией вселения является весь Хабаровский край.

Хабаровский край – один из самых крупных регионов Российской Федерации. Его площадь – 787 тыс. кв. километров, что составляет 4,5% территории России. Территория края простирается с севера на юг почти на 1800 км, с запада на восток - до 750 км. Край омывается водами Охотского и Японского морей. Протяженность береговой линии (включая острова) - 3390 км. Край имеет общие границы с Республикой Саха, Приморским краем, Амурской, Магаданской и Еврейской автономными областями; проливы Невельского и Татарский отделяют его от острова Сахалин, а Охотское море - от Камчатского края. На юго-западе проходит государственная граница с КНР.

Климатические условия значительно изменяются как с севера на юг, так и в зависимости от характера рельефа и близости к морю. Климат континентальный с хорошо выраженными муссонными чертами. Зима продолжительная, снежная. Средняя температура января от -22 °C на юге и до -40 °C на севере, на побережье от -18 °C до -24 °C. Лето на большей части территории относительно теплое и влажное. Средняя температура июля на юге +20 °C, на севере около +15 °C.

Численность населения Хабаровского края - 1343,3 тыс. человек, что составляет 0,9% численности населения России.

Хабаровский край обладает большими и разнообразными природными богатствами – земельными, водными, лесными и другими биологическими ресурсами вод и суши, многочисленными полезными ископаемыми. Ведущими секторами хозяйственного комплекса Хабаровского края являются промышленность (20,6% валового регионального продукта), транспорт и связь (18,8%), торговля (13,1%) и строительство (11%). В промышленном производстве доля обрабатывающих секторов составляет около 60%.

Флагманами промышленности края являются: ОАО «Комсомольское-на-Амуре авиационное производственное объединение имени Ю.А. Гагарина» (КнААПО) - крупнейшее российское самолетостроительное предприятие; ОАО «Амурский кабельный завод», обеспечивающий кабельно-проводниковой продукцией предприятия различных отраслей промышленности, как на российском, так и на зарубежном рынках; ОАО «Амурский судостроительный завод» - специализированное предприятие по строительству подводных лодок и боевых надводных кораблей для Тихоокеанского флота; ОАО «Амурметалл» - единственный на Дальнем Востоке завод по переработке лома черных металлов в сортовой прокат и др.

Агропромышленный комплекс края развивается в сложных природно-климатических условиях. Более 30% пахотных земель занимают мелиорированные земли. В практике сельскохозяйственного производства применяется как осушение, так и орошение земель. В регионе выращивают пшеницу, овес, ячмень, гречиху, рис, просо, кукурузу, сою, коноплю, лен, сахарную свеклу, подсолнечник, картофель, капусту, помидоры, огурцы, тыкву, морковь, лук, чеснок, яблони, кормовые. В животноводстве преобладают скотоводство, свиноводство, оленеводство, птицеводство.

С развитием экономики, созданием рабочих мест увеличивается количество вакансий, край испытывает недостаток трудовых ресурсов. Наиболее востребованы на рынке труда Хабаровского края специалисты рабочих профессий: операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин, слесари-сборщики, плотники, бетонщики, штукатуры, каменщики и др.; работники сферы обслуживания (повара, продавцы непродовольственных товаров и др.), средний медицинский персонал. В связи с развитием отрасли жилищнокоммунального хозяйства возросла потребность и в работниках сферы обслуживания ЖКХ.

В рамках региональной программы переселения участникам Государственной программы оказывается содействие в профессиональной переподготовке (переобучении) и повышении квалификации. Оказываются услуги по встрече и временному размещению в центре временного размещения соотечественников (г. Хабаровск) до отбытия на выбранную участником Государственной программы территорию вселения.

Амурская область

В состав проекта переселения «Амур» включены 7 городов (Благовещенск, Белогорск, Зея, Райчихинск, Свободный, Тында, Шимановск), 1 поселок городского типа (пгт.Прогресс) и 20 муниципальных районов (Архаринский, Белогорский, Благовещенский, Бурейский, Завитинский, Зейский, Ивановский, Константиновский, Магдагачинский, Мазановский, Михайловский, Октябрьский, Ромненский, Свободненский, Селемджинский, Серышевский, Сковородинский, Тамбовский, Тындинский, Шимановский).

Амурская область – это один из крупных субъектов Российской Федерации, занимающий пограничное положение на большом протяжении с Китайской Народной Республикой. Протяженность границы составляет почти 1250 км.

Амурская область расположена в умеренном тепловом поясе. Климат континентальный с муссонными чертами. Средняя температура воздуха колеблется с юга на север от +20,7 °C до +17,6 °C в июле и от -27,6 °C до -32,8 °C в январе. Зима сухая и малоснежная.

В области имеется возможность трудоустройства всех желающих, в том числе участников Государ-

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ 5

ственной программы и членов их семей. Особенно востребованы специалисты в области здравоохранения, образования, строительства. Также имеется возможность занятия предпринимательской деятельностью и агропромышленным производством.

Для участников Государственной программы и членов их семей в рамках настоящей программы предполагается предоставление следующих мер социальной поддержки: выплата единовременного пособия на обустройство; компенсация стоимости обязательного медицинского освидетельствования, необходимого для оформления правового статуса на территории Российской Федерации; компенсация расходов на обучение лицам, получившим медицинскую и фармацевтическую подготовку в иностранных государствах, для получения сертификата специалиста.

Жилищное обустройство участников Государственной программы возможно путем приобретения жилья за счет собственных средств, а также путем аренды жилья у частных лиц. Временное жилищное обустройство возможно в гостиницах и общежитиях, расположенных в территориях вселения, а также в Центре временного размещения в г. Шимановск (для прибывающих именно в г. Шимановск).

Магаданская область

Вся территория Магаданской области является территорией вселения и отнесена к территориям приоритетного заселения.

Магаданская область расположена в северо-восточной части Российской Федерации и граничит с юго-восточной стороны с Корякским АО, с западной - с Хабаровским кКраем, с северо-западной - с Республикой Саха (Якутия), с северо-восточной - с Чукотским АО. Сухопутные границы проходят по горным районам. Южная граница Магаданской области - морская (по Охотскому морю) со странами Азиатско-Тихоокеанского бассейна.

Климат области формируется в условиях сравнительно высоких широт и різких контрастов суши и Охотского моря. В целом климат континентального типа в центральных районах области и муссонного в её прибрежной части. Внутренние районы области характеризуются резко континентальным климатом с очень морозной зимой, тёплым летом и малым количеством осадков. Климат прибрежных районов отличается болем тёплой зимой и прохладным летом с сильними ветрами и туманами. Регион располагает наличием уникальных факторов для развития отдельных направлений туристической отрасли: экстремального, экспедиционного, рыболовного, спортивного и других видов активного отдыха. К рекреационным ресурсам области относится также наличие условий, отвечающих требованиям Международной федерации горнолыжного спорта для развития этого вида спорта: продолжительный период снежногопокрова и близость областного центра к весьма благоприятным для занятий горнолыжным спортом сопкам.

Акватория северной части Охотского моря, примыкающая к территории Магаданской области, относится к наиболее высокопродуктивным районам мирового океана, разведанные запасы рыб, беспозвоночных и водорослей составляют почти четверть запасов в российских дальневосточных морях.

Экономика Магаданской области опирается на три отрасли, формирующие более 95% промышленного производства: добыча полезных ископаемых, производство и распределение электроэнергии и воды, производство пищевых продуктов. Незначительно развито металлургическое производство (в основном представленное производством цветных металлов), строительство, химическое производство, сельское хозяйство.

Административным центром Магаданской области является город Магадан, который расположен в северной части Охотского моря, имеет выход в бухты Нагаева и Гертнера. В бухте Нагаева размещается крупнейший на северо-востоке России морской торговый порт. В городе имеется аэропорт для внутренних и международных авиалиний.

Сахалинская область

Территорией вселения является вся Сахалинская область.

Сахалинская область - единственный субъект Российской Федерации, расположенный на островах, омываемых водами холодного Охотского и теплого Японского морей, а также Тихого океана.

Сахалин - один из крупнейших островов России, протянулся с юга на север на 948 километров. Климат острова Сахалин формируется под влиянием муссонов умеренных широт, системы морских течений и особенностями рельефа и отличается холодной сухой зимой и теплым влажным летом.

Степень благоприятности климатических условий для хозяйственного освоения и проживания населения увеличивается по мере продвижения с севера на юг и с запада на восток острова.

Перспективы развития Сахалинской области базируются на реализации инвестиционных проектов в рамках федеральной адресной инвестиционной программы и федеральных целевых программ, областной адресной инвестиционной программы и областных целевых программ.

Приоритетным направлением является строительство детских дошкольных учреждений. Ведется строительство и реконструкция социально значимых медицинских учреждений, что позволяет улучшать качество медицинских услуг, предоставляемых населению, в том числе высокотехнологичной медицинской помощи.

Позитивное влияние на состояние рынка труда Сахалинской области оказывают реализация инвестиционных программ крупными компаниями, активизация инвестиционной деятельности в традиционных отраслях региональной экономики, выполнение мероприятий федеральных и областных целевых программ, а также осуществление системы мер по государственной поддержке малого и среднего предпринимательства.

Основную динамику освоения инвестиций по Сахалинской области определяет деятельность предприятий, занятых в сфере добычи нефти и газа, доля которых в общем объеме инвестиций в основной капитал составляет более 60%.

В перспективных планах в области развития рыбохозяйственного комплекса в Сахалинской области имеются проекты по развитию воспроизводства водно-биологических ресурсов. Базовыми направлениями являются создание морского биотехнопарка в Сахалино-Курильском бассейне и строительство лососевых рыбоводных заводов в рамках Федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область) на 2007-2015 годы».

В рамках региональной программы переселения предусмотрены дополнительные гарантии за счет средств областного бюджета: организация профессионального обучения или дополнительного профессионального образования участника Государственной программы и членов его семьи; компенсация части расходов участникам Государственной программы, прибывшим в Сахалинскую область из-за рубежа, на временное размещение на период не более 6 месяцев в объемах и на условиях, предусмотренных региональной программой переселения; размещение в служебном жилье, предоставляемом по решению работодателя на безвозмездной основе; компенсация стоимости обязательного медицинского освидетельствования, необходимого для оформления правового статуса на территории Российской Федерации.

Еврейская автономная область

Территорией вселения является вся Еврейская автономная область.

Еврейская автономная область расположена в южной части российского Дальнего Востока. На западе граничит с Амурской областью, на востоке – с Хабаровским краем, на юге ее граница по реке Амур совпадает с государственной границей России и Китая.

Область имеет выход в моря Тихого океана через Амурский водный путь.

Область относится в основном к зоне достаточного увлажнения. Зима малоснежная и холодная, лето теплое и влажное. В целом климатические условия области благоприятны для культивирования разнообразных сельскохозяйственных культур.

Территория, составляющая более 36,3 тыс. км², делится на две примерно равные части: горную и равнинную. Область обладает разнообразными природными ресурсами, достаточным пространством сельскохозяйственных угодий и развитой транспортной инфраструктурой.

С 2008 года в Октябрьском районе области предприятием с иностранными инвестициями ООО «Хэмэн – Дальний Восток» реализуется проект по освоению рудника «Поперечный» по добыче и обогащению железомарганцевых руд на Южно-Хинганском месторождении со строительством фабрики.

В приграничных с КНР районах области в с. Пашкове Облученского района, с. Нижнеленинское Ленинского района реализуются проекты по глубокой переработке леса, заготавливаемого как в ЕАО, так и в соседних регионах. Предприятия планируют производить – паркет, ламинатную доску, мебель и др. изделия.

В агропромышленном комплексе необходимо привлечение дополнительных трудовых ресурсов. В настоящий период времени к числу дефицитных профессий относятся такие специальности как рабочие, занятые в сфере растениеводства, в том числе трактористы-машинисты, водители, растениеводы, и животноводства, в том числе операторы машинного доения, работники животноводческих комплексов по выращиванию и откорму скота.

Для дальнейшего подъема экономики автономной области, повышения инвестиционной привлекательности, развития малого и среднего предпринимательства и сельскохозяйственного производства область нуждается как в высококвалифицированных специалистах, так и в квалифицированных рабочих.

Во всех районах области имеется потребность в квалифицированных трудовых ресурсах, которую частично можно удовлетворить за счет трудоустройства соотечественников, проживающих за рубежом. Организациям требуются специалисты сельскохозяйственного производства, социальной сферы – врачи и учителя. Облученский район испытывает также дефицит рабочих и инженерно-технических кадров горнодобывающей и перерабатывающей промышленности.

В рамках региональной программы переселения предусмотрено оказание содействия участникам Государственной программы в проведении бесплатного медицинского освидетельствования для оформления правового статуса на территории вселения автономной области, а также в проведении переаттестации ученых степеней, нострификации дипломов и других документов об образовании.

С информацией о Госпрограмме можно ознакомиться на сайтах: www.fms.gov.ru, www.mifis.ru, www.ruvek.ru, www.aiss.gov.ru.

С региональными программами переселения можно ознакомиться на сайтах уполномоченных органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации, реализующего Государственную программу, и на сайтах территориальных органов ФМС России.

Александр ЧЕРНОБРОВКИН

Окончание. Начало в №11.

Возвращение

8

ак ни странно, Северное море мы проскочили без особых проблем. Чем дальше мы отходили от Норвегии, тем спокойнее оно становилось. Нефтяных платформ на нем столько, что напоминают небольшой городок. Рядом с многими стоят на якоре или лежат в дрейфе суда-снабженцы и якорезавозчики, на которые мечтают попасть моряки торгового флота, потому что зарплата на них выше в несколько раз, а работа поспокойнее. Я заметил, чем лучше судно и меньше работы, тем выше зарплата. Куда смотрит справедливость?!

Капитан приказал проложить курс к Оркейским островам, где мы

встали на якорь возле острова с приятным названием Sunday, чтобы переждать трехдневный шторм от норд-веста силой до одиннадцати баллов. Видимо, Бузин решил, что через такой мы все равно не прорвемся, обманывать нет смысла. Великобритания поприветствовала нас ярким солнцем и сразу двумя радугами в разных концах неба. На острове вся пригодная для пастбищ земля, поросшая зеленой травой, была разбита на огороженные участки, на которых, казалось, неподвижно стояли овцы или коровы. Здешняя скотина, наверное, позавидовала бы нашей, которая бродит по большим и неогороженным пастбищам. У нас и народ неогороженный, поэтому местные жители вряд ли позавидуют нам. Получается, где хорошо жить скотине, там и люди живут по-скотски. И наоборот.

К ночи задул северо-западный ветер, причем такой силы, что уже в полумиле от берега волна поднималась до полутора метров.

— Это еще ничего, тут такие ветрюганы бывают — мама не горюй! Мы здесь рядом стояли, на Фарерских островах, рыбу сдавали, так у меня матроса сдуло с причала, еле выловили, — рассказал капитан. — Ты внимательно следи за дрейфом. Если якорь поползет, сразу давай команду машину готовить и меня буди. И эхолот не выключай, — зачем-то постучав пальцем по стеклу эхолота, приказал Епиков.

Якорь держал надежно, поэтому три дня пролетели незаметно. В начале четвертого дня британская радиостанция передала о предстоящей перемене ветра на южный с ослаблением до семи баллов, а потом на юго-западный с усилением до десяти. Нам надо было бы встать на якорь возле северо-восточной стороны острова, переждать там шторм, но руководство «Белфрахта» решило, что стоящее судно прибыли не принесет, и на этот раз вежливо попросило возобновить движение и прибыть в Уиклоу в пятницу до полудня. До часа X осталось двое с половиной суток и 350 морских миль. По спокойному морю управились бы, но по прогнозу ветер будет до 35 метров в секунду. Епиков поругался для приличия, но выполнил с радостью, с утреца поперся дальше. Ему надоело стоять на якоре. Мне кажется, Александр Сергеевич точно подметил характерную черту русского человека, выразил ее короткой фразой и именно с нее начал одно из своих лучших, по моему мнению, произведений: «Мне скучно, бес!» Все в нашей стране начинается именно с этой фразы. И еще меня позабавила быстрота, с которой Епиков переходит от истерики к пофигизму и обратно. Такое впечатление, что он просто не умеет делать выводы, даже на своих ошибках не учится.

К моей ночной вахте нас уже долбало по-полной. Видимо, я перехватил старпомовскую черную карму, теперь шторма разгуливаются на моей вахте. При этом мы шли в паре миль от берега, который по идее должен был прикрывать от южного ветра. Вскоре нам предстояло выйти из-за его прикрытия – что тогда будет?!

- Пойдем становиться на якорь вот сюда, показал Епиков на карте бухточку возле острова
 Льюис.
- Не внушает она доверия, маленькая слишком, и ветер будет в борт, усомнился я. Может, пойдем сразу к Гебридским островам? Там укрытие надежное, с трех сторон защитит и ветер в скулу, меньше болтать будет. Да и по пути туда.
- К Льюису ближе, возразил капитан. И вот что, будешь писать радиограмму, указывай точку не на восемь часов, а на четыре.
 - Зачем?
 - Чтобы у нас в запасе было четыре часа.
 - А зачем они нам?

– Ну, пригодятся.

Мне показалось, что он и сам не знает, где и как они могут пригодиться, просто привык иметь в запасе всё. А может, я чего-то не понимаю.

До конца моей вахты мы прошли всего четыре мили в сторону острова Льюис и удлинили расстояние до порта Уиклоу на пару миль. Составляя радиограмму, я прикинул, что старпом пройдет за вахту не слишком много, так что относительно порта назначения мое вранье по приказу будет незначительным.

Так оно и случилось. К моей дневной вахте мы оказались милях в двух от острова Льюис. Ветер покрепчал до обещанных 35 метров в секунду. На руле стоял боцман, потому что авторулевой не справлялся. Сразу за мной на мостик поднялся Валера Редута, чтобы заступить на руль.

Епиков рассматривал бухточку в бинокль, но даже без бинокля было видно, что спрятаться там не удастся. Капитан молчал, потому что не хотел признаваться в своей неправоте.

Я помог ему:

- Попробуем отдать якорь?! Вдруг удержит?!
- Да ты что, сдурел?! При таком метре нас сразу на берег выбросит! возмутился капитан. Пойдем к Гебридским островам.

То есть именно туда, куда я советовал вчера. Но теперь это как бы его инициатива – ответ на безрассудный совет подчиненного.

Я проложил новый курс на карте и приказал Редуте ложиться на него. И мы поковыляли со скоростью два с половиной узла к другому укрытию. Было понятно, что в эту пятницу мы не попадем в Уиклоу. Я бы мысленно послал соболезнования товарищам Бузину и Пеньевскому, но подозреваю, что они понятия не имеют, что это такое.

Добрались мы как раз к полуночи. Когда мой будильник откурлыкал подъем, загремела якорьцепь. Тарахтела долго, смычки на три. Когда я поднялся на мостик, капитан, метаясь по мостику, истерично материл боцмана, который был на полубаке и ничего не слышал. Обычно Епиков так увлекается этим процессом, что не замечает, как жертва оказывается в радиусе поражения, а обнаружив это, нимало не смущается: он же капитан – второй после бога. Представляю себе его бога...

— Радиограммку отошли англичанам, что стали здесь на якорь. И следи за дрейфом, — приказал капитан, показав на свой любимый эхолот, по которому, конечно, можно определить дрейф, но слишком поздно. — Если что, зови.

Я не решился положиться на его любимый прибор, настроил GPS на режим стоянки на якоре, чему меня научил старпом. Учил он и капитана энное и явно недостаточное количество раз. Впрочем, уже по тому, как резко ослабевала, а потом опять резко набивалась якорь-цепь, было понятно, что якорь ползет. Поскольку по корме опасностей не было, я подождал немного, чтобы это показали и приборы, а потом позвал Епикова.

– Говорил я боцману, что надо якорь во впадину отдавать, а по склону он, конечно, поползет! – возмутился капитан, поднявшись на мостик.

Можно подумать, боцман сам решает, где отдавать якорь, а не выполняет команду с мостика. Он, кстати, не успел переодеться, видимо, не сомневался, что придется еще раз повозиться с якорем.

Вторая попытка оказалась удачной. На этот раз яшку бухнули прямо в яму, из которой ему лень было выползать вверх по склону. Судно замотылялось по дуге влево-вправо у высокого шотландского берега. Если норвежские берега как бы выражают мрачную суровость, то этот – мрачную безысходность.

К нам медленно подкрался корабль береговой охраны, кабельтовых в пяти остановился и несколько минут лежал в дрейфе. То ли проверял по указанию берегового командования нашу радиограмму, то ли убеждался, что мы не собираемся в самоволку на берег. Прожектором себе не подсвечивал, проделал все в потемках. Может, на ощупь?! Я ждал вызова по рации, но представители королевских военно-морских сил не решились побеспокоить нас. Посему я настроил мобилу на прием береговых развлекательных радиостанций, вставил наушники в оба уха и самоотверженно отдался исполнению своих служебных обязанностей. Понапрягались пару дней – пару дней расслабимся. Русские горки – это по-нашему.

Днем пейзаж оказался не намного радостнее. Вокруг пусто и тоскливо. Разве что водопадом можно полюбоваться. Примерно милях в двух от судна речушка падает в море метров с сорока. Живи я в такой местности, тоже сиганул бы с обрыва. Теперь понимаю, почему шотландцы молятся на свой виски: без него тут совсем труба.

ПРОЗА ________ 9

Капитан показал радиограмму, в которой нам предписывалось 11-12 декабря прибыть в порт Саутгемптон под погрузку ячменем на Роттердам. Значит, к вечеру получим благоприятный прогноз от товарища Бузина и пойдем бодаться с Атлантическим океаном.

А нам бы пора добраться до порта назначения хотя бы для того, чтобы свежей водой забункероваться. То ли в танке пресной воды образовалась еще одна течь, то ли по каким-то другим причинам, но вода становится с каждым днем все хуже. Теперь уже и мыться под ней стрёмно: волосы становятся на ощупь как войлок и лезут, а кожа начинает зудеть.

Снялись рано утром, в конце старпомовской вахты, потому что капитану не спалось. До начала моей вахты шли под прикрытием островов, а потом, по установившейся новой традиции, началось. Буквально за час ветер разогнался метров до тридцати и поднял волну метров до семи. На этот раз Епиков не стал ждать, пока шторм разгуляется на полную силу, решил поворачивать к берегу. Короткий путь вел мимо опасной банки. Была бы у нас хотя бы путевая карта этого района, можно было бы рискнуть. Но у нас только генеральная. Капитан решил обходить банку мористее, что удлиняло путь миль на десять. Скорость судна упала всего до четырех узлов, потому что ветер был с кормовых курсовых углов и немного компенсировал потерю от высокой волны.

Банку мы проскочили в конце моей вахты. Капитан находился на мостике, поэтому эхолот отметил это прохождение скачком до 18 метров и последующим стремительным опусканием. Что у Епикова не отнимешь – от опасностей он не бегал, как некоторые капитаны, при малейшем напряге всегда был на мостике. Он приказал подвернуть немного, и ветер теперь задул нам прямо в корму, и волна погнала нас шлепками. Скорость сразу подросла до шести узлов. Поскольку до укрытия оставалось 35 миль, следующая моя вахта имеет шанс стать разгрузочной.

Сменившись, я завалился на кровать, поставил в ногах ноутбук и приступил к просмотру фильмов, скачанных в Интернете перед рейсом. Пиратская продукция на море кажется уместной, по крайней мере, не вызывает угрызений совести. Впрочем, поскольку пираты распространяют в Интернете и мои произведения без моего согласия, я считаю, что обмениваюсь с собратьями по несчастью и никому ничего не должен. Даже Билу Гейтсу. Последнему потому, что мои читатели, даже одолевая роман «Чижик-пыжик», матерятся не так часто, как пользователи Microsoft Windows, одинаково, что легальной, что пиратской.

Ночь мы отстояли под прикрытием острова, а с утреца, когда подутихло, побежали в Ирландское море. Серверная часть его узкая, волнам там негде разгуляться, так что остаток пути превратился в прогулку. Капитан приказал уменьшить скорость, чтобы прибыть к его утренней вахте. Я попытался ему объяснить, что зайдем в порт мы в любом случае только на полную воду, а она, согласно справочникУ приливов, сейчас в порту Уиклоу около полудня и полуночи.

– Ну, на всякий случай, – сказал в свое оправдание Епиков. – И точку не забудь дать на восемь часов как на четыре.

И тоже на всякий случай, хотя в этом всяком уже пора обнулять запас, а то можем попасть в непонятное.

9

В порт нас заводил лоцман такой расхристанный и с таким красным носом, что у меня появилось подозрение, будто его поймали в пивнушке где-нибудь на окраине городка и послали к нам вместо уплаты штрафа. Я слышал от российских моряков, что ирландские капитаны пьют похлеще наших и еще больше похожи на бомжей. Теперь убедился, что это не творческое преувеличение. Правда, дело свое он знал, судно завел уверенно. Впрочем, портик маленький, всего два причальчика. В отлив судно может «сесть» на грунт, благо здесь он мягкий. Ко второму, дальнему, причальчику, расположенному как бы за углом, был ошвартован лесовоз под панамским флагом тысячи на три тонн. Справа от грузового терминала была марина для яхт, и возле нее часть акватории порта была занята рядами буев.

- Спроси у него, это не сети? попросил меня Епиков.
- Нет, это для швартовки яхт, ответил я.
- Все равно спроси.

Я перевел его вопрос, потом перевел то же самое, что ответил до этого. При этом лоцман назвал меня старпомом. Услышав такое ко мне обращение, Комар сразу ушел в рубку. Надолго спрятаться ему там не удалось, потому что мы с Редутой пошли швартоваться, а старпому пришлось рулить.

Почти час капитанской истерики и матов - и мы ошвартованы левым бортом к причалу, носом на

выход. Сразу же к судну подъехали два автокрана, водители которых быстро выскочили из кабин и занялись установкой упоров. Тут же на личных легковых автомобилях приехали грузчики, занялись раскреплением груза. Один из грузчиков оказался русским гражданином Литвы.

- Привет, зёма! Сигарет нет на продажу? спросил он у меня.
- Не курю.
- А у других, не знаешь?
- На продажу вряд ли. Мы сюда месяц добирались, все искурились. Здесь собираются покупать.
- Здесь курево дорогое, a duty free нет.
- А ты давно здесь? в свою очередь поинтересовался я.
- Семь лет уже. Последние пять с семьей здесь живу, ответил русско-литовский ирландец.
- Ну и как?
- Нормально, ответил он и после паузы добавил: Скучно только.

Тут его позвали коллеги, и он пошел раскреплять караван.

На борт поднялся ирландец интеллигентного вида, я бы подумал, что он директор школы. Оказалось, он получатель груза для своей мебельной фабрики. И еще у него какая-то фирма в порту, как потом мне рассказал наш грузчик. Ко мне он зашел именно как представитель портовых властей. Я достал заготовленную для него по совету капитана и старпома пачку документов.

- Мне нужны только заявление на приход и судовая роль, с испугом глянув на приготовленную для него пачку, сказал интеллигентный капиталист.
 - Штампы будете в паспорта ставить?
 - А зачем?

Я не стал объяснять особенности российской бюрократической машины, моего английского словарного запаса не хватило бы даже на половину их тонкостей. Если у них бюрократическая машина попроще – мне меньше работы. Я сделал вывод, что в следующий раз не надо слушать обоих моих высокопрофессиональных руководителей и переводить лишнюю бумагу. Заготовлю в компьютере на всякий случай все документы и буду распечатывать по запросу портовых властей.

В каюту ко мне зашел старпом.

- В город пойдешь? спросил он.
- Да надо бы. Вахта кончится и схожу.
- Я вместо тебя повахчу, все равно буду выгружать.
- Я насторожился, почувствовав запах данайщины.
- Сто баксов мне разменяй, продолжил старпом.

Просьба эта не вызвала у меня никаких подозрений. Я недооценил Комарова.

У порта не было никакого ограждения, ни проходной. Просто идешь по короткой улочке между складами и офисами связанных с морем фирм и вскоре оказываешься на обычной городской улице. Возле первого же магазинчика стояла разукрашенная елка с подсказкой «Marry Christmas!» До Рождества оставалось еще две недели, но почти все ирландцы, встречаясь на улице, поздравляли друг друга с наступающим праздником. Видимо, русско-литовско-ирландский грузчик не врал, утверждая, что жизнь здесь очень скучная.

Я зашел в первый же банк, нашел там окошко обмена валют и, обменявшись приветствиями с операционисткой, спросил:

- Доллары поменяете?
- Конечно.

Я протянул ей старпомовскую сотню.

Лицо ее сразу как бы отделилось от улыбки:

- Извините, стодолларовые купюры мы не меняем.
- Почему? спросил я и понял, почему. Вы можете проверить, она не фальшивая.
- Проверить можно только в центральном офисе в Дублине.

Съездить в столицу Ирландии желание у меня было, но вот времени – увы! В отделении другого банка история повторилась. Я догадался, что это польские братки нашпиговали Западную Европу фальшивками высокого качества, и теперь любого обладателя славянского акцента подозревают в пособничестве им. Принимая в Евросоюз бывших «совков», страны Западной Европы собирались сделать хуже России. Со всей Россией они, конечно, лоханулись, но на старпоме отыгрались. Зато во что вылилось это им самим! В русской мифологии есть такие персонажи – злыдни. К кому в дом попадут – того хозяйство и пустят по ветру. Причем попасть они могут только, если хозяин сам за-

несет их в дом. Вы этого хотели, западноевропейцы! А Россия в последние годы начала стремительно богатеть.

Я погулял по городку, маленькому, тихому, ухоженному. Дома в основном одно- и двухэтажные с большими окнами, расположенными так низко, что, если бы не стекло, мог бы переступить с тротуара в гостиную или кухню. Окна, за редким исключением, незашторенные, и создается впечатление, что смотришь реалти-шоу «За стеклом».

После долгих поисков я обнаружил интернет-салон и стал единственным посетителем. Нахлебавшись спама, накопившегося за месяц, и ответив на письма друзей, что заняло примерно полчаса, я попросил счет.

– Четыре евро.

У нас за такие деньги можно сидеть в Интернете несколько часов. Поэтому я решил отомстить жадному ирландцу и дал купюру в сто евро. Думаю, поляки и на этом фронте подсуетились. Хозяин салона поморщился, но купюру взял и сдачу отсчитал.

Затем я зашел в супермаркет, чтобы прикупить питьевой воды и фруктов. Для меня поход в магазин, особенно в незнакомый, - стрессовая ситуация. Я моментально забываю, что надо купить и даже где лежит список необходимого. Я прошелся по залу туда-сюда, вспоминая. Вдруг моя тележка зацепилась за другую. Управляла той тележкой женщина лет сорока. Внешность, скажем так, на любителя, но после месяца в море любителями становятся все нормальные мужики. Я думал, этим приемом пользуются только русские женщины. По моему растерянному виду они сразу догадываются, что я холостяк (женатый покупает быстро и по списку, который не выпускает из зубов), и решают проверить, не могут ли они исправить это недоразумение. Ирландка извинилась. Я извинился в ответ. Она спросила, не поляк ли я? Узнав, что русский (судя по ее дальнейшим действиям, это чуть лучший вариант), плавно перевела беседу на наступающее Рождество, которое ей не с кем встречать. Оказывается, у них, как у нас на Новый год, с кем встретишь этот праздник, с тем и проведешь весь год. Я сообщил, что сегодня вечером покину ее прекрасный городишко, хотя именно с ней я не отказался бы встретить Рождество. На том и разошлись, как в море пароходы. Я вдруг сразу вспомнил, что мне надо купить, и быстро отоварился. Когда вышел из супермаркета, увидел на автостоянке эту женщину, сидевшую в маленькой машине с открытой левой передней, пассажирской, дверцей. Ирландка курила сигарету и делала вид, что не замечает меня. Появилось непреодолимое желание плюнуть на «Пур-Наволок» и сделать счастливым не только себя. После минутного колебания непреодолимость была успешно преодолена, и я поплелся на судно.

Разгрузка шла полным ходом. Оба автокрана захватывали сразу по два пакета пиломатериалов и опускали на причал, где два электрокара брали по одному пакету и грузили на прицеп седельного тягача или складировали неподалеку. Работали ребята так четко и быстро, что сомнений по поводу отхода сегодня ночью у меня не появилось.

Я отдал старпому его сотню и рассказал о похождениях по банкам. Комаров почему-то обиделся на меня, лицо скривилось, словно вот-вот заплачет.

- Если не веришь, сам сходи.
- Все равно не поменяют! воскликнул он с такой обидой и уверенностью, что я понял, что он знал заранее, поэтому и подставлял меня: дуракам везёт. То ли русская пословица не сработала на ирландской почве, то ли я не совсем безнадежен. Вот пойду и поменяю! вдруг совсем по-детски пригрозил Комаров.
 - Иди, я за выгрузкой послежу.
 - И пойду! еще увереннее заявил он, продолжая сидеть за столом.

Я даже не засмеялся.

Старпом всё-таки сходил в город. Сотню он, конечно, не поменял, но пивка дернул, а может, чего и покрепче, хотя утверждал, что другой валюты у него нет. Когда он вернулся, кэп уговорил меня пойти в город пофотографироваться.

– Я в каждом рейсе делаю фотоальбом, – рассказал он мне. – Выйду на пенсию – и буду их рассматривать, вспоминать, где был.

Что ж, каждый сходит с ума по-своему.

Мы прошлись по Уиклоу, сфотографировались на фоне местных достопримечательностей. Их оказалось немного, и почти все собраны в одном месте – на мысе на окарине городка. Там раньше был форт. Теперь остался небольшой обломок стены, рядом с которым расставили пушки и якоря, на всякий случай вмуровав в бетон. Создавалось впечатление, что и здесь есть охотники за черным ме-

ДШ поколение

декабрь 2014

таллом. Что особенно впечатлило – по речушке, протекающей через Уиклоу, плавали безбоязненно дикие утки. Охотников на водоплавающую дичь здесь, видимо, нет совсем.

К нашему возвращению разгрузку закончили. Подъехала автоцистерна и отдала нам десять тонн питьевой воды. Боцман сразу часть закатал в расходную цистерну, в которой вода оставалось болееменее пригодной для приготовления пищи, а остальной разбавил уже имеющуюся в танке питьевую воду. Я помылся в душе и убедился, что вода лучше если и стала, то не намного.

К полуночи прибыл лоцман. Тот самый, только нос был намного краснее, чем утром, и перегар посвежее. Я вышел на отшвартовку на корму, где по команде с мостика вместе с матросом Розумовским и электромехаником отдали швартовы. Саша уже начал наматывать один на вьюшку, когда из динамика донеслись капитанские вопли. Кричал он в машинное отделение, но почему-то слышно было и нам. Главные двигатели не запускались. Корма судна потихоньку отходила от причала.

- Мостик корме. Может, заведем швартовы, пока далеко не отнесло? спросил я.
- Василич, машина не запускается! в ответ пожаловался мне капитан.
- Я уже понял. Мы пока недалеко от причала, можем подтянуться шпилем.
- Давай, делай! Неизвестно, сколько они еще возиться будут! разрешил капитан. И этот пусть в машину идет, неисправность ищет!

«Этот», беззвучно ругнувшись, швырнул на палубу выброску и пошел в машинное отделение. Саша Розумовский поднял ее, быстро привязал и швырнул на причал. На этот раз ни в кого не попал. Береговые матросы, два старых деда, которые не успели вовремя свалить, теперь вынуждены были тянуть толстый и мокрый швартов на причал. Мы быстро завели его на шпиль, подтянулись к причалу.

- Снимать со шпиля не будем, предложил Саша. Может, опять придется выбирать.
- Подождем, согласился я.

Мне нравилась манера Розумовского ненавязчиво и необидно предлагать оптимальные варианты. Мы ждали минут сорок, потом я увидел, что лоцман сходит на причал.

– Вот такие дела, Василич, – пожаловался мне капитан по связи. – Из-за этих... механиков будем стоять до завтра! Поднимись на мостик, радиограмму надо отправить в контору.

Неисправность нашли минут через пятнадцать после ухода лоцмана. Никто по этому поводу особо не переживал. У капитана был отмаз – неисправность двигателей, у деда тоже – причина где-то в электрике, а с Миши какой спрос на топленном судне?!

Обидно, что не предполагал такой расклад, а то бы сейчас с ирландкой практиковался в английском.

Днем мы все-таки вышли в рейс. Лоцман на этот раз выглядел совсем свежим и даже был в чистой рубашке. Перед уходом он сказал только мне, хотя на мостике были капитан и старпом, что получено штормовое предупреждение.

- Да, знаю, небрежно ответил я. Всего-то семь балов.
- Я был уверен, что в лужах под названием Ирландское и Кельтское моря мы с таким штормом справимся шутя.

Капитан подсунул мне, непонятно когда ставшему членом судового комитета, на подпись акт о покупке спиннинга якобы для судовых нужд. Утром Епиков сбегал в магазин и купил его себе, но, продумав, решил, что семь евро – неподъемная для него сумма, пусть платит судовладелец. Я подписал: пусть сами выясняют, кто из них скупее.

- И составь радиограмму агенту, адрес на столе лежит, приказал капитан, радостно полюбовавшись актом.
- В Саутгемптон можно двумя путями зайти, западнее или восточнее острова Уайт. Какой выберем?
 - Посмотри по лоции, предложил капитан.
 - Смотрел. Там точно не указано, но вроде бы надо восточным, а он дальше.
- Дай агенту время подхода к западному приемному бую и укажи его координаты. Если что, он поправит, нашел выход капитан.

Так я и сделал.

Не успели мы отойти миль на десять от Уиклоу, как судно догнал вертолет береговой охраны. Он сперва облетел нас, а потом завис над трюмом и начал опускаться. Казалось, он сейчас снесет винтами кормовую мачту. Стрекотал при этом так, что даже вахтенный механик вышел посмотреть, что происходит.

- Вертолет «Пур-Наволоку», что вы делаете? запросил я по рации на дежурном канале.
- Проводим учения по высадке группы захвата на судно, ответил мне вертолетчик.
- Предупреждать надо, сказал я.

Видимо, они решили, что и у нас жизнь такая же скучная, очень им обрадуемся. Ничего больше не сказав, вертолет резко взмыл и полетел к берегу. Теперь я знаю, что такое ирландский юмор.

Вечером нас начало колбасить. Судно сидело кормой метра на два, а носом – на метр. Теперь даже метровые волны имели его, как хотели. Благодаря пустому трюму, звук от ударов был более впечатляющим. И бортовая качка усилилась. Все, что могло и не могло, повылетало с полок и ящиков, все дверцы хлопали, несмотря на несколько широких полосок скотча. Даже кресло в радиорубке пришлось положить боком на палубу, иначе оно, катаясь на колесиках, разгромило бы столы.

- Может, возьмем балласт в форпик, чтобы поменьше било? предложил я капитану, меняя его.
- В форпике дырка, заливает камбуз и кладовку.
- А к укрытию не пойдем?
- Нет, твердо заявил капитан. Я докажу этому козлу Бузину, что в любую погоду доведу судно. Мы должны прийти не позже утра четырнадцатого, иначе попадем на выходные, будем стоять.
 - Ради козлов можно и постоять.
 - Придем вовремя, уверенно заявил Епиков.

Тринадцатое число начало оправдывать себя: англичане передали прогноз до двенадцати баллов. Что я и сообщил капитану, когда он часа в три ночи поднялся на мостик. При такой долбежке уснуть трудно, а просто так лежать ему, наверное, надоело. Скорость упала до трех узлов.

С правого борта шел на сближение английский паром. Я повернул влево, чтобы пропустить его по носу, но англичанин связался со мной и предложил не менять курс и скорость, обойдет меня по корме. При его двадцати узлах это не проблема, но мало кто соглашается уступать дорогу, если обязаны уступить ему. Я поблагодарил англичанина, добавив, что он настоящий джентльмен. Видимо, это слово еще не приобрело у англичан такой же оскорбительный смысл, как у нас слово «интеллигент», потому что его ответная благодарность была более продолжительной. Пока недолгое время лежали на новом курсе, почувствовали разницу – било реже.

- Предлагаю подвернуть влево, сказал я капитану. Все равно до четырнадцатого не успеем. А так к берегу пойдем, укроемся от шторма.
 - Ну, хорошо, после минутного молчания согласился Епиков.

Теперь стало бить пореже и качать послабее.

- Так громко долбит, что кажется, наше корыто сейчас развалится, пожаловался я.
- Не развалится, уверенно сказал Сергей Леонидович. Когда в доке стояли, я посмотрел корпус. Ни одной трещины не нашел, хотя в Карском море нас не хуже колошматило.
- А откуда вода забортная поступает в питьевую цистерну и из форпика на камбуз? не удержался я.
- Да это ерунда! отмахнулся капитан. Проскочим как-нибудь! самоуверенно заявил он. Мы ведь все здесь смертники, знали, на что идем.
- Я не смертник, не знал, на что иду. И не я один, возразил я. Не ожидал, что так сильно изменилось отношение к морякам. В советское время это корыто дальше Финского залива не выпустили бы, а при таком прогнозе и вообще стояли бы в порту и не рыпались.
 - Что ты хочешь?! Капитализм!
 - Российский капитализм, уточнил я.

На утренней вахте капитан вернулся на прежний курс. Я только-только заснул, привыкнув к редким ударам волн, а потом проснулся, потому что ритм участился. Наверное, Епиков пообщался с Бузиным. Нашли они друг друга на наши головы!

Когда я пришел на вахту, капитану наконец-то надоело бодаться с морем, повернул к берегу. За вахту он прошел восемь с половиной миль. Из-за них стоило так напрягать судно и людей. Впрочем, и на новом курсе долбало сильно, но пореже. АИС показывал, что примерно таким же или контркурсом движутся и остальные суда, оказавшиеся в ненужное время в Кельтском море. За мою вахту прошли чуть больше десяти миль.

- Держи к берегу, не давай капитану опять повернуть в море, посоветовал я старпому.
- Мне все равно, уныло ответил Комаров, похожий на воробья под дождем.
- И приготовь мне на приход отчет по мусору и льяльным водам.
- Сам готовь, буркнул старпом.

- Это твоя обязанность.
- А мне плевать, у меня контракт закончился.
- Не хочешь работать, напиши заявление, пусть пришлют замену. Держать не имеют права. Могу помочь грамотно его составить.
 - Чего вы все гоните меня?! обиженно воскликнул старпом и ушел в штурманскую рубку.

Вот и пойми его после этого! Подозреваю, что он ждет замену в Калининграде. По судну ходит слух, что пойдем туда на ремонт, заканчивать переоборудование трюма под перевозку угля из Польши в Данию. В Калининграде вроде бы должны поменять капитана и старпома. Это еще одна причина, почему Епиков спешит в Саутгемптон.

К концу старпомовской вахты море подутихло, и капитан повернул на выход в Ла-Манш. На следующий день мы уже летели со скоростью десять и более узлов по тихому и туманному проливу. В начале капитанской вахты подошли к западной части острова Уайт. Так как агент ничего не ответил на нашу радиограмму, капитан связался с береговой станцией и узнал, что заход в Саутгемптон с восточной стороны. Прокладку я сделал на оба случая, так что меня не беспокоили, дали отоспаться после двух бессонных суток.

К началу моей ночной вахты капитан маневрировал по рейду Саутгемптона.

– Хотел втихаря стать на якорь на дальнем рейде, – рассказал он мне, – так засекли сволочи! Послали вот на эту якорную стоянку, – показал он на ближнюю, для малотоннажных судов.

Я так и не понял, зачем ему нужно было становиться на якорь без разрешения. Напрашивался только один ответ – нежелание общаться с береговой станцией по случаю плохого владения английским языком. Послушав переговоры береговой станции с судами, я убедился, что и моего английского тоже не хватает, чтобы полностью понимать аборигенов. Слишком сложно и быстро они говорят. Как их понимает капитан Епиков – загадка для меня. Скорее всего, выхватывает знакомое слово и логично достраивает остальное предложение.

- Будем стоять до утра понедельника, сообщил капитан. В выходные их грузчики не работают.
 - Я был рад за английских грузчиков и за нас, благодаря им.
- У нас течь в машинном отделении, сорвало один из цементных ящиков, пожаловался капитан.Как раз успеем поставить новый.

Значит, этих ящиков не меньше двух. А сколько там трещин, так и не обнаруженных капитаном при осмотре корпуса судна в доке, не знает, наверное, и сам Епиков. Его патологическая склонность к вранью начинает уже забавлять меня, особенно то, что он сам себе верит, пока врет. А ведь и судовладелец не мог не знать об этих ящиках. Пожалел денег и время на ремонт?

10

Ошвартовались мы к плавучему зернопогрузчику, заведя носовые швартовы на него, а кормовые – на бетонные сваи на берегу реки. Сразу на борт поднялись два представителя властей, потребовали всего лишь две судовые роли и заявление на приход. И на этот раз кэп со старпомом стращали меня, что нужна будет кипа документов, но я не наступил на грабли во второй раз. Намериваясь в ближайшее время посетить Туманный Альбион для борьбы с лингвистическим кретинизмом, я попросил англичан поставить мне штамп в паспорте, чтобы потом, при получении визы, документально подтвердить, что я уже бывал у них в гостях. У британцев прецедент в почете, меньше будет мороки. Они долго слушали мои объяснения, пытаясь разгадать хитрый смысл. Так и не поняв, как и зачем пытаюсь их надуть, штамп ставить отказались. Затем приехал еще один тип и потребовал десять последних портов захода. Заготовка у меня была, быстро распечатал ему. Капитан, как обычно, на всякий случай, приказал внести туда оба норвежских порта, хотя мы там только на рейде стояли на якоре, что заходом не считается. Англичанину хватило того, что последний порт был ирландский, дальше читать не стал, тут же исчез.

По моему прошлому опыту 1600 тонн ячменя должны задуть в трюм часа за два-три, поэтому я попросил старпома подменить меня, все равно ему грузить, никуда не уйдешь. Комаров начал было вытанцовывать праздник непослушания, но вмешался капитан:

– Да, Василич, грузи, а мы со вторым пойдем пофоткаемся.

Проявив элементы акробатики, мы перебрались с судна на погрузчик, а с него – на причал. Здесь были заборы и калитки с электронными замками, которые оказались незапертыми. Мы прошли мимо причала самого большого лайнера «Королева Елизавета-2», который в тот момент был на заработ-

ПРОЗА _____

ках. А жаль! Я столько раз видел его по телевизору, что хотелось бы сравнить с натурой. Я делал несколько круизов на наших лайнерах как пассажир, но никогда не мечтал поработать на них: слишком суетно, хотя и комфортно во всех отношениях, даже лучше, чем на берегу. Теперь мне это не грозит: на такие суда нужны молодые и красивые штурмана. Куда мне, лысому, до них, лохматых?! Чем ближе к выходу из порта, тем меньше становилось заборов. Потом порт как-то незаметно, без всяких проходных, перешел в городские улицы. Привыкнув к полувоенному положению наших портов, я здесь чувствую себя чуть ли не беглым зеком. Все время ждешь сзади окрик: «Куды без пропуска?!»

Мы прошлись по чистым зеленым улочкам, сфотографировались на фоне чисто английских зданий. В магазины не заходили, чтобы не вводить себя во искушение. Кредиткой не везде воспользуешься, а менять доллары на фунты сочли нерациональным. По прикидкам капитана, после Роттердама мы пойдем на Балтику, где и пробудем до весны. Когда вернулись на судно, трюм был полон примерно на три четверти, но погрузка остановлена.

- Что, грузчики на обед ушли? спросил капитан старпома.
- Не знаю. Рано вроде бы, ответил Комаров.

Через полчаса приехал агент и сообщил, что грузить пока не будут, идет согласование. На вопрос, кого и с кем, пробормотал что-то очень вежливое и настолько же невнятное, пообещал вскоре вернуться и исчез. Капитан на всякий случай позвонил Бузину и доложил об этом. Тот потребовал позвонить агенту и выяснить, не по нашей ли вине, а потом пришел, наверное, к выводу, что правду ему не скажем, решил позвонить агенту сам и по результату разговора перезвонить на судно. Его звонка мы так и не дождались. Как и агента. Часов через пять грузчики, все афро-британцы, возобновили работу и буквально за полчаса закончили погрузку. Непонятно откуда материализовавшийся вдруг агент рассказал, что согласование закончилось, а шло оно между грузчиками и портом по поводу повышения зарплаты. На вопрос, кто победил, агент опять пробормотал что-то очень вежливое и невнятное. Стало быть, победил тот, у кого морда в крови.

Я нашел в справочной литературе зоны, при проходе которых надо связываться с береговыми станциями, нанес на карты, написав рядом карандашом номера каналов для связи и позывные. Зон было всего три. В этом рейсе мы будем проходить только одну, среднюю. По предварительным расчетам должна она была попасть на мою вахту. Поэтому я на предыдущей вахте настроил одну из радиостанций на нужный канал и послушал, что спрашивают и кто как отвечает. Ничего запредельного не спрашивали. На входе в зону надо было сообщить флаг судна, откуда и куда, название и количество груза, класс опасных грузов, если есть, количество членов экипажа и пассажиров, а на выходе только доложить, что вышел. Мне понравился один ответ. Хотя судно было под либерийским флагом, говорил явно русский, молодой парень, на хорошем английском и с той уверенностью, какую придает успешное овладение им. В конце каждой реплики надо говорить «Over», но он закончил доклад о выходе из зоны фразой «Game over». Диспетчер-англичанин, судя по голосу, тоже не старик, заценил и к обычным прощальным фразам добавил пожелание удачной игры. Угадайте с трех раз, чем оба занимаются после вахты да и на вахте, скорее всего? На всякий случай я набрал на компьютере и распечатал текст ответов на вопросы береговой станции и закрепил листок на переборке рядом с радиостанцией. Поскольку в Ла-Манше поднялась волна, скорость судна упала, вход в зону и доклад достанутся старпому. Сдавая вахту, я показал ему этот листок. Комаров даже не поблагодарил. Я всё ещё виноват в том, что ему до сих пор не прислали замену.

11

На подходе к Роттердаму сдох АИС. Голландцы начали вызывать неопознанное судно, приближающееся к порту. Капитан не догадался, что вызывают именно нас, поскольку называли координаты, курс и скорость на английском. Недоразумение прояснилось только, когда он сам связался со станцией, регулирующей заход в порт. В придачу голландцы задали коварный вопрос: «Security level?»

- Я ответил им: «Good», рассказал капитан, когда я пришел на вахту. Оказывается, надо было сказать: «Number one».
 - Я ничего не знаю об этих уровнях безопасности, признался я.
- Да-а, нужны они! Очередную ерунду придумали! отмахнулся капитан. Главное, что проверяют в странах, где ничего и никогда не случается. Понимаю, где-нибудь в Африке или Азии, а здесь... На мостик поднялся Валера Редута, чтобы рулить по реке.
 - Заделали? спросил его капитан.
 - Да.

- Что заделали? поинтересовался я.
- Еще одну трещину нашли. В пятом балластном танке. Небольшая, всего сантиметров пять, ответил капитан.

Да, такую в доке трудно разглядеть. И нормальный судовладелец с такой уже бы погнал нас в док по-новой. Наверное, в Калининграде так и сделают.

Перед входом в реку Маас стоит матка, с которой на небольших моторных лодках развозят на суда лоцманов. В любую погоду. Голландцы поддерживают репутацию морской державы, хотя на большинстве судов под их флагом сейчас работают иностранцы, много русских. Суда новые, ухоженные, зарплаты на них высокие и требования к специалистам тоже. Мне рассказывали, что в питерской крюинговой компании, нанимающей моряков на голландские суда, висит на двери объявление «Комсостав – до сорока лет, рядовой состав – до тридцати пяти». Но уж если попал к ним, можешь работать до пенсии, которую голландцы, не зависимо от твоего гражданства, будут платить тебе за отработанные на них годы. Очень много женщин среди голландских офицеров, даже механиков. Впрочем, сейчас в машинном отделении все автоматизировано, они редко спускаются туда. В годы моей юности механика узнавали по въевшемуся намертво мазуту в руки и часто в другие части тела. Правда, глядя на этих офицерш, понимаешь смысл слова «мужичка». Говорят, к ним даже в продолжительных рейсах никто не пристает.

К нам на борт по штормтрапу поднялся лоцман, молодой парень в спасательном жилете и с рюкзачком на спине. К тридцати годам они уже имеют лет пять-семь капитанского стажа. А наши только в двадцать три мореходку заканчивают. Судя по тому, что голландцы-моряки ценятся выше, наших явно переучивают. Лоцман, без лишней суеты и не вымогая выпивку, провел судно к месту выгрузки – какому-то странному затончику, на берегу которого стояла небольшая башня элеватора.

Поскольку вахта была не моя, я сразу убежал в город. Хотя город Роттердам и порт Роттердам – это одно и то же. Везде каналы, разводные мосты, шлюза, причалы и суда, морские и речные. И никаких ограждений и проходных. С нашими погранцами и портовой ВОХРой здесь бы случилась истерика. Мы ошвартовались рядом с районом домов престарелых. Я прошел мимо нескольких, поражаясь чистоте и порядку в них, улыбчивым лицам стариков, прогуливавшихся по аллеям или сидевших на скамейках. Некоторых возили в инвалидных колясках молодые санитары, девушки и парни. Я вспомнил, как на Мальте ждал автобус на остановке, которая располагалась рядом с домом престарелых. В этом доме передняя стена была стеклянная. Внутри сидели, как зрители в театре, старушки и смотрели на молодежь на остановке, которая смеялась, пела, танцевала, пила пиво, целовалась. Смотрели молча и не шевелясь.

Интернет оказался здесь всего по евро за час и побыстрее ирландского. В супермаркете без проблем позволили расплатиться кредиткой. Я немного побродил по улицам, точнее, дорогам вдоль каналов. Посмотреть было что. Это один из немногих городов, где можно идти без цели и все время чему-то удивляться. На обратном пути я немного поплутал: изогнутость улиц сбила мой внутренний GPS.

12

Переход в Антверпен был коротким. По «морскому» участку реки Шельды нас вел голландский лоцман, потом, на «речном» участке, его сменил бельгиец. Туман на реке был такой, что шли по локатору. Но шли без остановок. Затем прошлюзовались и оказались в огромной искусственной гавани с глубиной у причала 18 метров. Здесь мы ошвартовались метрах в трехстах позади балкера дедвейтом тысяч на тридцать тонн, с которого на нас и должны были перегрузить гранит, привезенный из Южной Америки. Лагом к балкеру уже стояло одно судно, а между нами и им еще одно ждало своей очереди. Значит, постоим. Гранит, кстати, считается одним из опасных грузов, поскольку склонен к смещению, из-за чего суда переворачиваются. Погрузимся им и поплывем, как Муму, со своими каменюками в порт Щецин.

В третьем часу ночи возле судна остановилась машина, судя по макияжу – правительственная. Из нее вышли парень и девушка в форме и при пистолетах. Парень был красив, причем мягкой, женской красотой, что наводило на грустные (или гнусные) подозрения. Чистенький, наглаженный, с расстояния метров в десять поражающий ароматом «сладкого» одеколона. Сперва я подумал, что духами «унисекс» из ведра облили девушку. Но нет, ее по-мужски некрасивое лицо, помятые штаны, потертые на заднице, куртка нараспашку, полное отсутствие боевой раскраски на лице и, что самое главное, мужские ухватки, наводили на еще более грустные подозрения. Кода она перешагивала с трапа на палубу, у меня не хватило наглости предложить ей руку помощи. Помог ее напарнику, ко-

ПРОЗА ________ 1

торый в ответ мягко и с одобрением сжал мою руку.

Поприветствовав их и предложив пройти в радиорубку, я сказал:

- Экипаж спит. Надеюсь, будить не будем?
- Не будем, ответила девушка.

В радиорубке я дал ей судовую роль и паспорта моряков. Она дотошно их изучила и обнаружила ошибку. При выходе из Архангельска электромеханик был в списке последний, после поварихи. В рейсе я решил восстановить его статус и переместил повыше, вставил после третьего механика и не заметил, что номера паспортов сместились на одну строку. Ни в Уиклоу, ни в Саутгемптоне это не заметили.

Пока я на компьютере устранял эту ошибку, девушка сказала:

– Я думала, вы капитан.

Я объяснил, кто я такой и какая есть моя задача на этом судне. Это произвело на них впечатление. Особенно моя принадлежность к киномиру. Мы проболтали до конца моей вахты. Когда они уходили, мне показалось, что девушке неловко, что она недостаточно эффектна. Значит, не все так безнадежно в бельгийском королевстве.

Из конторы нам дали добро на закупку продуктов питания в Антверпене. Повариха порезвилась, составляя список. Я еще раз показал ей цены в прайс-листе, но она уверенно ответила, что денег на кормежку у нас много. Мне это утверждение показалось сомнительным. Люди, которые экономят на чужих жизнях, не простят себе, если не сэкономят и на чужих желудках.

Днем я решил прошвырнуться по берегу. К нам заезжали представители международного профсоюза моряков, дали бесплатно что-то типа газеты на русском языке – скопированные из Интернета и распечатанные новостные статьи – и номер телефона, по которому можно заказать микроавтобус и за один евро с человека съездить в местную «межрейсовую базу отдыха», посидеть там в баре, поплавать в бассейне, поиграть в бильярд или теннис. Кроме меня желающих не нашлось, а меня из всего списка интересовал только бассейн, поэтому я решил не напрягать международный профсоюз.

Портовая территория оказалась огромной. Я прошел километра три между пакгаузами и штабелями контейнеров, пока добрался до выхода из нее. Третий механик сказал, что лучше всего напроситься на выезде в грузовик, на халяву подбросят до Антверпена, который, судя по карте, начинался километрах в двадцати от нас. Обратно пришлось бы возвращаться на такси, если сумеешь объяснить, куда именно тебе надо, потому что никаких названий этой гавани я так и не нашел. Поэтому я решил пройтись до ближайшего населенного пункта и оттуда поехать в столицу на автобусе. В полукилометре от порта начиналась эстакада-развязка. Движение на ней было не ахти, и я пересек ее в неположенных местах несколько раз, пока не определился, куда идти. Путь мой лежал к местной деревеньке домов на сто. Правда, у нас многие города и даже областные центры выглядят более деревенскими, чем бельгийская деревня. Чтобы срезать, я прошелся по газону - зеленой траве, покрытой снежком. Выпав под утро, он теперь стремительно таял: мол, извините, я тут случайно, сейчас исчезну. В каменном сарае с большим стеклянным окном была открыта дверь. Молодой мужчина заносил туда прямоугольные перевязанные тючки сена. То, что было видно в просвет, я принял сперва за двух, прислонившихся друг к другу коров. Оказалось, это одна такая здоровая. В сарай их всего поместилось четыре. Судя по новой машине во дворе, четыре коровы обеспечивали хозяину сытую жизнь. Рядом с домом было небольшое неогороженное поле, на краю которого к дереву прикрепили большой фанерный лист с надписью на английском «Кататься на лошадях запрещено».

На чистеньких улицах люди попадались редко. Как и во всех деревнях, где все знают друг друга, на меня посматривали с любопытством. Кое-кто здоровался. Я отвечал. Один дед спросил на английском, откуда я. Услышав ответ, произнес тоном тинейджера:

- Bay!

Во дворе местной школы отмечали наступление Рождества. Там собрались учителя, школьники лет до двенадцати-тринадцати (постарше уже не верят в Санта-Клауса) и почти все женское население деревни. Поэтому и были закрыты все магазинчики, парикмахерские и т.д. Работал только небольшой бар – маленькая стойка и два столика. За столиком у окна сидели мужчина и женщина средних лет и пили вино, глядя на собутыльника абсолютно асексуально. Мэрия была двухэтажная, располагалась в старинном доме в псевдоготическом стиле. Над боковым входом в этот дом висела вывеска, что там находится бесплатная библиотека и Интернет. Я постеснялся воспользоваться халявным Интернетом, а платный так и не нашел. Дальше метрах в трехстах располагались два огороженных и ухоженных футбольных поля с несколькими рядами сидений для зрителей. Наверное,

поля с подогревом, потому что снега на подстриженной траве не было. Между ними располагалось большое двухэтажное здание с офисами, раздевалками, душевыми. Из него начали выбегать на поле подростки лет пятнадцати. У нас о такой базе мечтают многие клубы высшей лиги. На автобусной остановке висело расписание, сообщавшее, что автобус отправляется через каждые полчаса. Куда он едет – на это моих лингвистических способностей не хватило. Да и устал я. Обычно в день свободно нагуливаю около двадцати километров, но малоподвижная жизнь на судне дала о себе знать.

Вернулся на судно как раз то ли вовремя, то ли совсем наоборот. К нам пришел проверяющий – старый бельгиец, судя по хорошему знанию машинного отделения и плохому – всего остального, бывший стармех. Капитан позвал меня на помощь, потому что никак не мог объяснить, что мы полтора месяца назад проверялись в порту Архангельск. Точнее, «Белфрахт» отслюнявил какой-то левой фирмочке, которая состряпала акт проверки и пообещала, что данные будут занесены в международную базу. Епиков размахивал этим актом перед носом проверяющего и на русском с примесью английских слов доказывал, что нас нельзя проверять еще четыре с половиной месяца. Бельгиец упрямо повторял, что данных об этой проверке нет, а есть о предпоследней, проведенной девять месяцев назад в Англии, когда судно ходило под другим флагом.

- Василич, да объясни ты ему! обиженным тоном потребовал от меня капитан.
- А что объяснять?! Кинули нас архангельские афкристы, возразил я. Он хочет посмотреть акт последней, английской проверки.
 - Да понял я, сказал капитан и достал из папки этот акт.

Проверяющий быстро прочитал акт и принял решение осмотреть судно.

– Пусть идет, смотрит, – разрешил Епиков. – Сейчас замечаний накатает – в жизни отсюда не выйдем! – немного подумав, добавил: – А может, так и лучше.

Я тогда не понял, что так было бы лучше не только ему, но и мне, и остальным членам экипажа. Простоять на ремонте в цивилизованной стране почти весь контракт – мечта большинства моряков. У меня в памяти были только стоянки в советских СРЗ, где ремонт – это не процесс, а состояние. Причем полубомжовое. Поэтому, когда ко мне в каюту прибежал наш стармех и попросил перевести, что там лопочет этот, я спустился в машинное отделение. Бельгиец нашел там столько неполадок, что мелкие даже не записывал. Потом он погонял нашего «пассажира» Мишу, пришел к выводу, что противопожарная сигнализация судна тоже не является образцом для подражания. Только по штурманской части бельгиец мало чего наскреб, но только потому, что плохо разбирался. Штурман сразу бы понял, что половина приборов не работает. А так бельгиец проверил корректуру карт, которые всего месяц назад получены из корректуры, случайно наткнулся на неоткорректированное пособие по радиосвязи, с удовольствием записал в блокнот замечание и на этом закончил экзекуцию.

- С такими замечаниями вы не скоро выйдете в рейс, - сказал мне проверяющий.

Пожалел я товарища Пеньевского да и понадеялся, что в Калининграде спишусь вместе с капитаном и старпомом, поэтому, зная откалькулятированный менталитет западноевропейцев, сообщил проверяющему:

- Компания у нас бедная, всего одно это судно, на ремонт денег нет, поэтому мы отсюда никогда не уйдем.
 - Придется продать судно.
- Кто его купит?! Только на металлолом. Полученных денег не хватит даже, чтобы расплатиться за стоянку здесь.

Бельгиец окинул изучающим взглядом ходовой мостик и мысленно согласился со мной.

- Куда вы будете грузиться? спросил он.
- На Щецин, Польша.

Польша, несмотря на членство в Евросоюзе, по мнению бельгийца не относилась к цивилизованным странам, с которыми надо проявлять солидарность, поэтому он принял просчитанное решение:

- Я напишу в акте, что замечания вы должны устранить до прихода в следующий порт.
- О чем капитан Епиков и доложил Бузину, свалив всю вину на архангельскую фирмочку. Представляю, как на нее наедут! В провинции за такие делишки отрывают всё, что мешает танцевать.

Под погрузку перешвартовывались мы ночью, на моей вахте. Был сильный туман, который поспособствовал Епикову Сергею Леонидовичу одолеть триста метров всего за два часа. С истеричным матом на всю притихшую гавань и частыми туманными гудками, хотя кроме нас там никто не двигался. Не зря электромеханик отремонтировал тифон – мы разбудили всех!

Нас сразу начали грузить судовыми козловыми кранами. Гранитные глыбы оказались не шлифо-

ПРОЗА _____

ванными, что увеличивало наши шансы догрести до Щецина. От имени старпома я попросил грузчиков добросовестно забивать пустоты сепарацией (досками) и намекнул, что им зачтется.

Утром капитан нашел нужного ему шипчандлера – болгарина с такой пройдошной мордой, что я бы у такого зимой снег воздержался бы покупать. Вскоре капитану была передана коробка со спиртным, потом еще одна с йогуртами. Еще через час, когда нас закончили грузить, шипчандлер сообщил, что привез продукты. Тащить их через балкер смысла не имело, договариваться с грузчиками уже было поздно, потому что они вытребовали у старпома обещанный мною пузырь, который Комаров в свою очередь вытребовал у капитана, и отправились обедать. Епиков решил перешвартоваться к причалу и забрать продукты.

– Ты бы постоял у продуктов, а то разворуют, – предложил он мне.

Хотел я сказать, что больше воровать некому, но промолчал. В подобных случаях мне всегда стыдно, будто это я украл.

– Минут пятнадцать всего подождешь, – пообещал Епиков.

Зная его успехи в маневрировании, я на всякий случай оделся потеплее и вышел на причал. Там меня ждал болгарин на пикапе с продуктами. Мы вдвоем выгрузили их в том месте, где предполагалась швартовка «Пур-Наволока». Часть продуктов, как заявил шипчандлер, была куплена капитаном на свои. Интересно, где он их взял? В Саутгемптоне он сообщил мне, что совсем на мели, даже на пиво нет. Крысятничество русских капитанов (я называю его «балагановщиной» — синдромом Шуры Балаганова) уже стало притчей во языцах во всем морском мире. За что и горят частенько наши капитаны, потому что иностранные экипажи сразу стучат судовладельцу, а тот делает правильный вывод: как можно доверять судно человеку, который при зарплате шестьвосемь тысяч баксов ворует у своего экипажа сраную сотню?! Но наши экипажи стучать отучены и возникать тоже. Да и судовладельцы под стать капитанам. Продукты были перемороженные, с просроченными датами и не в том количестве, что мы заказывали. Капитанская доля составляла примерно четверть.

Заметив мой насмешливый взгляд, болгарин, пряча вороватые глаза, сказал по-русски:

- Тут меньше, потому что цены оказались выше.
- И карманы глубже, добавил я.

Болгарин, не попрощавшись, сиганул в кабину и поехал на поиски следующего подельника.

Несмотря на помехи в виде ясной, солнечной погоды, полного безветрия и отсутствия движения в гавани, капитан, выматерив всех, всё и вся, всего за час с небольшим перешвартовался от балкера к причалу в пятидесяти метрах позади него. У менее опытных капитанов такой маневр занимает от силы минут десять.

Старпом пожаловался мне, что бельгийцы выдали документы всего на 1300 тонн груза. Поскольку глыбы неправильной формы, действительный объем оказывается меньше, поэтому и груза меньше.

- Почему ты согласился? удивился я.
- А что я могу сделать?! обиженно вымолвил Комаров. Они так считают и всё!
- Надо было оговорку сделать, что по осадке загружено 1700 тонн. Пока не поздно, действуй!
- Да пошли они! отмахнулся старпом.

До ночи мы опять что-то ремонтировали в машинном отделении, а потом пошли в шлюз. На моей вахте прошлюзовались и двинули вниз по Шельде. Ночь была ясная, а лоцман молодой, чуть за тридцать, и разговорчивый, поэтому быстро установили интернациональный контакт. Я ему рассказал о бельгийке, которая училась на моем курсе по обмену студентами, а он, что откапитанил несколько лет, потом женился и осел на берегу.

- Как часто приходится проводить суда? поинтересовался я.
- Сейчас вас проведу вниз, потом оттуда вверх и пять дней буду отдыхать, рассказал он.

Да, не перетруждаются бельгийцы, сказывается влияние французской культуры: работа для жизни, а не жизнь для работы. У голландских лоцманов прямо противоположный график. Про наших вообще молчу.

Капитан прервал нашу беседу, предложив мне написать и отправить радиограмму польскому агенту о полагаемом времени прибытия в порт Щецин и копию Бузину, согласно новому указанию последнего.

- Через датские проливы пойдем? - на всякий случай уточнил я.

Предлагал капитану идти через Кильский канал, чтобы сэкономить почти двое суток, а с учетом погоды – и побольше. Но в данном случае язык, точнее, плохое знание его, вели в обход, через дат-

ские проливы. И это не смотря на то, что, по слухам, из Щецина пойдем в Калининград за сталью, где капитана должна ждать замена.

– Через Кильский канал я не пойду, – уверенно заявил капитан.

Ну-ну! А что по этому поводу скажет товарищ Бузин?

На всякий случай я сделал прокладку на оба варианта.

13

Стоило нам отойти подальше от берега, как попали в шторм восемь баллов. Капитан приказал дать в сводке пройденное расстояние на сорок миль меньше. Товарищ Бузин к тому времени просек, что мы пошли не тем путем, прикинул, что еще недалеко отошли от Кильского канала, и повернул судно к нему. Епиков выматерил Костю, но как-то не очень зло, видимо, понимал, что в такой шторм лучше идти по каналу. И действительно, стоило нам зайти в Эльбу, как вокруг стало тихо и спокойно.

Кильский канал оказался не таким уж и стрёмным, как казалось капитану. Один лоцман довел нас по реке до шлюза. Там судно принял другой и повел по широкому живописному каналу. Лебеди плавают почти у борта, совсем не боятся проходящие мимо теплоходы, эдак небрежно отплывают чуть в сторону, уступаю дорогу. Небольшие паромчики быстро перебегают от одного берега к другому. Вдоль канала прогуливаются люди с собаками и без. В шлюзе на выходе из канала на плавучих деревянных отбойниках сидели дикие гуси и невозмутимо смотрели на вошедшее судно. У нас домашние гуси ведут себя более осторожно. Из шлюза нас повел третий лоцман. Эта часть рейса больше напоминала прогулку.

Капитан показал мне памятник немецким подводникам, погибшим во Вторую мировую, — впечатляющую стелу. Я в ответ похвастался, что многие имена на этом памятнике появились благодаря Маринеску, с которым мы окончили одно училище и мемориальная доска которому появилась на здании учебного корпуса только в бытность мою курсантом.

Днем мы опять попали в шторм восемь баллов, но Балтика при одинаковых цифрах казалась менее впечатляющей, чем Северное море. Зато движение здесь поинтенсивнее, на вахте не поскучаешь, особенно если идешь не по зонам разделения. А мы именно так и шли – срезая все углы. Я сказал капитану, что 26 декабря в Польше главный праздник года, порт работать не будет, поэтому он дал самый полный ход и даже приказал в сводке указывать действительное место судна. У него предпраздничное настроение, поскольку Калининград совсем рядом, а там замена, возвращение домой, жена и прочие радости.

Путь к Щецину пролегал через порт Свиноустье. У приемного буя мы взяли лоцмана – пожилого поляка, хорошо говорившего по-русски. Он наотрез отказался от традиционного лоцманского угощения – кофе, колбасы, сыра и масла.

– Здоровье уже не то, ем только приготовленное женой, – сообщил он, раскрывая коробку с бутербродами. – Если можно, дайте молока.

Принесли ему литровый пакет молока. И под бутерброды и молоко прочел нам поляк несколько эмоциональных лекций.

- Свиноустье это не потому, что похоже на свинью, это река называется Свина, а город у ее устья... Как Россия нас боится, а?! Сейчас у вас главный праздник освобождение от нас 4 ноября! Ну, допустим, праздник этот придумали, чтобы отвлечь от октябрьского переворота, но лоцман
- слушал только себя:

 Мы теперь в НАТО, нас не тронешь!

А зачем вас трогать?! И так вони хватает...

Мы как раз проходили мимо темных голых деревьев, покрытых светлыми подтеками птичьего помета. На ветках вместо листьев расположились стаи черных воронов.

– ...Сидят на деревьях и серут, всю растительность здесь извели! – просветил нас лоцман. – Ученые не знают, что с ними делать...

Самое интересное, что монолог поляка очень нравился капитану. Они как-то сразу прониклись взаимной симпатией. Чтобы не мешать их гармонии, я ушел в штурманскую рубку разложить на места карты этого рейса. С удовольствием бы занялся подготовкой к следующему рейсу, но появился слух, что Калининграда не будет.

Ошвартовались мы в семь вечера. Сравнительно быстро. Может быть, потому, что эмоциональную часть швартовки взял на себя лоцман. Он матерился на двух языках, вызывая улыбки как у наших членов экипажа, так и у польских береговых матросов. Сразу же на борт поднялись пограничники.

У них были переносные приборы для связи с базой данных нежелательных лиц в шенгенской зоне. Приборы работали через раз. Хотя у обоих погранцов английский был на уровне нашего капитана, взаимопонимания не возникло. Поскольку я в совершенстве владею украинским и учил в институте старославянский, их польский язык мне был более понятен, чем их английский. Когда один поляк спросил другого, как слово будет по-английски, я подсказал. Они посмеялись и сразу перестали напрягаться, полностью перешли на польский. Я их легко понимал, а вот говорить самому было трудно.

– Вот, поставили нам эту хрень из Евросоюза, – пожаловался польский пограничник, – а они даже в каюте не принимают!

Проверили они едва ли половину экипажа и пошабашили.

– Проше панове, – сказал я, провожая их.

Только мы вышли из капитанской каюты, как один вернулся в нее, предложив нам подождать. Со вторым мы прошли к трапу, где нас вскоре догнал первый. Он прятал в свою сумку бутылку водки, выцыганенную у Епикова. Оба пожали мне руку, поздравили с Рождеством. Человек, понимающий твой родной язык, вызывает симпатию.

Впереди нас стоял «Комсомолец Карелии», порт приписки Архангельск. Третий и второй механики сразу отправились туда в гости к своим друзьям-приятелям. Капитан и старпом объявили, что завтра пойдут на экскурсию по городу Щецину. Поэтому я решил сходить сегодня.

Здесь еще остались рудименты социализма – проходная у порта была, но и новые порядки обретали силу – охранник даже не удосужился окликнуть меня, чтобы проверить документы. А я не стал отвлекать его от телевизора.

Сразу за воротами находилась остановка автобуса, благодаря которой я узнал, что этот грузовой район называется Ева. Графика движения автобусов не нашел, поэтому решил не ждать, пошел пешком. По пути у меня постоянно возникало впечатление, что я уже когда-то был здесь: всё какое-то до боли знакомое! Это впечатление чуть смазывали надписи на польском. Именно чуть, потому что почти все понимал. Я пошел по высокой и длинной эстакаде, чтобы сверху определиться, куда я хочу попасть. Конкретной цели у меня не было. Разве что второстепенное задание – посидеть в Интернете, проверить почту. Почему-то задерживали оплату последних серий сценария телесериала. Если в жизни начинается не самая светлая полоса, она сразу во всем. Наметив направление, я на первом же пешеходном спуске спустился на землю. Место было глухое и темноватое. В зимней куртке я выгляжу относительно габаритным, поэтому на меня редко наезжают, даже в таких местах. А вот встречные прохожие обходили меня по дуге большого круга. Значит, криминальная обстановка здесь тоже знакомая.

В центре города работали только большие магазины. Даже рестораны были закрыты. Интернетсалон я так и не нашел. Возле большого торгового центра ко мне обратилась молодая женщина, сидящая за рулем припаркованной у тротуара «шкоды-фелиции» с помятым бампером. Я не понял, что она сказала, но догадался, что без посторонней помощи не может выбраться из «коробки». Начал ей сигналить. Убедившись, что имею дело с Епиковым в юбке, показал ей, чтобы опустила стекло на водительской дверце. Я вертел руль и давал ей команды «Go» и «Stop». Она выехала с первой попытки и даже никого не зацепила. Потешило удивленное восхищение, с которым она посмотрела на меня.

- Are you from?
- Russia.

На ее чистом красивом лобике, не изуродованным мышлением, появилась бегущая строка: «А похож на порядочного человека!».

- Спасибо! - поблагодарила она по-русски.

Я улыбнулся и кивнул в ответ. Меня забавляют попытки поляков убедить всех и в первую очередь самих себя, что они не такие, как русские. В чем-то, по мелочи, не такие, но родимые пятна у нас одинаковые. В союзе с нами они были равными, а для Западной Европы всегда будут людьми второго сорта, как бы ни пыжились, показывая свою непохожесть на остальных славян.

Следующее утро началось с визита польского проверяющего. Бельгийский коллега проинформировал его о замечаниях. В свою очередь судовладелец выделил на это мероприятие пятьсот евро. Епиков сторговался за триста, хотя Бузину сообщил, что еле уговорил за пятьсот. Потом капитан попробовал полечить разболевшийся зуб за счет «Белфрахта». Удаляют бесплатно, покрывает страховка, а вот лечение обычно за свой счет. Агент подогнал к судну «скорую помощь», которая отвезла капитана к стоматологу. Там зуб полечили и содрали двести евро. Епиков возмущался по этому поводу так, будто потратил на лечение не украденные деньги!

Тут еще позвонил Бузин и поинтересовался, как мы подписали документы на 1300 тонн, а не на

НАШЕ поколение

действительно погруженное количество? Причем втык сделал капитану, который обязан был проконтролировать. Тот почему-то наехал на меня:

- Ты почему не потребовал, чтобы старпом сделал эту оговорку?!
- Потому что у меня зарплата второго помощника, отрезал я и пошел на стоявший неподалеку «Амур» под российским флагом, чтобы узнать, как делается проверка Инмарсата через береговую станцию. Они привезли зерно из Питера. Вахтенному матросу было больше пятидесяти. Он вызвал для меня второго помощника, которому было за тридцать.
- ГМССБ это старпомовская обязанность, проинформировал меня второй помощник с «Амура» и повел на мостик, где как раз и находился старпом.

Тот был моложе меня всего на несколько лет. Тоже, как и Комаров, из когорты вечных старпомов. Он показал мне, как делается проверка. Заодно поговорили за жизнь. Зарплаты у них оказались такие же низкие, как у нас, то есть соответствовали уровню знания английского языка. Зато судно поновее, условия жизни намного лучше. И рейсы в основном по Балтике, в Северное море почти не выходят.

— Надстройка у нас высокая, а двигатели слабые, поэтому при встречном ветре еле идем, — пожаловался мне старпом с «Амура». – В Северном море нам делать нечего.

Купит ваше судно такой же отмороженный жлоб, как Пеньевский, – сразу найдется, что делать в Северном море!

Вернувшись на «Пур-Наволок», я поставил Комарова в известность, что ГМССБ – это его заведование.

- На этом судне так повелось, что второй заведует.
- Хорошо, пусть так и будет, но если придет проверка, отдуваться будешь ты, потому что мне сертификат не позволяет заведовать ГМССБ, не стал я скандалить, потому что решил, что пора сваливать с «Пур-Наволока». Навыки восстановил, а гробить здоровье и рисковать жизнью за то, чтобы какая-та сволочь жировала, не по мне.

Я написал заявление на увольнение и передал его Епикову для отправки в Архангельск, предполагая, что мы все-таки пойдем в Калининград, где поменять меня будет не трудно.

- Не дождешься ты замены, уверенно сказал капитан. Ромка лишних два месяца отмантулил, а раньше времени тебя точно не отпустят.
 - Значит, без замены уеду. Справитесь без меня?
 - Конечно, справимся! обрадовался Епиков.

Это же он будет получать в месяц на семьсот пятьдесят баксов больше! Понапрягаться придется, но для него деньги важнее.

- Они тебе билет не купят, предупредил капитан.
- Кто бы сомневался!
- И последнюю зарплату не получишь.
- Скорее всего.
- И тебе не жалко?! удивился Епиков.
- Жалко. Но время попусту терять еще жалче.

14

Новый год мы встречали на рейде Свиноустья. Куда нас дальше посылать, Костя Бузин пока не придумал. Это не прогнозы липовые стряпать, требуется наличие интеллекта. Поскольку за стоянку у причала надо было платить, нам дали команду выйти в море и встать на якорь. Что мы и сделали в ночь с двадцать седьмого на двадцать восьмое декабря. Поляки поинтересовались, как долго мы собираемся стоять? Им ответили: до указания судовладельца. Днем вокруг нас повертелся корабль береговой охраны, но поскольку мы ничего не нарушали, отвалили ни с чем.

Руководство расщедрилось и разрешило 31 декабря всем желающим позвонить по судовому мобильнику на халяву три минуты. Халявой воспользовались все. Одновременно поступило и предупреждение по поводу достойной встречи Нового года, то есть без употребления алкоголя. Я поднялся на мостик за десять минут до начала вахты, потому что подозревал, что совсем без пьянки не обойдется, а пьющие чувствуют себя неуютно в компании трезвенника, начинают напрягать его. Одни объясняют, почему сами пьют, а другие требуют выпить вместе с ними. Первые хуже, потому что более назойливы. Капитан поспешил в кают-компанию, чтобы проконтролировать процесс празднования.

ПРОЗА

На берегу все было в разноцветных огнях фейерверков. По их количеству не трудно было догадаться, где проходит польско-германская граница. Немцы отмечали покруче, согласно своему уровню жизни. До четырех часов утра весь боезапас так и не был отстрелян, хотя интенсивность иллюминации заметно убыла.

В конце выгрузки в Щецине обнаружилась еще одна трещина в корпусе, теперь уже в шестом балластном танке, и вышла из строя правая стойка Инмарсата. Капитан свалил вину на меня, мол, это не он, а я отправляю радиограммы. Костя пообещал вычесть из моей зарплаты за ремонт. Я ему объяснил, что мне не положено работать на аппаратуре ГМССБ, пусть спрашивает с тех, кто перекладывает на меня свою работу. Бузин пообещал сделать выводы после отчета фирмы, которая будет ремонтировать. По судовому мобильнику мне позвонил программист из этой фирмы. Я ему сообщил, что прибор не находит принтер, который в рабочем состоянии. Программист продиктовал мне, где и какую команду надо прописать, чтобы принтер вообще не искали. После этого стойка заработала, а принтер ушел в отпуск. Теперь письма на правой стойке можно было читать только с экрана, а те, копии которых надо было распечатывать, посылались и принимались на левую стойку. Видимо, программист объяснил Бузину, что данная операция находится вне зоны понимания судоводителями, поэтому мне больше не предлагали оплатить ремонт.

И трещину в корпусе тоже предложили устранить силами экипажа. Боцман с матросами закрыл ее куском резины, сверху положил деревянную плашку, которую подпер деревянным брусом. По его словам, течи почти не было. Ни капитан, ни старпом не удосужились даже посмотреть ни на трещину, ни на то, как ее заделали. Наше руководство долго просчитывало варианты, а потом выбрало самый дешевый – приказало заделать ее электросваркой, благо аппарат и два сварщика на судне имеются.

Кренование мы начали утром второго января, потому что в новогоднюю ночь, несмотря на все угрозы из Архангельска и усиленный капитанский надзор, народ накушался сверх всякой меры и первого января даже кантоваться не был способен. Механики выкачивали балласт из танков левого борта, чтобы судно накренилось на правый. Насколько я помню, обычно четные танки с правого борта, а у нас наоборот.

- У меня на «БМРТ» у берегов Канады и побольше трещина была, рассказал Епиков. Накренились на пятнадцать градусов, осушили танк, заварили и пошли дальше рыбу ловить.
- У нас не морское судно, а плоскодонка, предупредил я. Для нас пятнадцать градусов почти то же самое, что лечь на борт.
 - На сколько сможем, на столько и накренимся, отмахнулся Епиков.

Часа через два, когда крен достиг десяти градусов, казалось, что мы уже лежим на борту.

– Пусть попробуют заварить, – приказал капитан.

Один из сварщиков, Валера Редута, наотрез отказался делать это:

- Как там варить?! Там же все мокрое!

Зато третий механик согласился. Я никогда не понимал мотивацию таких людей. Ситуация не безвыходная – зачем рисковать?! Понты или недостаток адреналина?

Я решил посмотреть, что это за трещина и какие там условия. Боцман и Редута как раз открыли трещину, приготовив к сварке, направлялись за аппаратом. Они очень удивились, увидев, что я лезу в танк. Я не специалист по электросварке, но слабых познаний в физике хватало предположить, что работа здесь с током высокого напряжения может закончиться печально. Трещина была не маленькая – острый прямоугольный треугольник от палубы вниз по шпангоуту. Короткий катет, который на стыке с палубой, примерно сантиметра три-четыре, а длинный – все двадцать пять. Невысокая волна свободно захлестывала через трещину. Надо поднять трещину еще, как минимум, на полметра, чтобы вода не мешала варить. Для этого судно придется положить на борт.

Боцман и матрос стояли у люка, ждали меня.

– Не ходите пока за аппаратом, – приказал я им.

Выслушав меня, Епиков быстро согласился:

– Скажи механикам, пусть закачивают кренование, а боцману – пусть опять заделает, как раньше.

Боцман не удержался от критики в адрес руководства:

– Я же говорил, хорошо держит, не надо снимать!

Я потом проверил – действительно, грамотно заделали, явной течи не заметил, а на слабенькую на этом судне принято плевать.

Вернувшись на мостик, я услышал, как капитан по мобиле в штурманской рубке сваливает вину за

невозможность заварить трещину на сварщиков, которые якобы отказались это делать. Я тихо ушел, а через несколько минут вернулся.

– Сказал Бузину, что трещина слишком большая, кренование не помогло, – не моргнув глазом, соврал Епиков. – Он, сволочь, требует, чтобы прислали ксерокопию судового журнала с девятнадцатого ноября по пятнадцатое декабря. Какие-то неувязки с топливом получились, наверное, заподозрил, что мы продать хотим сэкономленное. Кому тут продать?!

На Средиземке, в Азии, Африке это еще одна статья доходов капитана и старшего механика. Благодаря припискам, экономят топливо, а потом, при бункеровке, берут меньше, чем по документам, а разницу пилят с бункеровщиками. На некоторых судах доход от таких операций намного превосходит капитанскую зарплату.

– Отксерь ему журнал, но похуже, чтобы трудно было прочитать.

Для «похуже» мне даже не надо было напрягаться, и так получилось погано. Это будет мое наказание Косте Бузину.

Вечером, когда я уже решил, что еще одна моя ночная вахта будет на якоре, в каюту залетел капитан с вопросом:

- Знаешь, где находится порт Ну... Ню... кобинг, кажется?
- Ни разу не слышал о таком.
- Кажется, он в Дании. Найди его, нас собираются туда послать.

Когда я нашел на карте порт Нюкёбинг, Бузин позвонил еще раз и приказал идти туда для погрузки ячменем на Роттердам. Порт этот располагался в такой дыре, куда собака ничего не сунет. Карты-плана порта у нас не было, но от приемного буя лоцман поведет.

Волна была от силы балла три, зато бортовая, так что болтало нас от души. В конце моей вахты повернули на запад, волна стала попутной, а качка терпимой.

Утром меня разбудили гулкие удары волн по корпусу судна. По моим подсчетам мы в это время должны были идти между островами, где такого безобразия не должно быть. Я посмотрел в иллюминатор. Мы шли навстречу волне. Неужели нас завернули в Калининград на ремонт? Ура!

Все оказалось намного хуже. Датские лоцмана отдыхали, потому что их надо предупреждать за сутки, а капитан не рискнул один идти по проливам, ждал, когда я приду на вахту, держался на малом ходу навстречу волне. Редуту поставили на руль, и вдвоем сперва на малом, а потом на среднем ходу проскочили по узкому фарватеру до широкого места и дальше пошли полным ходом. Не знаю, зачем тут лоцмана брать? Разве что судовладельцу отомстить.

У приемного буя Нюкёбинга нас ждал лоцманский катер. Первую, широкую часть пути рулил наш матрос, а когда приблизились к разводному мосту, на руль встал лоцман. Проход между опорами моста действительно узковат. Затем были ставшие уже привычными полтора часа швартовой истерики – и мы в Нюкёбинге. На борт поднялся агент – пожилой мужчина, немного говоривший по-русски, отчего капитан его сразу зауважал. Агент взял только судовую роль и заявление на приход, сообщив, что паспорта никто проверять не будет, можно свободно идти в город.

Границы между портом и городом здесь вообще не было: по причалу гуляли прохожие. Я отправился на исследование новой для меня территории. Капитан попросил разменять ему пятьсот евро, полученных на судовые расходы еще в Щецине. Я согласился, но, помня ирландский опыт, даже не стал заходить в банки. А они здесь были чуть ли не на каждом углу. Дул холодный ветер, и падал снежок. Зима здесь напоминала питерскую. На площади у мэрии стояли современные скульптуры, малопонятные, но забавные. На одном из углов щебетали три девчонки лет тринадцати-четырнадцати. Они усиленно строили глазки всем проходящим мужчинам и что-то весело выкрикивали вслед. Сперва я подумал, что это проститутки, но логично рассудил, что в такой законопослушной стране местный профсоюз не позволил бы так бессовестно эксплуатировать детский труд.

Зашел в супермаркет, чтобы прикупить фруктов и сладостей и немного разнообразить меню. У нашей поварихи сели батарейки: она больше не пытается удивить нас кулинарными изысками. Более того, картошка у нее всегда недоваренная, потому что ей лень чистить сырую, а недоваренную легче. Я предложил ей приносить мне картошку на вахту, мол, почищу, все равно делать нечего. Она почему-то обиделась. А я ел ее недоваренную картошку и не обижался. Имея печальный опыт общения с европейскими магазинами, я спросил у кассира, принимают ли кредитные карты. Он подтвердил. После долгих и мучительных раздумий я все-таки выбрал, что хочу купить. Сперва выбрал, а потом захотел. Каково же было мое удивление, когда тот самый кассир заявил, что мою кредитку он не примет. Оказывается, они принимают какие-то свои кредитки, бонусные, наверное. Хорошо, у

ПРОЗА _______ 25

меня с собой были евро, которые взяли без разговоров, а сдачу дали датскими кронами, дырявыми. Капитану я сказал, что купюру согласились обменять только на кроны. Епиков поверил, сказал, что разменяет через агента.

Грузить нас начали на следующее утро. Часть зерна брали из элеватора, а часть – с подъезжающих грузовиков. До вечера управились. Отход назначили на следующее утро, потому что лоцманам в ночное время запрещает работать профсоюз. Днем я сходил в офис агента – отдельно стоящее, квадратное здание со стеклянными окнами на все четыре стороны, похожее на наши газетные киоски, только побольше раза в три-четыре, — находившийся метрах в ста от судна, прямо на причале и одновременно на городской улице. Передав агенту для пересылки в Архангельск отксеренные страницы судового журнала и приложенное к ним мое заявление на увольнение, я спросил, где находится ближайшее интернет-кафе.

– Нет у нас таких, – ответил агент. – У всех дома есть Интернет. Можете моим попользоваться, – предложил он, показав на свой компьютер.

Я попользовался, порадовавшись поголовной интернетизации всего датского королевства.

Ночью ко мне приперся в гости второй помощник с соседнего судна под российским флагом. Тоже «река-море», но чуть побольше. Добрались они сюда из Астрахани, причем не по ВВП, а обогнули Европу. Это, конечно, не Скандинавию обогнуть, но тоже не слабо. Парень был лет тридцати и сильно пьян. Похвастался, что часа два назад набил морду старпому. И ничего ему за это не будет, потому что замену ждет уже несколько месяцев и зарплату не получал примерно столько же. Меня всё мучил вопрос, на какие шиши он напился, но спросить не получалось, потому что говорил гость без остановки. Сидели мы в радиорубке, я сказал, что здесь не курят, а ему так хотелось, поэтому утомлял он меня всего часа полтора, а потом свалил к себе на судно, пообещав еще раз потолковать со старпомом.

Снялись мы около одиннадцати утра. Лоцман был молодой и неразговорчивый. Он принес с собой полутора литровую пластиковую бутылку минеральной воды, которую и осушил за первые минут двадцать. Здорово он, наверное, вчера оттянулся. Но вел судно хорошо. Капитан даже предложил ему похмелиться водочкой, но лоцман отказался наотрез. Тогда мы подогнали ему еще одну полторашку минералки, с которой он расправился также лихо, причем за все время ни разу не отлучался в туалет, хотя вторая половина пути была спокойная.

15

По моим подсчетам я должен был принять вахту в начале Кильского канала, но попали в сильное встречное течение, отчего мне выпал подход к каналу. За два часа до приемного буя связался я с диспетчером и доложил о подходе. В конце разговора он произнес какую-то фразу. Я попросил повторить и только с третьей попытки понял, что это типа нашего «ни пуха ни пера». Зато в разговоре с лоцманами было понятно всё. Они очень обрадовались, что лоцман нужен и на подход к каналу. Мы приняли его на борт, благополучно зашли в шлюз. Там этот лоцман убыл по установленному береговым матросом трапу, а на судно пришла молодая девушка.

- Извините, вы кто? спросил я.
- Агент, ответила она и всем своим видом показала, как развито в Германии движение феминисток.

Хотел я ей сказать, что, кроме молодости, ничего женского в ней нет, но решил не подрывать их движение (за что борются, на то и напорются!), молча проводил к капитану. Пока тот подписывал документы, не закрепленный трап свалился в шлюз, на деревянный плавучий кранец. О чем я про-информировал берегового матроса. Тот не удивился, сходил за длинным багром, достал трап и снова установил. Меня даже потешило, что и у немцев встречаются элементы разгильдяйства. Поэтому-то мы не сразу выиграли Великую Отечественную. Но видели бы вы лицо агента, которой пришлось ждать, пока трап установят! Если бы слово Ordnung (Порядок) имело лицо, то именно такое.

А вот новый лоцман имел слишком мягкое для порядочного немца лицо.

- Ости? спросил я его. Так здесь называют «восточных» немцев.
- Да, ответил он по-русски.

Мы улыбнулись друг другу – случайно встретившиеся родственные души – и закрепили союз рукопожатием. Жаль, что моя вахта закончилась, я бы с удовольствием пообщался с ним. Второй раз мы встретились уже на выходе из канала, когда я заступил на дневную вахту. И опять пообщаться не удалось, только обменялись прощальным рукопожатием.

Для вывода судна в море прибыл рыжий плотный немец, какими в наших фильмах о войне бывают эсэсовцы, которые, напившись, ловят кур и насилуют девушек (или наоборот?). Он отдавал команды фельдфебельским тоном и очень громко. Причем капитану – еще громче. Наверное, чтобы понял быстрее его английский. По Епикову было заметно, что он принял это за невысказанное обвинение в тугодумии, поэтому сразу по выходу из шлюза ушел с мостика. Да и что ему делать на мостике? Река широкая, погода хорошая, опыта речного у меня побольше, чем у него. И лоцман в реке сразу подутих, растерял примерно половину фельдфебельности. Подозреваю, что его крик был на нервной почве. Мы разговорились.

- Почему вы всего второй помощник? поинтересовался он.
- Двадцать лет просидел на берегу, а теперь вот решил вернуться.
- За пьянку списали? в лоб спросил он.
- Нет. Поступил в институт, потом работал по новой профессии.
- Какой?
- Писатель.

Это английского слово ему было то ли незнакомо, по-немецки оно звучит совершенно иначе, то ли не совсем понятно.

- Журналист? уточнил он.
- Нет, книги пишу, ответил я и произнес не совсем верное, но понятное ему слово, детективы.
- O-o! удивился он так искренне, что я почему-то почувствовал себя обманщиком.

Впрочем, я и в разговорах с другими людьми иногда стесняюсь, называясь писателем. Как будто хвастаюсь тем, чего у других нет и быть не может. А ведь все основания для подобной этикетки у меня есть, не считая членства в Союзе писателей: в стаде не хожу, а в стае – и подавно.

- Хочу написать несколько романов о моряках, поделился я с немцем своими планами.
- А обо мне напишете? как-то совсем по-русски спросил он на английском языке.
- Постараюсь, пообещал я (и выполнил!).

Северное море встретило нас более-менее приветливо, какими-то несчастными пятью баллами. Что соответствовало прогнозу, присланному Бузиным. На следующие двое суток его прогноз был тоже благоприятным. Капитан ему поверил. А я нет. И на ночной вахте на дежурном канале спросил:

– Русские есть в эфире?

После продолжительной паузы (уверен, что на связи было много наших, но каждый ждал, что ответит другой) ответил молодой голос:

- Есть.
- Один семь, предложил я перейти на семнадцатый канал и, когда он это сделал, объяснил нашу проблему с получением прогнозов погоды и попросил сообщить, какой есть у него.
- На завтра обещают юго-восточный ветер до семи баллов, а на послезавтра до восьми, сообщил мне неизвестный коллега.

Я передал эту информацию старпому при пересменке.

– Да ерунда, – зевая, сказал он. – Мы в грузу, прорвемся.

Дневная моя вахта началась при тех же пяти баллах, но буквально за час ветер, а за ним и море, разгулялись на все семь баллов, не собираясь останавливаться на достигнутом. Тут мы еще «вышли из-за угла» — берег здесь делал «отступ» на несколько десятков миль на юг, волне было где разогнаться и набрать высоту. Началась привычная уже долбежка. Скорость упала до четырех узлов.

На мостик поднялся капитан, разбуженный ударами волн.

- Не пора ли поворачивать к берегу? спросил я.
- Давай еще подождем, может, утихнет.
- Голландцы обещают усиление ветра до восьми баллов, поделился я переданным береговой станцией прогнозом.

Капитан зашел в штурманскую рубку, поизучал карту.

– Тут спрятаться-то негде, только к берегу поджаться, – пришел он к выводу. – Посмотри, есть ли у нас карты этих районов покрупнее.

Карт не оказалось.

Епиков подождал еще полчаса и, когда очередная волна долбанула так, что вдруг заработал АИС, приказал:

– Поворачивай к берегу.

И поползли мы к берегу со скоростью чуть менее трех узлов. Поскольку мы везли зерно и могли

ПРОЗА ________ 27

подмочить груз, я записал в журнал направление и скорость ветра, высоту волн и что они заливают крышки трюмов. И посоветовал старпому сделать то же самое, чтобы в случае подачи морского протеста было что приложить к нему.

Сменившись с вахты, я пошел пить чай. Внизу удары волн производили более жуткое впечатление.

- Спать вам не мешают? спросил я второго механика.
- Привыкли уже, ответил он. Когда не видишь, оно не так страшно. Не представляю, как вы там на мостике в шторм?!
 - По мне лучше видеть опасность, сказал я.

И часа через полтора поднялся на мостик, чтобы видеть ее. Волны стали бить в лобовой иллюминатор с такой силой, что стало не слышно проигрывателя, работающего на полную громкость. Я приготовил «комплект утопленника» — спасжилет, бутылку воды, документы и деньги — и пошел посмотреть, как скоро он пригодится и поможет ли: температура воздуха плюс семь, вода не намного теплее, а до берега миль пять против ветра.

На мостике были капитан и старпом. Первый вел переговоры с берегом, намереваясь зайти в устье реки, чтобы переждать шторм. В критических ситуациях английский становился у Епикова вполне приемлемым. Берег давал разрешение на заход, но лоцмана высылать отказывался – опасно для его жизни. Предлагали проводку по радиолокатору. Епиков согласился.

Приблизившись по подсказкам береговой РЛС к началу фарватера, капитан «про запас» сбавил ход до среднего. Судно сразу же перестало управляться. Руль был право на борту, а судно продолжало поворачивать влево.

- Судно не слушает руля, сообщил матрос Розумовский.
- Ход добавьте, посоветовал я.
- Какой к черту ход?! Нас бортом к волне разворачивает! истерично заорал капитан. Как поанглийски не управляемся?

Я подсказал.

Епиков повторил мою фразу берегу и сообщил, что заходить не будет. Те посоветовали держать на север, потому что на востоке отмель, уходящая далеко в море. На эту отмель нас и несло. А курс на север – боком к волне, что чревато оверкилем. Но поворачивать влево пришлось.

Как раз, когда наш левый борт был параллелен волне, нагрянул тот самый «девятый вал». Волна вдруг выросла возле судна, кучерявая верхушка ее поднялась намного выше надстройки – и обрушилась. Произошел, как я называю, эффект аквариума: за иллюминаторами была бурлящая вода. Зазвенело бьющееся стекло. Мое тело напряглось, ожидая обжигающей, холодной купели. Не дождался. Потом мы узнаем, что разбился фонарь огня левого борта. Волна схлынула, не перевернув судно. Зато левый двигатель самостоятельно переключился на задний ход. Зазвенела сигнализация.

— Машина, в чем дело?! Почему реверс без команды?! — заорал Епиков в микрофон судовой связи. Из машинного отделения никто не ответил. Так понимаю, некогда им было болтать, устраняли не-исправность. Левый двигатель вдруг остановился. Оба эти маневра ускорили поворот судна влево, на волну. У меня появилось впечатление, что у судна сработал инстинкт самосохранения, не захотело тонуть во второй раз, поэтому и предприняло самостоятельные действия к спасению. Даже на одном двигателе мы имели небольшое движение вперед и левой скулой на волну — самый оптимальный курс в данной ситуации. Высокие волны нам были уже не так страшны.

Вскоре запустился левый двигатель, и старший механик доложил, что волна захлестнула через открытую капу в машинное отделение и залила ГРЩ. Со всеми вытекающими последствиями.

- Почему вы капу не закрыли! - завопил капитан.

Да потому что, если все закрыть, вакуум образуется, что мы уже попробовали при выходе из Архангельска. Волна захлестывала через кормовые двери, вот их и закрыли, а открыли капы, понадеявшись, что сверху не польется.

– Нет, ну, так же нельзя поступать! – не мог успокоиться капитан. – Позвоню Полтаскому, он всетаки бывший капитан, пусть скажет этому... Бузину!

Что и сделал по мобильному телефону, который у Епикова был с собой. Говорил он долго и эмоционально. Ответ был намного короче и, судя по скривившемуся лицу Сергея Леонидовича, совершенно не тот, который он хотел услышать. Придя в себя, капитан сообщил:

 Он на Канарах отдыхает, и ему некогда всякой ерундой заниматься! И я ему счет, видите ли, посадил!

А чего он хотел от совладельца судна?! Чтобы тот сказал: «Не нужна мне прибыль! Не буду боль-

ше ездить на Канары!» Они, видимо, поняли, что лоханулись с судном. Продать его с выгодой не получится, других таких лохов трудно найти, а вот страховку получить, если утонет, — это было бы очень удачным решением проблемы.

Отойдя подальше от берега, мы удачно повернули вправо и прошли на безопасном расстоянии от отмели. Волна стала бить справа в корму, подгоняя судно. Долбежка полегчала, и я ушел в каюту.

К моей ночной вахте мы подошли к острову Боркум. Капитан спросил у береговой станции, дадут ли лоцмана на заход в реку? Те отказались. Они же не такие отморозки, как русские, людьми не рискуют. Предложили проводку по РЛС. Теперь отказался капитан, видимо, вспомнив предыдущую попытку.

Будем здесь штормовать, – решил он, – ходить галсами отсюда досюда, – показал он на карте.А если и здесь припрет, побежим в Эльбу, там я и без лоцмана зайду.

Он спросил у проходившего неподалеку судна типа «Волга» прогноз погоды. Сообщили, что сегодня до восьми баллов, а завтра до девяти. Что не помешало ему утром опять пойти на Роттердам. После звонка Бузина, который вставил капитану за неверные сводки по топливу. Как мне рассказал боцман, слышавший этот разговор, Епиков свалил все на меня. Правда, не смог объяснить, почему я составлял радиограммы, хотя подпись под ними капитанская. Наверняка Бузин и сам писал когда-то за капитана, а теперь отомстил. Как утверждает боцман, архангельский мститель не требовал следовать на Роттердам любой ценой, действовать по обстановке, но капитан догадался, какая должна быть обстановка. К началу моей вахты он успел «выглянуть из-за угла», получить по-полной и быстренько побежать назад, к острову Боркум. Только на этот раз мы до него не дошли, с разрешения береговой станции встали на якорь у острова Амеланд. По приказу капитана я отправил радиограмму голландским властям, что прячемся от шторма в их территориальных водах.

На ночной вахте я связался с проходившим мимо «Амуром» и получил долгосрочный прогноз: сегодня еще будет шторм до девяти баллов, а завтра должно подутихнуть до шести, но всего на сутки. Потом опять усиление до девяти и переход ветра на северные румбы. При таких ветрах здесь спрятаться негде. Прогноз этот я передал по вахте капитану. Как ни странно, сработало, утром Епиков не поперся посмотреть, как там «за углом». Наверное, расслабился, получив радиограмму, что капитану, старпому и второму помощнику будет замена в конце января, когда судно зайдет в Калининград или Санкт-Петербург. И он в очередной раз поверил Бузину!

А я нет. Судно теперь можно спокойно эксплуатировать в Европе, полгода «Пур-Наволок» не будут трогать, а значит, можно не ремонтировать его, сорвать куш побольше. Мне Карлом Марксом плешь проедали в трех учебных заведениях, я хорошо запомнил, на что способен капиталист ради прибыли.

И еще Бузин приказал капитану по приходу в Роттердам подать морской протест и подсунул очередную свинью: приказал не брать лоцманов на подходе к Кильскому каналу и на выходе из него, поскольку они дороги.

- А за проход без лоцмана платить мне отказываются, сволочи! возмущался Епиков.
- А чего вы хотите?! Эти ребята за копейку чайку в море загоняют! сказал я ему, а потом подумал, что и капитан такой же, может на свой счет принять.

Не принял, потому что люди скромны: не считают себя такими же плохими, как другие.

Кстати, и морской протест оказался еще одной свиньей, потому что Епиков понятия не имел, как его подавать. И старпом тоже. Я их успокоил, сообщив, что подавал уже когда-то в советском порту, не думаю, что в Голландии это делается как-то иначе, и пообещал составить на английском типовой. Что и сделал, перекатав из учебника английского языка.

На следующий день, действительно, подутихло. К моей ночной вахте мы успели добежать до рейда Роттердама. И вовремя, потому что погода опять начала курвиться. Капитан хотел встать на якорь на рейде, но диспетчер стуканул агенту, а тот потребовал следовать в порт.

16

В семь утра мы ошвартовались недалеко от центра города, рядом с институтом и офисными зданиями, от которых нас отделял зеленый газон. В десять на борт поднялись два офицера эмиграционной службы. Я поставил их в известность, что схожу с судна в Роттердаме.

- Нас ваш агент не предупредил, сказал один из голландцев.
- Я без всяких агентов схожу с судна, домой полечу за свои, сообщил я им.

Это голландцам, скупердяйство которых гремит по всему миру, и вообще было непонятно. Они

предложили мне решить этот вопрос в их офисе, который, к счастью, располагался неподалеку.

В офисе дежурили пожилой белый мужчина и молодая женщина с явными латиноамериканскими корнями. Я сообщил им, что хочу списаться с судна.

- Почему? спросил мужчина.
- По личным причинам, ответил я. Не хотелось подставлять «Белфрахт», сообщать, что судно опасно для жизни.
 - Без разрешения судовладельца агент не поможет вам списаться.
 - То есть я раб судовладельца? поинтересовался я.

Вопрос смутил голландца.

- Нет, но таков закон, ответил он.
- В демократической стране не может быть законов, ущемляющих права человека.

Этим утверждением я вообще загнал его в угол.

- Без разрешения нельзя, тупо повторил он.
- Да плевать мне на всякие разрешения. Я свободный человек.
- Тогда вы будете нелегалом.
- Придется...
- А капитан знает, что вы хотите списаться?
- Конечно.

Голландец отошел в глубь офиса к телефону, позвонил кому-то, долго ждал, потом переговорил на голландском. Вернувшись, он посмотрел на меня с подозрением.

Я догадался, в чем дело:

- Я говорил о своем намерении капитану в присутствии двух ваших офицеров, они могут подтвердить. Это они послали меня к вам.
 - У вас проблемы с капитаном?
 - Без комментариев, произнес я шаблонный отмаз.

Голландец сразу перестал меня подозревать в чем-то ужасном и уже мягко посоветовал:

- Постарайтесь решить вопрос с судовладельцем.
- Попробую, сказал я, попрощался и пошел на судно.

В каюте капитана сидели два голландских офицера, уже другие. Я не сомневался, что он заявил, что понятия не имеет о моем желании списаться, а что еще наговорил им – не знаю, но смотрели они на меня, как на мошенника.

Не is a big liar (Он большой лжец),
 сказал я им, не сомневаясь, что капитан не знает такого слова.

А голландцы знали. Они удивленно посмотрели на капитана, а тот продолжал улыбаться.

– Ну, что тебе сказали эти пиндосы? – спросил он.

Поскольку пиндосы вообще не понимали по-русски, они заулыбались так, как до этого капитан.

– Сказали, что судовладелец должен дать согласие агенту, а уже тот сделает все остальное, – ответил я. – Так что сообщите Бузину, что я сойду по-хорошему или через международный профсоюз. Но тогда «Пур-Наволок» долго отсюда не уйдет, – и ушел в свою каюту.

Ко мне сразу прибежал старпом.

- Слушай, надо составить бумагу, что агент отказался принимать морской протест.
- Агент не принимает никаких протестов, он всего лишь наш помощник, объяснил я ему. Что он сказал?
 - Что в понедельник приедет.
- Все правильно. Сегодня суббота, никто не работает. А в понедельник он сообщит о протесте нотариусу.
- Нет, он сегодня должен принять наш протест! Составь акт, пусть подпишет, настаивал старпом. Я попытался объяснить ему всю глупость его предложения, убедился, что броня непрошибаема, и просто послал старпома, предложив ему самому написать всё, что он пожелает. Это при его-то знании английского языка...

Вечером я пошел прогуляться по городу. Часть дороги обязательно отмаркирована для велосипедистов. Возле домов стояло много велосипедов, прикованных цепью к деревьям или столбам. У некоторых одно из колес было переехано автомобилем. Я шел и чувствовал, что что-то вокруг не так. Потом понял что: я был единственным белым пешеходом. Вокруг были только азиаты, латиносы, негры. Попался мне и китаец. Впрочем, китаец не бывает один, если только это не один миллион. На

Мальте мне попалась на глаза обложка журнала «Шпигель», где было фото смуглой и курчавой производной европейско-африканского брака с подписью «Будущее лицо Европы». Тогда я подумал, что это типичное журналистское преувеличение. Чем дольше я гулял по Роттердаму, тем больше верил в журналистское предвидение. Лишь в одном месте на тротуаре стояли четверо белых, полицейские, три девушки и парень. В руках у них были какие-то коробочки с колбочками. Полицейские останавливали автомобили и протягивали колбочку водителю. Как я предположил, проверяли на алкоголь. Одна машина стояла слишком долго – попался!

Я зашел в первый обнаруженный интернет-салон. Все сидевшие в нем, включая менеджера, были не белые. Посетители не смотрели на меня, но я чувствовал, как нарастает напряжение. Глянув на ценник, я протянул евро и сказал по-английски:

- Один час.

И напряжение сразу спало. Видимо, меня сперва приняли за голландца, а потом поняли, что свой. Обратно я пошел другой дорогой, через парк. Он был пуст, если не считать кроликов и диких уток, которые не боялись людей. Проходишь в метре от них, тебя проводят взглядом и возобновят поглощение зеленой травы. Повернув на другую аллею, я увидел впереди мужчину, передвигающегося на автопилоте противолодочным зигзагом. Он был белый. В руке держал незажженную сигарету. Когда я обгонял его, он спросил что-то на голландском, наверное, прикурить.

– Я не курю, – ответил я по-английски.

И тут он заговорил на прекрасном английском, пламенно и без остановки. Он рассказал, что сперва они перевешают всех черных, потом примутся за желтых, а нас, славян, оставят на закуску. Что у пьяного на языке, то у народа на уме. Я уже вышел из парка, а он все орал проклятия в адрес «понаехавших». В Москве так обычно орут дети понаехавшей когда-то лимиты, вытеснившей почти всех коренных москвичей. На детях природа отдохнула – вот их и выдавливают из столицы. Парижские беспорядки четко дали понять, что ехать придется всем, только в разные стороны.

В воскресенье капитан дозвонился до Бузина, объяснил ситуацию. Костя захотел пообщаться со мной. По привычке он попёр нахрапом. Сперва пуганул меня, что оплачу простой судна, пока не прибудет новый второй помощник. Я напомнил ему, что хватит и двоих судоводителей, капитан не против. Согласие капитана было для Бузина новостью. Подозреваю, что Епиков, как обычно, сказал, что против. Поскольку капитана он ненавидел больше, то угрозы в мой адрес начали слабеть: билет за свой счет и оплата перелета сменщика. Я согласился, потому что подозревал, что все равно не получу «неофициальную» часть зарплаты не только за январь, но и за декабрь. На том и разошлись.

Я опять сходил в интернет-салон, посмотрел цены на билеты до Москвы. Самый дешевый авиабилет стоил 630 евро. Поездом получалось намного дешевле.

После обеда позвонил агент и сообщил, что получил добро судовладельца списать меня.

- Вы действительно купите билет на свои? не скрывая удивления, спросил агент.
- Придется.
- Билет на самолет стоит 300 евро, предупредил он.

Меня всегда поражала ценовая политика авиакомпаний: есть цены для лохов и не только.

- Меня эта цена не пугает, сообщил я.
- Вы можете заказать такси до амстердамского аэропорта. Таксист оформит вам транзитную визу и поможет получить электронный билет.
 - Сколько это стоит?
 - 185 евро.

Я попробовал отбиться, но не тут-то было! Агент давил на меня до тех пор, пока я не согласился на таксиста. В любом случае это было дешевле, чем покупать авиабилет самому.

Вечером к нам нагрянула «черная» таможня – четверо мужчин и одна женщина. Последняя была в возрасте под пятьдесят и с остатками былой красоты. Я бы даже сказал, русской красоты. В большинстве своем голландки мужиковаты и страшноваты. Таможенники попросили разрешения переодеться на ходовом мостике. Я проводил их и ушел, а потом вспомнил, что не забрал справки о плавании, и вернулся. Поскольку я не знал о голландском равноправии полов, вошел без стука. Они переодевались в робы все вместе, женщина как раз стояла в трусах и лифчике, нимало не смущаясь ни своих коллег, ни меня. Смутился я, поскольку недостаточно равноправен, и сразу ушел.

Они обшмонали все судно, оставляя мелом метки на проверенных помещениях. Лазили в такие шхеры, о которых даже члены экипажа не знали. Причем женщина крутила гайки и лазила в люки наравне с мужчинами. Видимо, мое резкое списание вызвало у них подозрение.

Один из таможенников раньше других понял, что ничего не найдут, и попросил кока-колы.

– Нет у нас ее. Могу угостить минеральной водой, – предложил я.

Мы зашли в кают-компанию, я достал из холодильник бутылку минералки, мы сели за стол и разговорились.

- Что вы у нас ищете?
- Вы же из Польши пришли. Всякое может быть...
- На этом судне работает одна нищета. Откуда у них контрабанда?!
- Нищие и хотят разбогатеть.
- Вы плохо знаете русских. В России нищий всю жизнь будет нищим, а разбогатеть хочет тот, кто и так богат.

Это его настолько удивило, что он пришел к выводу, что я не похож на обычного моряка. Я рассказал, кто по основной профессии. Меня в свою очередь удивило очень уважительное отношение западноевропейцев к писателям и вообще творческим людям. Они как бы делят россиян на интеллектуалов, превосходство которых над собой признают и которых уважают и ценят, и прочих дебилов. А себя, видимо, делят на интеллектуальных дебилов и дебильных интеллектуалов.

В понедельник утром меня разбудил старпом.

– Слушай, к нам нотариус пришел морской протест составлять, а ты так написал в журнале, что прочитать не можем.

Я ему поверил, потому что единственный записал в журнал о шторме и почерк у меня – сам иногла не могу прочесть.

Нотариусу на вид было далеко за семьдесят. Он сидел за столом напротив капитана и смотрел на Епикова с недоумением.

- No protest! No! - размахивая руками, чтобы его лучше поняли, говорил капитан нотариусу.

Как я догадался, Епикову не хватило английских слов, чтобы составить протест, только – чтобы отказаться от него.

– Какая вам нужна информация? – спросил я нотариуса.

Он рассказал: время, место, ветер, волны… Я посмотрел в судовом журнале и перевел ему. Нотариус сделал пометки в блокноте и сообщил, что отдаст своей секретарше, та составит документ, который потом и подпишем. И с легкой издевкой спросил капитана:

- Так будем подавать морской протест или нет?

Сдерживая улыбку, я на всякий случай перевел его вопрос, хотя видно было, что Епиков и так всё понял. Но его такой ерундой не прошибешь – старая советская школа! Царственно махнув рукой, Епиков разрешил:

– Хорошо, подавайте!

Провожали нотариуса к трапу втроем: я шел впереди, а капитан и старпом – за ним. Я встал по одну сторону трапа, нотариус напротив него, а капитан и старпом по другую. Голландец обменялся со мной типичными фразами при прощании.

- Рад буду встретиться с вами в следующий раз! сказал я.
- Будем надеяться, что у вас больше не будет повода встретиться со мной! сказал нотариус.

Он пожал мне руку и, словно рядом не было ни капитана, ни старпома, сошел по трапу на причал.

Я перехватил взгляд капитана и понял, что вовремя схожу с судна.

Принимать дела у меня отказались и старпом и капитан: первый из-за природной лени, а второй, наверное, в надежде что-нибудь скрысить и списать на меня.

В обед приехал помощник агента за деньгами. Он подозрительно смотрел на меня, пока я не достал деньги и не отсчитал ему пятьсот евро. Помощник сразу расслабился, дал сдачу и расписку.

– Завтра в шесть утра сюда за вами приедет такси, – сообщил он. – Таксист оформит визу, отвезет вас в аэропорт и получит ваш электронный билет.

Но получилось все не совсем так гладко. Хорошо, что я приготовил все с вечера. Капитана я несколько раз предупредил, чтобы разбудили меня за полчаса до перешвартовки, которая намечалась на шесть утра. В итоге проснулся сам от его громкого истеричного голоса, приказывающего отдать дополнительные швартовы. На часах было пять.

– А я думал, ты с нового места поедешь! – искренне соврал он.

Я успел побриться, умыться, одеться и выскочить на причал. По закону подлости при переходе с трапа на причал отломалась ручка чемодана, с помощью которой его катишь. Пришлось нести. Я помахал рукой отходящему «Пур-Наволоку», крикнул традиционные пожелания. И посочувствовал

им: у меня есть возможность уйти, а им надо кормить семьи, поэтому будут рисковать за копейки, а их будут грабить и унижать. Впрочем, в этом есть доля их вины. Все и всё, что чего-то стоит, сейчас под удобными флагами. Сегодня российский торговый флот – это развалюхи с профнепригодными экипажами под управлением негодяев.

Время было половина шестого. Полчаса я прятался от ветра за угол здания, ожидая такси. Оно приехало без пяти, остановилось метрах в ста от меня. Я помахал рукой и пошел к машине. Но она вдруг развернулась и уехала. Видимо, таксист не заметил меня и решил, что я буду ждать там, куда ушло судно. Хорошо, я сохранил телефонный номер агента. Слушая его сонный голос, я внутренне позлорадствовал: это тебе, гад, за навязанное мне такси! Объяснил ему ситуацию. Минут через пять он перезвонил и сказал, что такси сейчас вернется.

И оно вернулось! Таксист ненавязчиво поизвинялся, помог погрузить чемодан в багажник, но как-то так, неспешно, получилось, что я сам почти все сделал. Мы заехали в знакомый мне офис. Дежурила другая смена. Толстая негритянка делала уборку. В офисе уже сидели пять человек с других судов, все русские. Минут за пятнадцать нам всем шлепнули в паспорта шенгенскую визу сроком на три дня. И таксист повез меня в аэропорт. Там он показал, где я получу электронный билет, ему, мол, некогда, и уставился на меня в ожидании чаевых.

– No honey, по money, – поделился я вольным обращением с английским фольклором. Его услуги не стоили не только чаевых, но и уже заплаченных 185 евро.

Следуя инструкции таксиста, я подошел к терминалу и попытался получить билет. У меня ничего не получалось. На помощь пришла девушка в летной форме. Форма была красивее. У девушки тоже ничего не получилось. Потом она разглядела, что рейс Аэрофлота, и сказала, чтобы я сразу шел к стойке регистрации, билет не нужен.

Вечером я приземлился в Москве. Там стоял пятнадцатиградусный мороз, но ветер был всего два балла и его направление меня абсолютно не волновало.

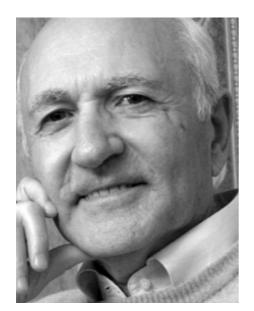
* * *

Денег от «Беломорской фрахтовой компании» за декабрь и январь я так и не получу, даже «белую» часть. Судиться со жлобами – себе дороже, поэтому подал эти деньги на бедность Пеньевскому и его односворникам. Примерно через месяц на «Пур-Наволок» прислали нового второго помощника, который сбежал через неделю. Больше никого не найдут, потому что морской мир тесен и по нему пойдет слух о «Белфрахте». Обещанная Бузиным на конец января замена капитану и старпому, конечно же, не найдется. Старпома сменят в конце апреля и только потому, что у него истечет срок загранпаспорта. Остальные члены экипажа будут батрачить на «Белфрахт» не до начала марта, как указано в контрактах, а до начала лета. Дольше всех будут искать замену капитану – наверное, за все хорошее, что он им сделал.

НАШЕпоколение

Игорь ГАМАЮНОВ

Родился в мае 1940-го, в заволжском селе Питерка Саратовской области, в семье учителя. В 1956-м по комсомольскому призыву ездил в Казахстан поднимать целину. Учился в Кишинёвском университете. Окончил журфак МГУ. Был специальным корреспондентом газеты «Юный ленинец» (г. Кишинёв), «Пионерской правды» и «Советской России», заведующим отделом журнала «Молодой коммунист». С 1980 года работает в «Литературной газете». Автор множества судебных очерков. Член Союза писателей Москвы и Союза журналистов России, лауреат литературной премии имени Антона Дельвига (2014 г.). Автор романов «Капкан для властолюбца», «Майгун», «Жасминовый дым», повестей «Однажды в России», «Мученики самообмана», «Свободная ладья», «День в августе», «Бог из глины», «Лунный чёлн», а также рассказов и очерков, публиковавшихся в «Новом русском слове» (Нью-Йорк), «Литературной газете», в журналах «Знамя», «Нева», «Огонёк», «Юность».

Цапля моя

Повесть

1

у почему, почему, – спрашивал себя Костян, – вот это счастье, тёплым облаком упавшее в одинокую его жизнь, околдовавшее шёпотом камыша (в устье старицы, где застряла его лодка) – ну почему оно должно рассеяться, исчезнуть, утонуть в предчувствии беды, в маячащем жестоком повороте судьбы?!

В жестокий поворот Костян, конечно, не очень-то верил, хотя стараниями участкового оказался под подпиской о невыезде. Да и куда он мог уехать из своей деревни — за полярный круг? И там найдут, если захотят. Нет, на суде разберутся, надеялся Костян. Поймут: случилось то, что вся деревня давно предсказывала... Ну, да, за два месяца до совершеннолетия Зинки... Но разве ж это преступление?.. Они с Зинкой этого, можно сказать, почти год ждали.

А торопило их всё, что вокруг: те самые, обморочно шепчущие камыши, плывущие в небе облака, стрижи, мелькающие над водой, зоркоглазая цапля, без конца летавшая с песчаной отмели в плавневый лес, к своему гнезду на старой ветле — к своим цаплятам. Да ещё голосистые шебутные кузнечики, стрекотавшие в береговой траве так, будто были подвыпившими оркестрантами в сельском клубе.

Там, в устье старицы, Костян с Зинкой словно бы растворились в шершавом шёпоте камыша, в дыхании ветра, затихавшем в тростниковых зарослях, перед тем как вырваться на простор речной излуки золотой рябью. Там они были бесконечно счастливы, потому что верили: это счастье теперь будет с ними всегда.

2

Началась же их история на обрывистом берегу Клязьмы, под сосной, чьи обнажённые корни, подмытые схлынувшим недавно весенним половодьем, нависали над глинистым уступом, откуда удобно было закидывать рыбацкую снасть в омут, вращавший свой, тускло поблёскивающий круг почти у самых ногрыбака.

Клевала мелочь. Костян, снимая с крючка скользких колючих ершат, сердито бросал их обратно в воду, когда услышал наверху смешки и приглушённый говор. Обернулся. Там, на берегу, в кружевной тени полупрозрачной сосновой кроны, маячили бродившие по молодой траве деревенские девчонки. Их Костян немедленно шуганул:

– Валите отседова, всю рыбу мне распугаете!

И вдруг заметил, что одна из них, Зинка Журкина, можно сказать, соседка (недалеко живёт — четвёртый дом справа, с кустами сирени у забора) какая-то сегодня другая. То ли давно её не видел?! Высокая. Гибкая. Идёт медленно, плавно, чему-то улыбаясь, волоча по траве конец косынки. Да не её ли он месяц назад, дождливым днём, подвозил на своём старом, по случаю купленном мотоцикле в райцентр, это в

семи километрах от их деревни? Зинка, правда, тогда в куртке с капюшоном была, толком не разглядишь, да ещё с сумкой на плече, в хозмаг ей зачем-то надо было. А сейчас, на берегу в пёстром сарафане, каштановые волосы — хвостом на затылке, майский ветерок его треплет, а взгляд у неё скользящий, вроде как бы ничего не видящий.

Приостановилась, спрашивает:

- Не ловится, что ли?
- Ловится, нетерпеливо ответил Костян, всматриваясь в неё.
- А что ж такой сердитый?
- И голос у неё другой, удивился Костян. Музыкальный какой-то. Ишь, что весна с девчонками делает!
- Да ты наладь удочку, червяков нарой и посиди здесь, когда у тебя над головой табуны девок топают. Узнаешь, почему сердитый.
 - И посижу. У тебя три удочки, давай одну мне. Только червяка сам насади, я боюсь.

Она спустилась вниз, на уступ, помахав подружкам ладошкой – «Идите, не мешайте!» Пристроилась сбоку, на тесном береговом мыску, тут же выдернула из воды ерша, радостно взвизгнув, и Костян понял, что серьёзной рыбалки сегодня не будет. Но в роль наставника вошёл: стал показывать, как оснащать крючок насадкой, а поплавком регулировать глубину заброса. Ему нравились её длинные пальцы с облупленным маникюром, её хитроватая улыбка, нарочито-нелепые вопросы, смешные ахи и взвизгивания. Ясно было — балуется девчонка, у неё сегодня хорошее настроение.

А почему бы и не побаловаться, посмеивалась Зинка, видя, как озабоченно-серьёзное выражение на лице Костяна сменяется удивлённо-озадаченным. Во-первых, учебный год позади, и лет ей уже почти пятнадцать — имеет полное право пошутить с парнем. Во-вторых, с кем же ещё здесь шутить — в деревне парней не осталось, кого в армию забрали, кто в окрестные города подался, на заработки. Да и сам Костян не такой уж взрослый, девятнадцати нет, но ростом, правда, под метр восемьдесят. Беднягу в армию не взяли — из-за плоскостопия, пришлось в райцентровский гараж слесарем пойти. Зато на мотоцикле гоняет классно, Зинка убедилась, когда он её однажды в райцентр подвозил.

Да, конечно, известно про него — занозистый и выглядит задирой, вон чуб торчком и взгляд исподлобья. «Бес противоречия», так его участковый Пётр Иваныч Семенцов обзывает. А всё потому, что Костян может любому взрослому своё несогласие высказать, заодно и нагрубить, если довести («А не надо доводить!» — оправдывала его Зинка). Поэтому в деревне к нему относятся по-разному. («Ну и что?! Каждого слушать?.. Всех не переслушаешь!»)

Костян в тот день отдал ей одну из трёх своих удочек — насовсем, а ещё связку ершей и двух подлещиков в ладонь величиной, выуженных в омуте, объяснив, как лучше их приготовить. И проводил до калитки. Войдя, она отломила ему ветку сирени, протянула, хихикнув:

– A это твоей тётке Вале, скажи – с таким племянником она не пропадёт, даже если без работы останется. Ты её рыбой прокормишь!

…Его тётка, Валентина Сергеевна Зайцева, работала дояркой на молочно-товарном комплексе (на «молочке», как его здесь называли), переживавшем трудные времена рыночных перемен. Родителей у Костяна не было, они разбились на Горьковском шоссе в автоаварии, когда ему шёл пятый год. С тех пор он жил в деревне Ивлево у бездетной тетки Вали на правах сына.

3

И ещё был день... В начале июня... Снова собрался на реку, да и застрял у своей калитки – там мощные кусты цветущей малины, подвязанные бечёвкой, вываливались через штакетный забор на улицу. Но – странность! – цветы сегодня издалека казались какими-то крупными — белые, трепещущие, словно ветром охваченные. А ветра-то нет! Ближе подошёл, присмотрелся: да не цветы это вовсе, весь куст облеплен бабочками-капустницами. Слипшимися друг с другом. Оказывается, свадьба у них, только музыки не хватало. Смотрел на них Костян зачарованно. Удивлялся — надо же, свадьба у всех в один день. То ли аромат цветущей малины позвал, предложив каждой паре ложе из цветка. То ли солнышко особенным образом пригрело, дав им понять, что сегодня самый хороший день для нежных отношений.

Шёл Костян на рыбалку с этой мыслью, а у Зинкиного дома замедлил шаг. Вспомнил: вчера забежал за хлебом в деревенскую лавку (щитовой домик с покосившейся вывеской «Продукты»), а на ступеньках – Зинка, уже выходит. Увидела его – заулыбалась: «Привет рыбаку!» Костян тут же и брякнул, что собирается завтра под сосну. «Хочешь, приходи, я червяков накопал, на всех хватит». Она хихикнула: «А червяков будешь мне насаживать?» – «Буду», – пообещал Костян. Понравилось ему быть наставником.

ПРОЗА _____

И вот сейчас остановился у её забора, увидев на крыльце, за ветками сирени, Прасковью Семёновну, мамашу Зинкину. Поздоровался вежливо. Вот, сказал, на рыбалку собрался, может, и Зина пойдёт?!

– Никуда она не пойдёт, – вытряхивая полосатый коврик, раздражённо откликнулась Прасковья Семёновна, не глядя на Костяна. – Не девчоночье это дело. Да и нет её дома! Так что иди, куда шёл!

Хотел было Костян поинтересоваться, чем он заслужил такое к себе враждебное отношение, да вовремя сдержался: увидел — машет ему ладошкой в распахнутом окне Зинка. Дома она. Улыбается. Значит, придёт.

Свернул в проулок, мимо Михайлова колодца, никогда не пересыхающего, откуда вся деревня в засушливые летние месяцы берёт воду. Обогнул заросли крапивы. Тропинка, вьющаяся по обрывистому берегу, повела его мимо мостков, где томились на причале две плоскодонки. «Эх, на лодке бы к тому берегу, к камышам, — подумал, — там, говорят, сумасшедший клёв!» Но выпросить плоскодонку у скупердяя Ефимыча или у одноногого деда Ивана по прозвищу Рыбачок, скрипящего, когда по улице идёт, протезом, было невозможно. Очень уж оба дорожили своим водным транспортом. Разве что прийти к ним с бутылкой, мелькала такая мысль, но на это Костян всё никак не отваживался.

Подошёл к сосне, спустился вниз, на глинистый мысок. Справа от себя положил брезентовую сумку с запасными в разных коробочках крючками – поплавками – грузилами, слева – вместительную металлическую коробку из-под чая, в ней — червяки, проложенные листьями подорожника. И только закинул удочки, приладив их на рогульки, глубоко воткнутые в глинистый скат, как услышал наверху тяжёлый шаг и сиплое дыхание. Грузный человек в помятой шляпе, похожей на детскую панамку, в пятнистой куртке болотного цвета и резиновых сапогах с отворотами, остановился у сосны. Недовольно крякнул, увидев Костяна.

– Опять ты здесь?! Я в этот омут лещам прикормку сыплю, а тут ты. На готовенькое, значит?! Тяжело вздохнул, опуская связку удочек в траву. Щёлкнул портсигаром, закуривая.

Это был участковый Пётр Иваныч Семенцов, известный в здешних краях удильщик. Ему всегда уступали самые удобные для ловли места – не потому что очень уж уважали, а просто слегка побаивались. Хотя жил он со своим семейством в этой же деревне, в недавно отремонтированном бревенчатом доме, стены — в сайдинге салатового цвета, (у многих здесь так), с каменной пристройкой, с курами, гусями и большим рыжим псом во дворе; как все — сажал картошку на огороде и закатывал на зиму помидоры. И прозвище у него деревенское было, мальчишки придумали — «Дядька Петька на мопедьке», однажды увидев его, медведисто-громоздкого, на лёгком мопеде, который он обкатывал, купив это хрупкое «транспортное средство» сыну Витьке, пятикласснику. Передвигался же Семенцов по своим, подведомственным ему деревням на казённом мотоцикле с коляской (в ней отвозил в райотдел пристёгнутых наручниками пьяных дебоширов). А ещё у его ворот, в железном гараже, стоял «форд», не новый, правда, но вполне ещё годный, на нём Пётр Иваныч ездил по праздникам во Владимир, в гости к влиятельным родственникам, удачливым (как он утверждал) бизнесменам.

Освободить участковому удобный уступ под сосной Костян не захотел, потому что, во-первых, именно сюда должна была прийти Зинка, а во-вторых, в деревне никто не верил, что «Петька-на-мопедьке» при-кармливает рыбу. Знали: такой он выдумал способ освобождать себе удобные рыбацкие места.

- По правилам, кто раньше пришёл, того и место, хмуро откликнулся Костян.
- А ты живи не по правилам, а по справедливости.
- По чьей справедливости? По вашей?
- Опять пререкаешься? И когда ты наконец поумнеешь? Тяжело тебе, Костян, в жизни придётся, не умеешь ладить с людьми.
 - Это они со мной не умеют.
- Вот попрут тебя из гаража «по сокращению», иначе запоёшь. Я слышал, ты и там начальнику какую-то грубость сказал...

Какую именно, Семенцов вспомнить не успел – в кармане его куртки тревожно заверещал мобильник. Звонила супруга Семенцова Марина Ильинична, на кого-то жаловалась.

– Сколько раз тебе объяснять, – сердился Пётр Иваныч, – ну, соври ты им, что я в райцентр уехал. К врачу. Пусть заявление тебе оставят, я их потом приглашу. Из какой деревни? Ивашкино? Знаю я этих жалобщиков, надоели хуже горькой редьки. Ну, всё-всё. Не забудь калитку запереть, не зачем всех пускать.

Ворча, Семенцов погасил недокуренную сигарету, растерев её в траве сапогом, поднял связку удочек и пошёл по берегу дальше. Костян облегчённо вздохнул. Подумал: этот «Петька-на-мопедьке» своим

бубненьем всю рыбу распугал. А Зинку, скорее всего, мать не пустит. Строгая она. Учительница на пенсии. Как в райцентр, в свои младшие классы, перестала ездить, так сразу же хозяйство завела – кур полтора десятка, поросёнка, грядок поналепила целый двор, возится в них, нарядившись в синий халат, назвав его рабочей одеждой и повязав голову косынкой с узлом на затылке.

Но сама-то ничуть не изменилась. Выражение лица — будто всё время чем-то недовольна. И со всеми говорит как со школьниками — поучительно. Может, поэтому Зинкин отец, когда сокращения на «молочке» начались, уехал на заработки в Москву и не вернулся. Кому понравится, если тебе каждый шаг диктовать будут. Вот и по деревне слух прошёл, будто он там каким-то охранником устроился, а ведь здесь, на комплексе, наладчиком автоматической линии был, на доске почёта висел. Жаль мужика. А Зинку, кажется, и в самом деле не пустили, одному придётся куковать. Ну да, может, так лучше?!

Она всё-таки пришла, примерно через час. К этому времени у Костяна в садке уже плескались три подлещика и один полосатый окунь зеленовато-тёмной расцветки.

На этот раз свой каштановый хвост Зинка заплела в две толстые тугие косички – они перелетали у неё со спины на плечи, когда она резко поворачивала голову.

- A вон на том берегу, видишь, ветла старая, показывал ей Костян, понижая голос, там цапля живёт, у неё там дом.
 - Какой дом? С крышей? притворялась, смеясь, Зинка. С мебелью? Стол? Стулья?
- Дом-гнездо, невозмутимо продолжал Костян. А в нём цаплята маленькие, она им лягушат и рыбёшек таскает.
 - Можно подумать, ты сам это видел.
- Видел. На тот берег раз переплыл, по лесу через кусты пошёл, исцарапался весь, смотрю цапля шею сложила узлом и летит, а из клюва рыбка свисает.

Тут Зинка спохватилась, порылась в своей матерчатой сумке, стала разворачивать хрустящую промасленную бумагу, а в ней бутерброды с сыром. Сказала, смеясь:

- Я вот тоже, как твоя цапля, поесть тебе принесла. Давай кусай!
- У меня руки после червяков не мытые, засмущался Костян.

Попытался дотянуться до воды, сполоснуть - скользко, то и гляди с головой в омут рухнешь.

– Придётся тебя, как птенца, самой кормить, – хихикнула Зинка.

Всё так же смеясь, она стала отламывать куски от бутерброда, совать ему в рот, приговаривая: «Жуй как следует! Не подавись!» Её длинные пальцы с облезлым маникюром сметали крошки, застрявшие на его губах и подбородке, поправляли нависавший на глаза упрямый чуб, а за её тугими косичками в эти минуты сверкала золотая рябь, бегущая через речную излуку, и плыл кругами над рекой коршун, высматривая в траве добычу, и ветер ерошил на другом берегу серебристую листву той самой старой вербы.

И всё это было сейчас для него одним Большим Домом, который Костян уже не мог представить без Зинки.

4

С той весны их стали видеть вместе всё чаще. С удочками – на реке. На мотоцикле – в райцентре. В клубе – на редких теперь киносеансах. А ещё Зинка любила бывать в окрестных деревнях – они здесь тянулись прерывистой цепочкой вдоль холмистого берега Клязьмы и были наполовину заселены дачниками. Костян надевал мотоциклетные очки, шлем вешал на руль (ему нравилось, когда встречный ветер трепал ему чуб) и, почувствовав, что Зинка прочно уселась сзади, врубал скорость.

Они носились по просёлочным дорогам, вьющимся меж берёзовых рощ и осиновых перелесков, полных птичьим щебетом. Костян останавливался, глуша мотор, предлагал: «Послушай». Если птицы умолкали, он начинал тихо подсвистывать, и голоса возникали, вопросительно-удивлённые, будто спрашивали: а ты кто такой? Костян умел копировать голос иволги («Фиуу – юю»), теньканье синиц («Тиньтинь-тиинь») и несколько соловьиных рулад. После общения с птицами они мчались дальше, влетая в соседнюю деревню, распугивая кур, почтительно останавливаясь, если дорогу величаво и медленно пересекало семейство гусей. И непременно, как это пока ещё принято в деревнях, кивали сидящим у ворот на лавочках старушкам, зорко их разглядывающим, а заодно здоровались и с разморенными летним зноем дачниками, цепочкой бредущими на реку.

Больше всего Зинке в этих деревнях нравились старые избы — их окна были обрамлены резными наличниками, выкрашенными белой эмалью, а на коньках крыш красовались вырезанные из проржавевшей жести скачущие кони и взлетающие птицы. В дальней деревеньке Кошкино они обнаружили почти

ПРОЗА _____

посреди улицы крытый колодец, чья крыша из набегающих волнами полукруглых дощечек напоминала потускневшую рыбью чешую и держалась на двух высоких фигурно-резных столбах, края же её тоже были украшены осыпающимися от времени деревянными кружевами. И несмазанный ворот этого музейного колодца, когда Костян, решив напиться, стал крутить ручку, скрипел каким-то домашним, старчески-дребезжащим голосом, будто спрашивал: проведать что ли пришли, ребятки?

А вот к дачному новострою Зинка относилась критически: двух- и трёхэтажные терема с нелепыми башенками и тесными балкончиками казались ей смешными. На что Костян, с неторопливой мужской обстоятельностью, объяснял, уточняя: всё дело в том, что строителям не хватило чувства меры, поэтому вместо красоты получилась карикатура.

Возвращаясь, они останавливались на въезде в Ивлево, у высоченного осокоря с раскидистой кроной, чья чуткая листва даже в безветренную погоду тихо шелестела, металлически отзванивая. Зинка спрыгивала с мотоцикла, махала Костяну ладонью, и он ехал дальше один. Но такая конспирация не помогала: Прасковья Семёновна, всматриваясь в дочку насмешливо-изучающим взглядом, произносила учительским тоном неизменную фразу:

- Повадился кувшин поводу ходить...
- Там ему и голову сломить, торопливо договаривала Зинка, смеясь.
- Ох, девка, доиграешься ты! Прасковья Семёновна повышала голос до бранчливой звонкости. Ведь этот твой Костян безбашенный, взрослым грубит, натворит с тобой бед, да и уедет куда подальше... На своём мотоцикле!.. Или разобьётся на шоссе вместе с тобой!..

О том же толковали на скамеечках у ворот и почти все их деревенские соседки, не одобрявшие Костяна: проходит мимо, вместо того чтобы остановиться, да про погоду и про здоровье поговорить. Нет, буркнет «здрасте» и дальше топает. Никакой душевности! Пропадёт с ним Зинка, ох, пропадёт!..

Больше всех страдала от такой репутации своего племянника тётка Валя. В разговорах на лавочке, где обсуждали последние новости из жизни Пугачёвой, шумную свадьбу в соседней деревне и новые сокращения работников «молочки», она обычно редко встревала в споры. Но как только кто-то вспоминал про её племяша, осуждая его за строптивость, Валентина за него немедленно вступалась. Горячо, но безуспешно убеждала всех, что парень он, конечно, замкнутый, потому как сирота, и не очень вежливый, но зато сердечный. Рассказала: кошка окотилась, котят девать некуда, так он не разрешил топить, на мотоцикле в райцентр повёз, в плетёной корзине — раздавать... А как ей, Валентине, помогал, когда она телятницей работала!.. У неё напарница болела, и Валентина одна разрывалась, а Костик, тогда — пятиклассник, на ферму к ней каждый день приходил, помогал телят выпаивать.

И сейчас она, уже дояркой, по тридцать коров за смену доит, благодаря автоматике, конечно, так вот, когда автоматика отказывает, а наладчики после праздников «дурные головы лечат», Костик (по просьбе самого директора Николая Ивановича Маменко!) отпрашивается в гараже, приезжает на комплекс и, вникнув в схему доильной установки, чинит её... (Тут соседки с пониманием отводили от Валентины глаза, неловко им было, потому как в похвалах своему племяннику торопилась она выдать желаемое за действительное...) А в гараже, продолжала тётка Валя, к Костяну всегда очередь – водители несут карбюраторы чинить, он там в них какие-то жиклёры меняет... Костик ведь дошлый, во всём может разобраться, стоит ему схему посмотреть!..

5

Катились летние дни в осень, сушь всё чаще сменялась дождём, но Костян всё также по выходным бегал с удочками к сосне, стоявшей на самом краешке обрывистого берега. Всё так же приходила к нему Зинка, а чтобы не возвращаться в деревню из-за капризно налетающих и тут же прекращающихся летних ливней, соорудил Костян под сосной шалаш, натаскав из соседнего борка елового лапника.

Там, в сумрачной тесноте лесного жилища, в душистой, солнцем сожжённой траве, они слушали шорохи дождя и Костян, чувствуя, как его сердце бьётся уже где-то у самого горла, цепко держал Зинку за руку, уговаривая подать заявление в загс. И Зинка, смеясь, вырывала руку и шлёпала его по губам, объясняя, что до её шестнадцатилетия никто заявления не примет, что нужно ждать! А впереди были ещё осень, зима и весна, и только в начале следующей осени, если он, Костян, не передумает и не найдёт другую невесту, а она, смешливая Зинка, не встретит другого жениха, то тогда, так и быть, она задумается над его предложением.

Там он однажды ткнулся губами в её щёку, но поцелуя не получилось, она с неожиданной силой вы-

рвалась из кольца его рук, выметнулась наружу и, сев у входа в шалаш на влажную после дождя траву, сказала с необычной для неё серьёзностью:

– Не делай так, а то я буду тебя бояться. – И, подумав, добавила: – Если ты и вправду меня любишь, то потерпи этот год. Такое нам, видно, выпало испытание.

И Костян терпел. В погожие дни возил её в райцентр, в школу, на мотоцикле – начало уроков совпадало с началом его работы. Обратно она возвращалась на рейсовом автобусе в середине дня, а он вечером. Но в дождливую погоду она стала ездить только на автобусе, и он, чтобы чаще видеться – тоже, соврав ей, что мотоцикл сломался. Но всё равно бывать вместе, как раньше, не удавалось.

Однажды в утренней тесноте автобуса он пожаловался ей – тётка приболела, с температурой лежит. И Зинка вечером этого же дня принесла две упаковки разных таблеток. Тётка Валя так растрогалась, что, несмотря на слабость, встала, накрыла на стол на кухне, у окна, достала вишнёвую наливку собственного изготовления. И в этот момент в окно постучали. Зинка, прильнув к стеклу, охнула, стала спешно собираться, сказав с досадой:

– Мамаша пришла... Выследила...

И на следующий же день поползли по деревне разговоры о сводничестве тётки Вали, которая будто бы спаивает Зинку с Костяном, чтоб быстрее их женить.

И дорога к дому Костяна Зинке была заказана.

Потом выпал снег, и они стали пересекаться на лыжне — на замёрзшей Клязьме. Однажды, подъехав к сосне, у которой удили летом, они выехали на противоположный берег. Утопая в сугробах, продрались сквозь заснеженные кусты плавневого леса к старой дуплистой вербе. Рассмотрели темневшее в её сучьях большое неуклюжее гнездо улетевшей на юг цапли. И Зинка, разглядывая громоздкое сооружение из сухих веток, увенчанное сейчас шапкой снега, недоверчиво переспрашивала Костяна: неужели цаплята успели за короткое лето так вырасти, чтобы перелететь с клязьменских берегов до астраханских, заросших камышовыми крепями, болот?

- Наверное, мама-цапля кормила их так же старательно, как ты меня летом под сосной, объяснил Костян, и Зинка, смеясь, обняла его за шею, обмотанную шарфом, бормоча:
 - Я тебя готова так кормить всю свою жизнь...

И, прижавшись к нему, поцеловала в холодную щёку. Он попытался ответить, поймав её прыгающие в улыбке губы, но ему самому почему-то было смешно, и они только стукнули друг друга зубами.

Таким был их первый поцелуй.

6

И там же, на лыжне, у побуревших на морозе зарослей камыша, Костян однажды наткнулся на одноногого деда Ивана, сидевшего в потрёпанном заячьем треухе и латанном овчинном тулупе на своём походном ящике возле лунки, подёрнутой плёнкой только что намёрзшего льда. Рядом, на снегу, у его ног, обутых в старые растоптанные валенки, коченела пара мелких окуньков. Ловля не шла, и дед задрёмывал, угревшись в тулупе. Услышав скрип лыжных полозьев, очнулся, подёргал удочку и, покосившись на Костяна, проворчал, отчётливо окая:

– Что смотришь-то, ну, не клюёт, ушла стая! Ты лучше-то прочисти мне лёд.

Отцепив лыжи, Костян подобрал валявшийся возле лунки черпачок, расколов ледяную плёнку, выгреб осколки. Предложил:

- А может, вон там, ближе к берегу, пару дырок провертеть?
- Там мелко, я тут всё дно, как свою избу, знаю-то, оживился дед. А проверни-ка ты мне дырку во-он за тем поворотом-то, там всегда яма была, если, конечно, песком не занесло.

Кряхтя, он поднялся, кинул окуньков в ящик, повлёк его, скользящего, на полозьях, к новому месту, скрипя протезом, подающим писклявый голос из войлочной глубины правого валенка, доверив Костяну собрать всё остальное: зимнюю удочку-коротышку, черпачок, ворот для бурения лунок. Новое место оказалось чуть ниже устья старицы, занесённой сейчас снегом, с торчавшими из него щётками камышей.

Лёд здесь был звонкий, осколки его сверкали на солнце грудой драгоценностей, и Костян пожалел, что нет рядом Зинки, она любит всё блестящее, как сорока. Вспомнил: перед Новым годом он получил в гараже премию, и они с Зинкой в райцентровском магазине долго выбирали ей новогодний подарок — серёжки. Костян видел — она готова была купить все, а, застеснявшись, выбрала пару самых дешёвых. И всё никак не могла придумать, что сказать матери, откуда они. В конце концов стала носить их в кармане, надевая только перед встречей с Костяном.

ПРОЗА

В новых лунках вода словно бы дышала. Там был омут. Он свивал речные струи в один неукротимый водоворот, и блесна, опущенная дедом к самому дну, то зарывалась в песок, то взлетала наверх. В лунке было видно, как роятся вокруг металлической рыбки хищные тени. Вот одна, мелькнув, схватила блесну, понеслась с ней вглубь, согнула в дугу коротенькое удилище, потащила за собой леску с жужжащей катушки. Рыбачок подсёк, стал вываживать, но там, в глубине, была серьёзная рыба. Она сопротивлялась, ходила кругами, медленно уступая, повторяя очередной виток всё выше, всё ближе к лунке, и дед, покряхтывая, приговаривал:

– Хорошо идёшь, только в дырке-то не застрянь.

Так он шутил. Наконец круги стали повторяться у самого льда, и когда добыча оказалась в центре лунки, дед сделал резкое движение. На лёд выметнулся окунь-горбач, краснопёрый красавец, свирепый зверь речных глубин, украшенный тёмно-зелёными полосами. Он бил хвостом по снегу, подпрыгивал, покрываясь снежной пудрой, разевал щетинистую пасть, в которой звенела блесна, сверкая жёлтым бликом. Дед, привстав, любуясь добычей, спрашивал Костяна:

- Ну, признайся-то, где ты ещё видел таких окуней?
- Только на картинке! смеялся Костян.
- To-тo! ликовал дед. У меня в ящике-то ещё одна удочка. Бери, разматывай, пока вон те лунки льдом не затянуло-то!

Они рыбачили вдвоём до тех пор, пока солнце не стало садиться за кромку леса.

...С тех пор Костян стал у одноногого деда Ивана задушевным приятелем, располагающим к обстоятельным разговорам про перемены в нынешней жизни.

7

Таял снег на крышах, кричали вороны в ветвях старого осокоря, небо синело в облачных разрывах, обещая скорую весну и жаркое лето, и Костян, надевая мотоциклетные очки, выезжая на шоссе, догоняя автобус, на котором, он знал, едет в школу его Зинка, отказавшаяся от поездок на мотоцикле после эпизода с наливкой и с последовавшим домашним скандалом, мысленно кричал ей: «Здравствуй, цапля моя!.. Не грусти!.. Всё у нас будет хорошо!..»

Снег сошёл быстро, посиневший лёд на Клязьме треснул, разломился и с металлическим шорохом двинулся вниз по течению, вода стала прибывать, поднимаясь в крутых берегах, смывая ивовые кусты и упавшие деревья. В деревне спорили — рухнет ли на этот раз сосна, чьи корни почти наполовину обнажены прошлогодним половодьем. Но она стояла всё так же ровно, её видно было издалека, и дед Иван успокаивал Костяна, когда тот приходил к нему смолить его старую плоскодонку, лежавшую вверх дном во дворе рыбачковского дома:

– Нынче та сосна продержится-то. Ну а если нет, не боись, другое место для рыбалки найдешь, река длинная-то. Да хоть на моей посудине к камышам переправишься – там клёв не хуже!

Сосна устояла, прав оказался Рыбачок, хотя вымоина под её корнями заметно углубилась. Костян соорудил новый шалаш, взамен унесённого половодьем, и, когда пришло тепло, ночевал в нём.

Его там донимали комары и деревенские мальчишки. От комаров он отгораживался полынью – развешивал её по всем углам шалаша и над входом, её горький запах отпугивал насекомых. С мальчишками было труднее – они приходили с удочками, напрашивались в компаньоны. Приходилось отговаривать, придумывая всякую небывальщину, вроде того, что здесь по ночам появляются призраки, за которыми ему поручено наблюдать. В абсолютной тишине! Вы же, сурово (и совершенно справедливо!) утверждал Костян, минуты молча посидеть не можете, какие с вами могут быть научные наблюдения. А тем более – рыбалка!.. И прогонял их.

На огонёк его костра приходила Зинка, обмахиваясь веткой сирени. Забиралась в шалаш — «отдохнуть от комаров», Костян, не удержавшись, нырял следом. Она выталкивала его — «здесь тесно», и когда он вдруг обнимал её, строго напоминала: «Ты помнишь, мы же договорились?!»

Он помнил. Пятясь, выползал из шалаша, вытряхивал из садка в траву сегодняшний улов – хвастался. И начинал готовить для Зинки особое угощение. Сдвигал угли костра, подрезал широким охотничьим ножом обожжённый дымящийся дёрн, под него укладывал обмазанные глиной рыбьи тушки, возвращая дёрн и угли обратно. Подбрасывал в костёр хворосту. А через полчаса объявлял: «Окуни в собственном соку!» Извлекал из-под костра звеневшие глинистые коконы и разбивал их, выкладывая на широкие листья лопуха сочащуюся снедь. Затем показывал, как легко сползает окунёвая шкурка вместе с чешуёй, обнажая дымящиеся рыбьи спинки.

Зинка, отмахиваясь веткой от комаров, ахала, пробуя. Называла Костяна «мой замечательный шефповар». Предлагала открыть в райцентре кафе с таким названием. Костян соглашался, но не в райцентре, и даже не в областном Владимире, а в самой Москве. И название предлагал другое – «В гостях у цапли». Ну да, смеясь, подхватывала Зинка его идею, а в меню примечание: фирменное блюдо — лягушки в сметане.

Взглянув на часы, она вздыхала: «Пора, мамаша ждёт!» И — убегала. А Костян, кинув в затухавший костёр собранный в сосновом бору сушняк, смотрел, как улетают в небо клубы дыма с искрами, похожими на маленькие звёзды, как пробиваются сквозь потрескивающие сучковатые ветки упорные языки оранжево-голубого огня, и чудилась ему в их гибкой весёлой пляске Зинкина улыбка.

8

Август этого года был жарким, у сосны, на солнцепёке, с удочкой долго не высидишь, и Костян, выпросив у Рыбачка лодку, собрался переправиться на другой берег, в тень подступившего к воде плавневого леса. И — к камышам старицы. У Зинки день этот был почти не занятым, к тому же Прасковья Семёновна собралась в райцентр — пройтись по магазинам, заглянуть в гости к родственникам, а это надолго. Перед уходом она лишь поручила дочери покормить кур и готовое варево налить поросёнку в кормушку.

Костян ждал Зинку всё там же, у сосны. Осторожно спустившись с крутого откоса, она шагнула на нос вёрткой, уткнувшейся в глинистый берег плоскодонки, ойкнула, но не упала, подхваченная Костяном. Устроилась на корме, осмотрелась, мотая по плечам тугими косичками. Спросила: «А на вёслах только ты? Мне нельзя?» — «Не женское дело, но если хочешь…» И она села на вёсла. Плоскодонку крутило, несло вниз по течению. Зинка смеялась: «И в самом деле — не женское…»

Они поменялись местами. Выровнялась лодка, пошла наискосок против течения, пересекая бегущую по реке серебристую рябь. Скрипели уключины. Над сумрачным лесом, вплотную подступившим к реке, кружил коршун. Мокли безлиственными кронами опрокинутые в воду, но не унесённые половодьем деревья. Кобчики кричали жалобно и хищно, пролетая низко, будто падая, выхватывали зазевавшихся уклеек. Клонил ветер седые верхушки вётел, трепал заросли камышей в старице, увязая в них, тонул в шершавом их шёпоте. Успокаивался.

Войдя в тень лесного берега, лодка свернула в устье старицы — в её камышовую чащу, пересекла её, раздвигая упругие стены тростника. За ним вдруг открылось пространство чистой воды, обрамлённое желтеющими кувшинками, осокой и старыми вётлами, нависшими над всем этим царством уюта и тишины. «Господи, как хорошо-то здесь!» — ахнула Зинка, осматриваясь.

Не сразу размотали они рыбацкие снасти — место казалось достойным лишь восхищённого созерцания. Но азарт добытчика взял своё – Костян забросил обе удочки. И – замер. Зинка, в пёстром сарафане, в детской панамке, полулёжа на корме, следила за своим поплавком, щурясь от солнца, тихо приговаривая: «Ловись, рыбка, большая и маленькая». Но ловилась только маленькая – краснопёрки и подлещики. Костян отправлял их в садок, вздыхая: мелочь, чистить от чешуи — умаешься. Рассказывал негромко про Рыбачка: как лодку смолили, и дед говорил, что это его «второй дом». Оказывается, Рыбачок в ней спит, когда устаёт на рыбалке — снимает одно поперечное сиденье, специально сделал его съёмным, и стелит на дно (всегда сухое, потому как лодка хорошо просмолена) старый кожушок. Костян описывал столетнюю, покосившуюся избу Рыбачка (построенную его дедом в самом начале прошлого века), увешанную сейчас связками сушёной воблы, и его круглолицую крикливую бабку, торгующую рыбой на райцентровском рынке, возле «Чайной», где роятся любители пива. Боевая бабка!

- Смотри, что это он? Зинка удивлённо кивнула на свой поплавок. Тот почему-то всплыл и лёг на бок.
- Не торопись, кажется, к тебе лещ в гости просится, предупредил Костян. Он вначале поднимает насадку вместе с грузилом... И только потом...

В этот момент поплавок, набирая скорость, пошёл в сторону. И – стал тонуть.

- Подсекать, да? спросила Зинка.
- Подсекать!

В дугу согнулось её удилище, леска со свистом стала резать воду. Всполошённая Зинка, вцепившись в удилище, боком сидела на корме, уронив на неё панамку. Трещала под её рукой катушка, отпускавшая леску рыбе, рвущейся вглубь.

– Води её кругами, не волнуйся, наша будет! – успокаивал Зинку Костян, приготовив сачок. – Только не пускай под лодку, там она леску порвёт!

Но добыча ушла именно туда.

ПРОЗА _______ 4

– Отпускай леску, я лодку разверну! – кинулся к вёслам Костян, отчётливо представляя себе, как может сейчас лопнуть натянутая леска, чиркнув о борт. Гибкий кончик Зинкиной удочки уже клевал воду, следуя за рыбой, ушедшей под днище лодки, а сама Зинка, готовая заплакать от досады, просила:

- Ну, Костик, миленький, давай же, сделай что-нибудь, сорвётся же!
- Только без слёз! Костян работал вёслами. Отпускай леску и ничего не бойся!

Развернув лодку, он оставил вёсла, снова взял сачок. И велел Зинке крутить катушку, выбирая леску, поднимая добычу к поверхности. Рыба ходила кругами, приближаясь к борту. Сейчас снова кинется под лодку, подумал Костян, опустив в воду сачок. Неужели упустим, ведь Зинка до слёз расстроится! Нет, вот он, красавец, иди-иди, мы тебя ждём!.. Подцепив добычу, Костян охнул, переваливая её через борт: «Тяжёленький, чертяка!»

Лещ неуклюже ворочался в сачке, на дне лодки, сверкая широким серебряным боком. Зинка смотрела на него, всхлипывая.

- Ты чего? удивился Костян. Радуйся, твоя же добыча!
- Мне уже почему-то его жалко, призналась Зинка, утирая тыльной стороной ладони мокрые глаза. Костян, достав спущенный с кормы садок с рыбьей мелочью, отправил туда леща.
- Смотри, Зин, куда нас занесло! Пока они вываживали свою добычу, лодка врезалась в камыши.А здесь уютно, почти как в шалаше!

Высокий густой тростник шелестел на ветру жёсткими стеблями, бросал зыбкую тень на Зинкино лицо, влажное от недавних слёз. Костян пересел к ней на корму, обнял её золотистые от загара плечи, приговаривая: «Ну, хватит тебе расстраиваться из-за какого-то леща, хочешь, я его выпущу?!» — «Тогда мне будет жалко тебя, ты же так старался!» Она прислонила к нему голову с торчащими в стороны косичками, и он, наклонившись к её лицу, поймал наконец её губы. И замер, словно спрашивая, можно ли. И она ответила ему торопливым поцелуем.

Где-то рядом, за камышовой стеной, кричали над рекой кобчики. Азартно стрекотали кузнечики в зарослях желтеющей пижмы. Сложив длинную шею узлом, пролетала с речного мелководья в лес, к своему гнезду, цапля, несущая своим цаплятам уклейку, блестевшую в её клюве серебряной каплей. Плавневый лес, нависавший над старицей седыми кронами столетних вётел, звучал, перекликаясь птичьими голосами, веял ароматом луговых трав, длил летний праздник жизни, укрывая прозрачной тенью застрявшую в камышах лодку.

Целовал Зинкины плечи Костян, сдвигая бретельки сарафана. Слышал её шёпот, сливавшийся с шорохом камыша: «Не надо, Костик, хватит!» Но её руки, её длинные пальцы с облупленным маникюром ворошили его всклокоченный чуб, гладили его лицо, и у них был свой голос, и говорили они совсем другое: ты ведь любишь меня?.. Очень любишь?.. Очень-очень?.. Тогда целуй меня ещё!.. Всю-всю!.. И он, повинуясь этому голосу, покрывал поцелуями её всю, потому что вслед за бретельками сарафан, сползая, открыл её небольшую грудь, не защищённую лифчиком, и он целовал, целовал её до головокружения. И казалось ему, что это сон, овеществлённый сон, один из тех, что он множество раз видел, когда засыпал с мыслью о Зинке.

Что-то мешало Костяну — давило руку, обнимавшую Зинку. Понял наконец — борт лодки. Тесно им было на корме. Вытащил Костян из-под кормы кожушок деда Ивана, постелил на дно, накинул сверху свою рыбацкую куртку.

- Что ты делаешь, Костик? шептала ему Зинка. Не надо этого!
- Надо! тоже шёпотом отвечал он ей, сдвигая съёмное сиденье. Сколько можно так мучиться? Иди, иди ко мне, не бойся!
- Не надо, Костик! повторяла она, соскальзывая с кормы вниз, обнимая его, помогая ему снимать с себя всё, что мешало. Это было легко, потому что в её воображении с ней такое случалось не раз, только Костик в тех сценах был бесплотным, как призрак, а сейчас она ощущала его губы, руки, плечи, грудь, всё его горячее напряжённое тело, которое вот-вот должно стать её частью.

Обнимая его, она торопила это мгновение. Она видела за его плечом метёлки камыша, верхушки старых вётел, синеву неба, выпуклый бок наплывавшего ослепительно-белого облака, ахнула, почувствовав боль, а вслед за ней, вместе с ней вдруг ощутив необыкновенную лёгкость, огромность своего существа, своё родство с метёлками камыша, синим небом и белым облаком. Она любила сейчас вместе с Костиком весь этот распахнутый для неё мир, но ждала чего-то ещё, того, что с ней никогда не бывало, что она только предчувствовала. И это предчувствие наконец сотрясло её обжигающей вспышкой счастья, длинным стоном, взрывом поцелуев, захлёбывающимся шёпотом: «Боже мой как я тебя люблю!»

Окончательно очнулись они от пронзительного щебета, увидев совсем близко, на камышовом стебле, птицу величиной чуть больше воробья, зеленовато-рыжего окраса. Она сидела боком, вцепившись красноватыми коготками в стебель, покачивалась вместе с ним, вертела головой, блестя зёрнышками глаз, и, широко разевая клюв, издавала звук, похожий на тревожный треск.

- Нас прогоняют, сказал Костян. Это камышовка, у неё где-то здесь гнездо.
- Какая смелая! Зинка, приподнявшись на локте, рассматривала птицу. Я же её рукой достану! Но камышовка упорхнула, и Зинка, сев, взяла в ладони лицо Костика, взглянула ему в глаза.
- Ты понимаешь, что мы с тобой наделали?! Ведь мамка догадается, скандалить будет!

Обняв Зинку за плечи, Костян стал укачивать её, приговаривая:

Не боись, цапля моя, ты теперь мне жена. Пока — тайная! А в октябре стукнет шестнадцать, станешь явной... Тебе хорошо было со мной? Не больно?

- Чуть-чуть больно. И хорошо... Замечательно даже!.. А тебе со мной?
- Теперь я сойду с ума, если мы не будем с тобой встречаться. Понимаешь?
- Понимаю. Ой, смотри, а натекло-то как...

Она приподнялась, разглядывая смятый сарафан, оказавшийся под ними. Он весь был в алых пятнах.

- И куртку твою тоже испачкали.
- Да ерунда, пятна незаметные, успокаивал Костян.
- Мамка разглядит, у неё глаз острый.
- Ты главное не паникуй, а то она всё по лицу поймёт. А пятна застирай, сарафан просохнет, пока будем возвращаться.

Они медлили, собираясь. Костян сматывал удочки, упаковывал их в чехлы, перекладывал рыбу в большой полиэтиленовый пакет, а сам косил взглядом на Зинку, возившуюся с сарафаном. Это была уже другая Зинка – в её движениях, в её лице, в её взглядах, которые она бросала на Костяна, сквозила неторопливая уверенность в обретённом счастье.

Им не хотелось покидать старицу — «водяной рай», как его назвал Костян, для них вдруг стал подобием дома. Но пришлось торопиться — Зинка вспомнила про поросёнка и кур, их пора было кормить.

Шуршал камыш, упруго сопротивлялся движению лодки, словно пытаясь задержать её. Наконец расступился. Устало скрипели уключины. Гасла золотая рябь, бежавшая через реку. Солнце уже касалось верхушки осокоря, стоявшего в конце улицы, на въезде в деревню, когда Костян высадил Зинку на кустистый берег, неподалеку от мостков. Отсюда ей было до своего дома ближе – по тропинке, через заднюю калитку и огород, да и лишний раз попадаться на глаза соседям ей не хотелось. Взять рыбу домой отказалась, боялась лишних расспросов матери. «Тётке Вале отдай», — велела. Воровато оглянувшись, коснулась щеки Костяна губами, шепнув: «До встречи, муж мой!» Мелькнул в ивовых кустах её сарафан, сверкнула и растворилась в листве счастливая её улыбка.

Вот калитка в покосившемся штакетном заборе, вот грядки, возделанные самой Зинкой... Она сейчас петляла меж них, смеясь — ей вдруг вспомнилась смелая камышовка, прогонявшая пронзительным треском незваных гостей... Вот увидела: дверь в сарай, откуда слышалось приглушённое похрюкивание, открыта. Оттуда вышла Прасковья Семёновна, гремя пустым ведром. Она была в своём хозяйственном синем халате.

– Где тебя носит? – спросила, рассматривая дочь.

И Зинка поняла – мать не в духе. Наверняка поругалась с родственниками, это с ней часто случалось, когда ездила в райцентр. Потому и вернулась раньше времени.

- У Гальки была.
- У какой такой Гальки?.. Я её только что на остановке видела, она на последний автобус в райцентр садилась...
 - Да я час назад у неё была, а потом на реку с девчонками ходила.
 - В жёваном сарафане? Он, что, мокрый у тебя?
 - Меня Витька-Бомбовоз в воду столкнул... Пошутил так...

Пятиклассник Витька, круглоголовый упитанный мальчишка, сын участкового, слыл в деревне забиякой с придурью, но ему все его выходки прощали, лишь изредка осторожно жаловались отцу.

— По этому Витьке колония плачет... Распустил его отец... Постой, девка, что-то ты меня совсем запутала: я же этого Витьку с мальчишками в райцентре видела, когда в автобус садилась... Они по улице с мороженым шли. А ну, пойдём-ка, поговорим!

ПРОЗА _____

В доме было сумрачно. Одуряюще пахло синевато-сизыми флоксами, стоявшими в пузатой вазе на круглом столе. Белели кружевные салфетки на громоздком комоде – он сверкал множеством металлических фигурных ручек на выдвижных ящиках. В углу, над этажеркой с книгами, тускло отблёскивала стеклом Почётная грамота, которой наградили Прасковью Семёновну Журкину, когда она уходила на пенсию.

Её синий халат был нервно брошен на спинку стула. Сев у стола, она велела Зинке включить верхний свет. Пристально всматриваясь в лицо дочери, осторожно севшей на краешек старого продавленного дивана, распорядилась:

- А теперь рассказывай по порядку.
- Что рассказывать-то, сморщилась Зинка, будто куснула чего-то кислого, ну, столкнул в воду дуролом Витька, это было-то часа два назад, потом он уехал с мальчишками в райцентр развлекаться.

Панически чувствуя – попалась на вранье, она старалась избегать маминых глаз, водя загнанным взглядом по флоксам, салфеткам на комоде и окну, за которым заходящее солнце золотило кусты сирени.

– Как-то ты виляешь, дочь, – в голосе Прасковьи Семёновны прорезалась раздражённо-насмешливая интонация. – То у Гальки была, то с Витькой на берегу оказалась... Может, не с Витькой, а с Костяном?.. Я слышала, ему Рыбачок стал свою лодку давать... Уж не Костян ли тебя на лодке катал и за борт вывалил, как персидскую княжну?!

Ну да, конечно, Зинка знала — от матери утаить ничего не удастся. Но, может быть, можно обойтись краешком правды?

- Так получилось, услышала Зинка свой голос, свою покаянную интонацию, лодка Рыбачка шатучая, я, когда с берега ступила на борт, нога соскользнула... А там глубоко... Это под сосной, где омут...
- Всё-таки с Костяном была!.. Плюёшь, значит, на материны предупреждения!.. Смотри мне в глаза, чёртова безотцовщина! Прасковья Семёновна сорвалась в крик. Куда он тебя возил? На тот берег? В лес? Что там делали?

Когда мать кричала, Зинка не просто пугалась. С ней происходило что-то странное: ей казалось — из неё вынимают все её кости и она превращается в какое-то желе. Торопливым полузадушенным голосом она утвердительно отвечала на все вопросы, отвечала отстранённо, будто рассказывала о том, что случилось не с ней, а с какой-то другой девчонкой... Глупой... Безответственной... Да, переправились на тот берег... В камыши... Закидывали удочки... Да, целовались... Он меня целовал...

– Только целовал?.. Или что-то ещё?! – спрашивала мать, привстав, наклонившись к её лицу. – Отвечай, паршивка! Или ты хочешь, чтоб я отвезла тебя на освидетельствование к гинекологу?

Катились слёзы из Зинкиных глаз, закрывала Зинка лицо руками. Её трясло от подступавших рыданий. Мать отрывала руки от её лица. Кричала:

- Так было или не было у тебя с ним? Где? Прямо в лодке? Какой подлец! Ты сопротивлялась?
- Я говорила: «Не надо».

Зинка не соврала, она ведь говорила Костяну в лодке: «Не надо». Несколько раз.

Прасковья Семёновна металась по комнате, схватив себя за голову, повторяя: «Учительская дочка! Какой позор!», причитая: «Надо что-то делать!» Выбежав в кухню, вернулась со стаканом воды, накапала валокордина. Не дочери, себе. Выпила. Остановилась возле Зинки, осенённая догадкой:

– Так ты после этого застирывала сарафан? Но пятна-то могли остаться!.. А ну-ка сними, я посмотрю.

10

Прасковья Семёновна Журкина не была злым, а тем более – мстительным человеком. Она лишь не терпела безнаказанности. Каждый провинившийся должен искупить свою вину, считала она. Прощение только развращает человека, вносит сумятицу в отношения людей, порождает разгильдяйство, безответственность, хаос. Главное, на чём должна держаться жизнь, это справедливое наказание.

С этой мыслью она пересекла наискосок деревенскую улицу, свернула возле низкорослой ветвистой вербы по деревянным мосткам к металлическим воротам Семенцова, нажала у калитки на кнопку звонка, услышав трезвон, звучавший во всём, недавно обновлённом доме, включая горбящийся у забора вместительный гараж, за ним — длинный сарай, густо увитый змеистыми побегами плюща и огороженный сеткой угол двора, где гуляли куры и покрякивали утки. На трезвон густым басом отозвался лохматый рыжий пёс, немедленно явившийся из своей будки, громыхнув цепью. Стукнула дверь терраски, Семенцов в тренировочных штанах и полосатой майке вышел на крыльцо. Всмотревшись, крикнул:

– Семёновна, входи.

Щёлкнул автоматический замок, калитка отъехала на визжащих колёсиках, открывая путь нежданной гостье.

- Стряслось что? спросил Семенцов.
- Поговорить надо.

Они говорили в закутке, отгороженном от кухни тонкой перегородкой, за столиком, загромождённым спиннинговыми катушками и блёснами (Семенцов обновлял рыбацкий арсенал). В кухне гремела посудой пышнотелая супруга участкового Марина Ильинична – она прислушивалась к их беседе и время от времени громко комментировала ситуацию.

- Костян её заманил в лодку, рассказывала Прасковья Семёновна предательски дрожащим голосом. Увёз в камыши... Ей деваться было некуда...
- Дак к тому шло! откликалась из кухни Марина Ильинична. Он же её без конца на мотоцикле катал.
- Эти катанья к делу не пришьёшь, укладывая блёсны в коробку, бурчал Семенцов. Чё там у неё– синяки, царапины есть?
 - Сарафан есть. С пятнами. Она пробовала отстирать, прямо там, в камышах, но всё равно остались.
 - Освидетельствовать придётся. У гинеколога, подала голос Марина Ильинична.
- Да-а, доигрался парень, шумно вздохнул Семенцов. Говорил ему: будь поскромней, не груби взрослым. Не послушался.
 - Что делать-то? спросила Прасковья Семёновна.
- Как что?! Заявление писать... Проучить его надо... Вот прямо здесь и пиши, он отодвинул коробку с блёснами. Я продиктую.

…Был вечер, сизые сумерки наползали от реки на огороды и задние дворы деревни, загоревшиеся окна, обращённые к улице, источали тёплый свет, и бледный месяц над крышами уже наливался желтизной, когда Семенцов, надев голубую милицейскую рубашку с коротким рукавом и синие брюки с тонкими, вишнёвой струйкой, лампасами, решительно нахлобучил фуражку с красным околышем. Прасковью Семёновну он отправил домой, велев никому ничего не рассказывать, а сам направился к дому тётки Вали. Застал он её на скамейке, у ворот, с соседками, отчётливо окающими – здесь сохранилась деревенская манера разговаривать громко, как бы приглашая всех проходящих остановиться и высказаться. На этот раз они осуждали директора «молочки» Николая Ивановича Маменко за то, что стал в пастухи нанимать вдруг возникших в этих местах таджиков, хотя, да, свои мужики не всегда надёжны, могут в подпитии растерять стадо... Но нет, не все же пьющие, звучали голоса в защиту «своих», просто построже нужно с ними обращаться, чтоб не распускались... Увидев участкового – в фуражке и с деловой папкой в руках – женщины замолкли.

- Зайцева, племяш твой дома?
- Дак где ж ему быть? А чтой-то не так? встревожилась тётка Валя.
- Всё так, даже слишком, неопределённо ответил Семенцов. Веди к нему.

Они прошли в дом. Вошли в кухню, тесную от большой, бездействующей летом, старой печи с плитой и полатями. Здесь Костян, за кухонным столом, разделывал рыбу под мурлыкающий мотив включённого на подоконнике транзистора. Толпились на полу стеклянные трёхлитровые банки с малиновым вареньем. Над ними, в углу под потолком, висела обрамлённая расшитым полотенцем маленькая иконка с неразборчиво-тёмным ликом. Над столом, занятым сейчас разделочной доской с рыбьими тушками, сиял красочный Календарь Садовода с полезными для деревенского жителя советами. И тёрлась у ног Костяна та самая кошка, чьих котят он, не разрешив топить, отвёз в райцентр и раздал знакомым. А в другом углу, за печкой, на газовой плите, уже дребезжала крышка кастрюли, от неё исходил аромат наваристой ухи.

Отложив нож, Костян с тревожным недоумением смотрел на участкового.

- Ты, я смотрю, и в кухонных делах мастер, сказал ему вместо приветствия Семенцов.
- Он всё может, торопливо подтвердила Валентина Зайцева. Такой способный.
- Вот о его способностях мы и поговорим. Здесь? Или в передней?
- Там, конечно, там, отворяя дверь в другую комнату, суетилась Зайцева. Вам, Пётр Иваныч, чайку? Или чего покрепче? Наливка есть из нонешних ягод.
 - Ни-ни. Я при исполнении.

Семенцов шагнул через порог в переднюю и только здесь снял фуражку с красным околышем, кинув её на середину стола, застеленного пёстрой скатертью. Сел на шатучий стул, положив на стол кожаную папку. Осмотрелся. Здесь было намного просторнее. У печки-голландки стояла отделённая цве-

ПРОЗА

тастой шторой железная кровать с никелированной спинкой и сверкающими по углам шарами. Комод, заставленный множеством разных коробочек, пузырьков и двумя фаянсовыми статуэтками — пионерки с красным галстуком и лицеиста Пушкина с гусиным пером, осеняла квадратная, похожая на кустарно изготовленный коврик, картина с изображением ярко-синего озера в густо-зелёных берегах, с парой белых лебедей посередине. Три окна этой комнаты, задёрнутые молочно-прозрачными тюлевыми занавесками, смотрели на улицу поверх буйных зарослей малины.

- Да, неплохо у вас, похвалил Семенцов. Только не пойму, где же ты тут, Костян, базируешься?
- Вам это зачем?
- Он себе чуланчик под спальню и кабинет оборудовал, поспешила объяснить тётка Вера. А зимой, когда сильные морозы, в кухне на печке спать любит. Хотите чуланчик посмотреть?
- Нет, это не обязательно. А тебе, Костян, советую: будь повежливей. Тут, можно сказать, судьба твоя решается. Ты сегодня где был?
 - На реке был. А что?
 - С кем?
 - Вам-то какое до этого дело? С кем надо, с тем и был.
 - Ты вот что сядь и успокойся. Ко мне поступил сигнал, я обязан выяснить: с кем?
 - Ну, с девушкой, Костян сел. А что случилось-то?
 - А то случилось, что ты её изнасильничал.
- Господи, Боже ты мой!.. Чтой-то вы такое говорите, Пётр-Иваныч?!.. крикнула тётка Валя, всплеснув руками, и обошла стол, сев с другой стороны. Чтобы Костик-то?! Да никогда! Да кто это его оговорил-то?..
- Вот заявление, Семенцов щёлкнул замком папки, извлёк оттуда листок, исписанный Прасковьей Семёновной, помахал им и снова вложил в папку. Написала мать несовершеннолетней девочки.
- Это Журкина что ли? догадалась тётка Валя. Она ж не в себе, так за свою Зинку переживает! Не пускает её гулять с Костиком. Небось напридумывала страстей цельный короб, а вы, Пётр Иваныч, поверили! И какая Зинка несовершеннолетняя, ей уже шестнадцать!
- Будет шестнадцать. Через два месяца. А пока несовершеннолетняя, то есть малолетка, тяжело сопя, уточнил Семенцов.
- Да никакого же насилия не было, растерянно улыбался Костян. Ведь мы с ней пожениться решили, спросите её.
- Спросим. А пока вот тебе два листка. На одном ты пишешь, как было, на другом обязуешься никуда не скрываться, потому как теперь ты под подпиской о невыезде. И завтра утром со мной в райотдел. Повестку я тебе там напишу, ты её в гараже покажешь, чтоб прогула не было.
 - Я в отпуске. А зачем в райотдел?
 - На допрос.
 - Да я сейчас всё как было напишу.
- Объясняю: моя задача предварительно тебя опросить. А вести твоё дело будет следователь, потому как допрыгался ты, парень. Тюрьмой твоё дело пахнет понял?

Продолжение следует.

Михаил ТУРУНОВСКИЙ

Родился 1 декабря 1964 года в г. Казани. Писатель, победитель конкурса «Книга года-2009» в Республике Татарстан, лауреат «Литературной премии им. В.А.Колесника-2011» (Республика Беларусь). Выпускник казанского авиационного института имени академика Туполева. С 2001 года постоянно проживает и работает в городе Бресте. Род занятий: литература, рекламная полиграфия, фото-видео съёмка. Регулярно издаётся в Республике Татарстан и Республике Беларусь. Автор опубликованных книг: «Сказки для маленькой дочки», «Я иду спать» и «Кузяка-Бузяка — укротитель страхов» (из серии «Я не боюсь»). Автор театральных пьес: «Тётушка Темнота» и «Самый последний поцелуй».

Морковный салат

Рассказ

кольная жизнь.

Череда незабываемых, порой удивительных событий.

Протекая словно внутри нашего бытия, она обретает своё собственное течение, имеет особый взгляд на всё происходящее. Свои каноны красоты, понятия о верности и дружбе, свою логику побед и поражений. В школьной жизни всё происходит по-другому. По-другому течёт время, которое здесь не постоянно, и часто меняется. То стремительно пролетает, унося в прошлое самое важное и неповторимое. То внезапно замедляется, превращая монотонные часы в неприметные дни и недели.

Школа.

Стоит перешагнуть порог и оказаться в её стенах, как мы, кажется, снова открываем чистый лист начатой тетради. Той, где по центру вверху аккуратно вписана дата нового дня именно школьной, а не какой-нибудь другой жизни.

Итак, двадцать второе сентября. Для выпускного 10-го «Б» в записях их рабочей тетради по литературе эта дата явно не ложилась в строку именуемой «красной». И она, скорее, была бы удостоена названия «строки чёрной», если бы такая действительно существовала в природе.

В это не хотелось верить никому, но в самом начале последнего для ребят школьного года уезжала их любимая Вера Николаевна. Для непростого, часто непредсказуемого 10-го «Б» расставание с любимой учительницей было сравни настоящей трагедии. Эти особенные отношения совершенно необычного класса со своим классным руководителем удивляли всю школу. Сказать, что она имела у них непререкаемый авторитет, наверное, было бы неправдой. Скорее, это была настоящая, искренняя любовь, взаимная и бескорыстная. Чем заслужила она её у класса, который слыл в школе не просто озорным, а почти хулиганским, наверное, не смог бы объяснить никто.

С виду обычная молодая женщина, с очень мягкой интонацией в голосе просто завораживала ребят на своих уроках. Тех самых «спиногрызов», которым сорвать урок математики или физики не составляло никакого труда. К примеру, они могли запросто закрыться в классе изнутри, а потом избавиться от ключа метким броском в форточку. Подобный поступок у них всегда считался достойным одобрения. И только для урока литературы существовало негласное табу.

Даже «вечная проблема» всех учителей, неисправимый троечник Саня Кныш, старался изо всех сил порадовать всеобщую любимицу проблеском своих знаний. Надо сказать, и она в ответ прощала им, в сущности, безобидные шалости.

– Здравствуйте, бабушка Удава! – неизменно приветствовал всех учителей Саня. Это считалось шедевром его простоватого юмора. И Саня, на радость одноклассникам, старательно гундосил каждый раз, едва открывая рот. В ответ его ругали все. И только Вера Николаевна покачивала головой и, смеясь, парировала: Здравствуйте, дедушка медведь».

Примечательным был и тот факт, что 10-й «Б», считавшийся автором большинства учительских кличек, свою любимицу называл просто Вера Николаевна, но обязательно с приставкой наша.

Атмосфера в классе всегда царила хотя и непринуждённая, но в то же время необыкновенно

деловая и пронизанная насквозь взаимопониманием и стремлением помочь друг другу.

И вот, сегодняшний день – двадцать второе сентября, словно двадцать второе июня, по меткому замечанию Серёги Иванова: «вероломно вторгся в жизнь всего класса». Сегодня они расставались со своей Верой Николаевной. Её муж, военный по профессии, неожиданно получил новое назначение, и они срочно должны были переехать в другой город.

Впервые в истории класса урок литературы был сорван, не успев начаться. Это был их последний, прощальный урок. Девчонки с заплаканными глазами тут же повисли на шее Веры Николаевны, стоило ей войти в кабинет. Ребята с хмурыми лицами сидели скученно на первых партах, глядя кто в пол, кто в потолок, явно сдерживая в себе нахлынувшие эмоции. Жизнь казалась образцом несправедливости и коварства.

Сорок пять минут урока пролетели незаметно. По крайней мере, потом всем так казалось. О чём говорили тогда, никто точно не помнит. Наверное, потому, что в этот день им всем впервые в жизни пришлось расставаться с человеком, по-настоящему близким и почти родным. И это несмотря на то, что и прощаться приходилось вроде бы не навсегда.

– Господи, ребятушки вы мои дорогие, – не переставала причитать растерянная Вера Николаевна в тщетной попытке успокоить класс. – Да ведь не на другую же планету я от вас улетаю! Ну что за трагедию вы тут устроили?! Мы встретимся! Мы все обязательно очень скоро встретимся. Я вам обещаю.

Девчонки утирали слёзы. Что-то говорили в ответ, обнадёживающе кивая головами. Все верили в скорую встречу и одновременно в собственный самообман. Ведь так было легче справиться со своим бессилием перед неизбежностью расставания.

Город, куда уезжала Вера Николаевна с семьёй, находился ни много ни мало, а в трёх тысячах километров от них. И этот факт непреодолимой преградой вставал на пути их ближайших планов о встрече.

– До свидания, Вера Николаевна! Мы вас никогда не забудем! – кричали они в окно вслед уходящей учительнице. А та в ответ махала им рукой, прикрывая огромным букетом цветов лицо и градом катившиеся по щекам слёзы.

С деревьев, медленно кружась, спадали первые осенние листья, выстилая под её ногами дорогу уже в совсем другую жизнь.

Новую учительницу, пришедшую на смену Веры Николаевны, директор школы представил сразу после выходных.

– Вот, прошу любить и жаловать вашу новую учительницу по литературе Зою Ивановну, – произнёс он, торжественно обращаясь к классу, а затем повернулся к двери и жестом пригласил войти нового педагога.

В кабинет решительным шагом вошла молодая, эффектная, со вкусом одетая женщина лет тридцати пяти. На её лице играла по-актёрски поставленная улыбка. Подбородок она держала слегка приподнятым кверху так, что взгляд ее, устремлённый в класс, казался падающим сверху вниз. Оглядев внимательно ребят, она предложила садиться тоном неоспоримого превосходства.

– Я уверена, мы подружимся, – обратилась она к директору школы, тем самым давая понять, что ситуация у неё под полным контролем.

Их первый совместный урок прошёл в виде знакомства. Зоя Ивановна поочерёдно по списку поднимала и внимательно рассматривала каждого, словно врач-рентгенолог снимок нового больного.

Выбор подходящей клички новой училке встал на повестке в тот же день. Сначала была предложена довольно традиционная расшифровка имени Зоя в варианте «Змея особо ядовитая». Однако столь длинная словесная форма была неудобной. Поэтому к первым двум буквам имени были прибавлены две первые буквы её фамилии Зябликова. Так в результате было принято решение отныне называть её Зозя.

Новая учительница была полной противоположностью их прежней любимице. С первых дней их знакомства она предпочла общаться с классом исключительно с позиции силы. Однако подобного обращения 10-й «Б» категорически не мог позволить никому. И уж тем более той, что так бесцеремонно ворвалась на Олимп, предназначенный прежде лишь одной Вере Николаевне.

Решение о низвержении самозванки было принято единогласно. Даже вечно равнодушный к большинству происходящих событий Игорёк, по кличке Пончик, начал оживлённо вспоминать варианты сценариев на тему: «Как довести учителя». Предлагалось разное. Однако всё было не то,

потому что было старо. А пойти на традиционные приёмы укрощения учителей 10-й «Б» не мог. У этого класса была особая репутация, и опуститься до уровня чего-то обыденного было не в их стиле. Поэтому заговорщики решили не торопиться, а применить тактику «разведки боем», чтобы нащупать слабые училкины места.

Саня Кныш старался изо всех сил. Неизменно на каждом уроке после традиционного «Здравствуйте, бабушка удава!» он, либо с криком «Вон!», либо просто с молчаливым указанием рукой на дверь, торжественно покидал пределы кабинета.

Просьбы о выходе из класса и вопросы на отвлечённые темы возникали именно тогда, когда Зозя, наигранно подняв глазки и мирно сложив перед собой ручки, начинала изложение нового материала. Уроки не клеились, и это понимали все.

Поначалу Зоя Ивановна страшно нервничала. И даже, несмотря на её старательные попытки скрыть собственную нервозность, класс чувствовал, что уверенно продвигается к назначенной цели.

Однако вскоре то ли ощущение заговора, то ли педагогический опыт помогли ей отчасти понять собственную ошибку. Её манера общения с классом стала постепенно меняться. Зозя перестала срываться на крик и даже не реагировала больше на Санины провокации. Хотя по всему было видно, что даётся ей это нелегко. Тем не менее установить с классом контакт ей по-прежнему не удавалось.

Ситуация всё больше приобретала характер патовой. Неугодная училка больше не реагировала на мелкие пакости, старалась выглядеть уверенной и спокойной. Это в свою очередь повергало в недоумение 10-й «Б». Прежние планы свержения диктатора рушились на глазах.

Возможно, со временем всё утряслось бы само собой. Их уроки стали бы обычными заурядными уроками, о которых в дальнейшем уже никто и не вспомнил бы. Но фраза, брошенная Зозей после их первой контрольной работы, стала поистине роковой.

– Нет... Честное слово, просто удивляюсь! Кто вас учил до меня? – начала она урок, посвящённый работе над ошибками.

Ящик Пандоры был распахнут. 10-й «Б» мог простить многое. Но только не оскорбление, брошенное даже случайно в адрес их любимой Веры Николаевны.

Затянувшееся перемирие было сорвано. Обстановка накалилась мгновенно. Реплики недовольства посыпались отовсюду, едва балансируя на грани с грубостью. Вспыхнувшая поначалу Зоя Ивановна, в традиционной форме попыталась приструнить распоясавшихся учеников. Но, почувствовав, что ситуация вот-вот перерастёт в открытое противостояние, она применила свой любимый приём. Вызванная к доске случайная жертва постепенно перевела направление «главного удара».

Урок закончился почти спокойно. Но это видимое спокойствие на самом деле было лишь предвестником надвигавшейся бури.

Неделю спустя старшие классы выехали на поля помогать в уборке урожая.

10-му «Б» досталось морковное поле. Погода, на удачу, была замечательная. Светило солнце. В небе над полем клиньями пролетали перелётные птицы. Осень вступила в самую живописную пору, именуемую «золотой». Лес, видневшийся неподалёку, завораживал. Словно широкими мазками кисти, позолота берёзовой рощи накладывалась на яркую зелень хвойных деревьев. А кленовый багрянец яркими всплесками то там, то тут вкраплялся в это нерукотворное художественное полотно. Настроение у всех было великолепное.

– Ну, что, надышались, налюбовались? – послышался громкий голос физрука Николая Ивановича. – А теперь за работу, за работу, ребята!

Надо сказать, что 10-й «Б», если что-то и делал, то делал обязательно организованно и от души. Разбившись на три бригады, они дружно принялись за работу. Девочки собирали в сетки выкопанную трактором морковку, а ребята уносили и взвешивали собранный урожай на весах. Работа кипела.

И вдруг одна из главных заводил класса Наташка Николаева обратила внимание на корнеплоды. Морковь действительно часто попадалась очень причудливой формы. Сросшиеся корешки напоминали собой различные предметы и даже сказочные персонажи. Так неожиданно начала собираться коллекция из подобных находок.

Когда уборка была завершена, ребята расположились на окраине леса. Они достали привезённые из дома бутерброды и решили перекусить. Что может быть вкуснее обеда на свежем воздухе, к тому же после ударной работы в поле?! Не забыли они и про свежую морковку. Только что вы-

копанная из земли, она была как никогда сочной и сладкой.

– Да вы как зайцы хрустите! – засмеялся, глядя на жующих ребят, Николай Иванович. – Аж на том конце поля слышно!

Он ещё немного постоял около них, поздравляя с заслуженной победой. 10-й «Б» снова отличился, собрав больше всех. Посмеялся, пошутил и ушёл, сам того не подозревая, что натолкнул Наташку на дерзкую идею.

- Ребята, смотрите что я нашла! и она показала всем морковь гигантского размера.
- Ого! дружно воскликнули все, глядя на плод-чемпион. Морковь размером не меньше сорока сантиметров в длину и около двадцати сантиметров в ширину действительно впечатляла.
 - Да, таким весь класс разом накормить можно! тут же предположил кто-то.

И все дружно расхохотались.

- Можно, вдруг понизив голос и хитро прищурив правый глаз, вкрадчиво произнесла Наташ-ка. Она явно строила какой-то план.
- Ты что опять задумала? А ну колись, «мастер интриги, коварный гений»! предвкушая заварушку, накинулись на неё ребята и окружили стратега плотным кольцом.
 - А вот что, с дьявольской искоркой в глазах ответила она и тут же перешла на полушёпот.

О том, что задумала в тот день Наташка, впоследствии вспоминала вся школа на протяжении многих лет.

Школьный звонок прозвучал как всегда надрывно, с нетерпеливым желанием поскорее загнать всех в классы. Суета и столпотворение у дверей кабинетов были заметны на всех этажах. И только 10-й «Б» сегодня занял места в кабинете литературы ещё до окончания перемены.

Зоя Ивановна вошла в класс и, обнаружив, что все на местах, не могла скрыть своего удивления: «Браво, браво! Не узнаю. Вы ли это? Ах, если бы вот так всегда. Вижу, начинаете исправляться. Это похвально. Что ж, прошу садиться».

Она повернулась к доске, чтобы написать тему предстоящего урока, как мгновение спустя тишину разрезал дружный громкий хруст. Ещё не понимая того, что произошло, Зоя Ивановна повернулась в пол-оборота и замерла, глядя на класс. Её очевидное замешательство длилось не меньше минуты. Она медленно разворачивалась к классу. Её нижняя челюсть постепенно опускалась всё ниже, а глаза раскрывались всё шире.

Картина, представшая её взору, не помещалась ни в какие привычные рамки. В школьной жизни случалось многое. Но такое...

Весь класс дружно, все как один, сидя ровно за партами, усердно грызли морковь. Причём делали это намеренно так, чтобы хруст раздавался как можно громче. Инквизиторы нагло улыбались и торжествующе смотрели в глаза своей жертве.

Постепенно на смену замешательству стало приходить некоторое осознание происходящего. Опершись одной рукой на край стола, Зозя смогла, более-менее внятно, выдавить из себя: «Что? Что здесь происходит? Да как вы смеете?»

Но это лишь добавило масла в разгоравшийся огонь, и хруст начал только усиливаться.

– Прекратите! Немедленно прекратите это безобразие! – срывая нервно голос, начала кричать учительница. Беспорядочно размахивая руками, она стала метаться между рядами.

Глядя со стороны, можно было подумать, что она пытается разогнать стаю мух, внезапно залетевших в класс.

Однако 10-й «Б» даже и не думал останавливаться. Достигнутый в первые минуты успех был тут же подкреплён «активным наступлением». Наташка достала из пакета ту самую морковь гигантских размеров и, дерзко откусив солидный кусок, передала её соседке. Морковь пошла по рядам, от парты к парте. Всем казалось, что час безоговорочной капитуляции был уже близок. Изрядно обглоданный корнеплод и окончательно вышедшая из себя Зозя сошлись около парты, за которой сидел Мишка Корсаков. Это был ученик, который имел весьма изысканные манеры и потому слыл потомственным интеллигентом. Она буквально выросла перед ним, когда кочующий символ победы попал к нему в руки.

- Михаил! Как? И вы тоже? Вы же интеллигентный человек! Как вы можете в присутствии дамы... Она подняла руки перед собой, явно вспоминая какой-то классический монолог, но хруст хладнокровно откусанного Мишкой куска оборвал его, не начавшись.
 - И ты, Брут, съязвил Петя Макаров, большой любитель истории. Меткое замечание было тут

же поддержано дружным хохотом, который звучал торжественно, словно гимн победителей.

Зоя Ивановна застыла посреди класса, опустив руки. Было ясно, что запасы хоть каких-то, мало-мальски весомых аргументов были исчерпаны. Выбора не оставалось. И тогда, всё тем же решительным шагом, ей пришлось удалиться из класса.

- Ура! Свершилось! прогремел ей вслед гром победного ликования.
- Всё. Сейчас начнётся, предвкушая начало большой шумихи, предположил Саня. К директору побежала.
- Ага, тут же согласились все остальные. Только кричать и может! А как «слабо» оказалось, так тут же в жилетку плакаться побежала. Заноза несчастная!
- O! Точно. Она теперь у нас «Занозой» будет! обрадовался Пончик, словно эта меткая кличка родилась сейчас именно в его голове.
- Ничего. Мы эту занозу вытащим, пламенным тоном революционера двадцатого века заключила Наташка. Сейчас главное на своём стоять, когда директор придёт. Не будем у неё учиться и всё. Это понятно всем?
- Да ладно тебе. Тут собрались приличные люди. Предателей среди нас замечено не было, послышалось в ответ со всех сторон.

Прошло минут десять, а может, чуть больше. Обсуждение предстоящего противостояния с дирекцией было в самом разгаре, когда дверь открылась и к всеобщему изумлению Зозя вошла в класс одна.

Вовка, сидевший на первой парте, даже привстал с места и выглянул в коридор, желая убедиться в том, что директора там действительно нет. Удивлённый, он только развёл руками и отрицательно покачал головой.

А то, что произошло потом, повергло недавних победителей в полное недоумение.

Оправившись от первого потрясения, Зоя Ивановна вернулась в класс, очевидно владея собой. Учительница положила на свой рабочий стол поднос из школьной столовой. Затем она достала овощную тёрку, взяла лежавший на парте всё ещё солидный огрызок моркови и начала его тереть. Зозя даже не смотрела на изумлённый класс, а просто энергично и монотонно перетирала морковку на тёрке. Предположить такой оборот событий явно никто не мог. Застигнутые врасплох заговорщики застыли на местах. У всех на глазах их недавняя победа вместе с её недогрызанным символом превращалась в морковный салат. Никто ничего не говорил, так как сказать было нечего. Все завороженно смотрели на учительницу, но уже по-другому. Вместо истеричной особы они вдруг увидели перед собой мужественного и решительного человека, который оказался способным на достойный ответ. Постепенно по рядам пополз едва уловимый ропот. Ребята начали перешептываться друг с другом, явно пытаясь найти собственную оценку происходящему. И в этот момент, уверенно пройдя между рядами, к Зое Ивановне подошёл Мишка Корсаков.

- Позвольте, - обратился он к учительнице, продолжавшей без остановки тереть морковь.

Зоя Ивановна остановилась и подняла на него глаза. В её взгляде не было агрессии. Не было в нём не только укора, но даже видимой обиды. Она уступила морковь и тёрку Михаилу, а сама полубоком присела на стул, опустив голову.

– Да... – протянула она со вздохом, едва переведя дыхание. – Ну и удивили вы меня... С победой вас! Молодцы! А если говорить серьёзно, то простите меня, ребята. Я ведь действительно во многом была не права.

При этом она устало покачала головой а затем, вспомнив что-то из своей жизни, улыбнулась и продолжила:

– Да.... Вот если бы нам попалась такая училка, мы бы её точно из своей школы выжили! У нас такой был класс! Ух! Что ж, спасибо вам. К сожалению, иногда вот только так и удаётся посмотреть на себя со стороны и понять собственные ошибки.

Она немного помолчала. Затем подняла голову и оглядела застывших на местах учеников.

- Ребята, долой войну! Давайте жить дружно! А? добавила она.
- Да нет, Зоя Ивановна, это не мы, это вы нас сегодня удивили! задумчиво произнёс сидевший на последней парте Коля Шумаков. Обычно он был не многословен. Выступал редко. А если чтото и говорил, то только в тех случаях, когда тема действительно тревожила его загадочную душу.

Класс оживился. Ребята начали по очереди подходить к столу и тереть морковь, символически перетирая вместе с ней всю накопившуюся злобу и обиду. Атмосфера явно менялась к лучшему.

ПРОЗА _______ 5

Уже кто-то из девочек начал почти дружеский диалог с учительницей, как наступивший мир взорвал резкий Наташкин возглас:

- Предатели! Все предатели! Ненавижу!

Она резко направилась к двери. Остановившись в проёме, она резко обернулась и буквально обожгла Мишку своим взглядом.

- Предатели! - повторила она снова и, выходя, громко хлопнула за собой дверью.

К концу урока все оправились от взаимного потрясения и, глубоко задумавшись, разошлись на перемену. Чувства были противоречивыми, но озлобленности уже не было. Обсуждать событие никто в этот день не хотел. Каждый был погружён в собственные мысли. В том, что отношения с Зоей Ивановной изменились к лучшему, никто не сомневался. И это было хорошо. А вот как теперь вернуть Наташку в коллектив и доказать ей, что они не предатели, никто не знал.

На следующий день уже после окончания первого урока было очевидно, что все мысли обращены лишь к Наташе. Она ни с кем не разговаривала, пересев на свободную парту в крайнем ряду у окна. С одной стороны, все чувствовали за собой вину перед Наташкой, которая старалась для всех, а в результате осталась в полном одиночестве. Но, с другой, ответный поступок Зои Ивановны явно внушал им уважение и заставлял по-другому относиться теперь к учителю.

Выход снова неожиданно для всех предложил Миша. Как только прозвенел звонок с последнего урока, он подошёл к Наташе. Класс замер, ожидая дальнейшей развязки.

- Пусти, резко обратилась она к преградившему ей дорогу Мишке.
- Погоди, Наташ. Не кипятись, спокойно ответил он и открыл свой портфель. Затем на столе появились тарелка, небольшая овощная тёрка и яблоко. Наташ, давай перетрём всё это к чёрту, а? Ну, друзья мы или нет? Согласись, ведь Зозя оказалась на самом деле совсем не такой, как нам казалось. Она же просто нас боялась. Неужели ты не поняла?

Наташка некоторое время стояла молча. Она явно обдумывала Мишкины слова. Затем подняла взгляд и грозно оглядела окруживших её одноклассников.

– Наташ, ну брось ты в самом деле! Мишка же правду говорит, – послышалось отовсюду.

Затем она взяла в руки яблоко и, зыркнув исподлобья, резко и громко откусила от него солидный кусок.

Ребята замерли, не зная, что сказать дальше. Ощущение тревоги и неопределённости повисло в воздухе.

- Ну что, припухли? прожевав яблоко, сменила тон и выражение своего лица Наталья. Угрюмый взгляд вдруг исчез, надутые губы растянулись в улыбке.
 - Тереть так тереть!

Она облегчённо выдохнула и, засмеявшись, принялась тереть яблоко.

Обратная сторона Луны

Юность.

Прекрасная, но вместе с тем сложная и противоречивая пора. Время, когда хочется заявить о себе громко. Очень громко. Оглушительно громко.

В поиске самовыражения мы совершаем абсолютно нелепые эксперименты над собственной внешностью. Нам кажется, что мы ищем новый стиль. Хотя на самом деле всего лишь примеряем на себе образы кумиров.

Мы с головой окунаемся в разноцветный поток новомодных течений и стремительно уносимся в романтический мир иллюзий.

Всё сделанное до нас кажется ветхим и не нужным. Сейчас. Именно сейчас рождается то самое настоящее, что останется на века. И это сделаем мы.

Именно в юности нам даётся шанс заглянуть по ту сторону Луны и совершить самые важные для себя открытия. Те, что, возможно, изменят всю нашу дальнейшую жизнь.

Итак, это было летом. Где-то в начале восьмидесятых годов.

Массивные чёрные динамики акустических колонок S-90 усердно прокачивали глубокие басы забойной роковой композиции. А стёкла оконной рамы пытались подыгрывать им, нервно позвякивая в такт.

Квартира на первом этаже этой городской многоэтажки неизменно привлекала внимание пенсионеров. Проходя мимо, они всегда грозили кулаками, приговаривая: «Ну, паразит! Опять этот

Сашка свою тарабарщину завёл! Что за музыка такая?! Грохот один да лай. Тьфу, зараза! Хоть бы раз что-нибудь для души включил. Хотя дождёшься от него, как же. А ещё студент!».

Однако больше всех доставалось Сашкиным соседям, которые, невзирая на свои музыкальные предпочтения, невольно становились слушателями всех новинок из мира хард-рока и хэви метал. Его мощная акустическая аппаратура словно пренебрегала бетонными стенами квартиры, и оглушительные потоки грохочущего звука вероломно вторгались в чужие покои. Звонить в его дверь или стучать в стену не имело никакого смысла. Саня попросту их не слышал или делал вид, что не слышит. Однако надо отдать должное, был он человеком по-своему великодушным и вечерний покой граждан, как правило, не нарушал.

Саня, как и многие ребята того времени, был страстным поклонником тяжёлой рок-музыки и слыл большим её знатоком, невзирая на свой юный возраст. Дискография любимых исполнителей хранилась в его голове подобно таблице умножения.

В среде городских меломанов, в свои семнадцать лет, он был достаточно известной и авторитетной фигурой. А посещение неформального рынка под названием «Пластинка», который собирался по воскресеньям в парке Молодёжного центра, было неотъемлемой частью его бытия. Здесь кипела особая и, как ему казалось, настоящая жизнь. Сюда стекались самые свежие новости из мира зарубежной поп-музыки, обсуждались вышедшие в тираж концерты любимых исполнителей. Фирменные виниловые диски в ярких блестящих конвертах были на этом рынке основным объектом продажи или обмена. В те времена в советскую страну они попадали из-за рубежа чаще всего нелегально и стоили больших денег. Чтобы позволить себе подобное приобретение, порой такому студенту-первокурснику, как Саня, предстояло выложить целую стипендию. Поэтому деньги на покупку собирались не один месяц. К дискам относились предельно бережно и, сделав несколько магнитофонных записей, меняли на другие. Но, несмотря на это, обманы или подлоги случались здесь крайне редко. Это был не коммерческий рынок, а, скорее, сообщество, объединявшее людей по их общим интересам.

Сегодняшний выходной не стал исключением для Сани, и он ближе к обеду уже был с друзьями в парке Молодёжного центра.

- Хэллоу, пиплы! как всегда громко и с юмором влился в коллектив Борька по кличке Босс, пожалуй, самый яркий представитель меломанской тусовки. Он, как и многие посетители «Пластинки», носил длинные волосы, спадавшие прядями на узкие плечи. Потёртые джинсы фирмы Levis, привезённые из Штатов, были предметом его особой гордости и одновременно зависти некоторых несознательных соплеменников. На его белой футболке красовался самодельный оттиск ударной установки группы Роллинг Стоунз. Такие изображения поклонники рока копировали с плакатов-вкладышей. Затем они наносили их на одежду несмываемыми красками через трафареты, которые вырезали на листах плотной бумаги.
- Здорово, Босс! откликнулись почти хором сбившиеся в плотный круг завсегдатаи «Пластин-ки». Заждались тут тебя некоторые. Ну, не томи душу, выкладывай, что принёс!
- Да неужели?! А что, по городу уже поползли слухи? с лёгкой иронией в голосе как всегда начал набивать цену своему визиту Борька.

Откуда у него регулярно появлялись новые аудиозаписи и даже фирменные диски, точно не знал никто. Сам он не любил распространяться на эту тему. Однако ходили слухи, что кто-то из Борькиных родственников по роду своего занятия часто выезжал за границу. Впрочем, это было уже не важно. Главное, что с Боссом всегда было весело и во многом, благодаря именно ему, друзья оказывались в курсе основных музыкальных событий.

– А фейсом об тейбл не хочешь? Завязывай тянуть жвачку! Не травмируй психику! У нас и так от постоянного классического нытья по радио того и гляди дипресняк начнётся! – тут же парировал ему в ответ Саня. – Все знают, что ты с пустыми руками не приходишь. Выкатывай!

Собравшиеся дружно засмеялись, явно одобряя стиль начавшегося диалога.

– Ну, ты, малый, как всегда в теме! Уважаю, чувак! – покачивая головой, обратился к Сане улыбающийся Босс. Затем парни манерно поздоровались друг с другом, размашисто и звонко хлопнув открытыми ладонями. – О, кей! Только слабонервных прошу удалиться.

Оглядев ещё раз обступивших его ребят, Борька медленно начал доставать из блестящего рекламного пакета упаковку какого-то нового музыкального альбома из двух дисков. Впившиеся в новинку глаза, казалось, сами вытягивали наружу его содержимое. И вот, когда фокус с извлечени-

ПРОЗА _____

ем уже близился к завершению, тягучую тишину ожидания разрезал чей-то возглас: «Очуметь! Да это же "Стена"»! И вот уже собравшаяся вокруг них толпа через мгновение загудела, словно проснувшийся улей: «Босс новый двойник «Пинк Флойда» притарабанил»! Это была любимая группа многих поклонников рока того времени. Богатая по своему звучанию и мелодичности, она сильно выделялась на общем фоне бушующего «харда». Многие в среде меломанов прочили ей надёжное место в авангарде классической музыки будущего. Поэтому отношение к их новым творениям было всегда особенно трепетным и вызывало множество разговоров, обсуждений и, конечно же, споров.

Страждущие руки тут же потянулись со всех сторон, желая поскорее прикоснуться к новому шедевру.

- Спокойно! Руки прочь! Смотреть только одним глазом! резко, но с иронией осёк Босс особенно нетерпеливых зевак, которые уже начали напирать со всех сторон.
- Нет, «Флойд» это, конечно, ничего, в смысле прокатит, неожиданно затянул Саня. Но ты мне в прошлый раз, помнится, что-то потяжелее обещал принести?!

Все знали, что Саня хоть и был в этой компании самым младшим, но именно он являлся наиболее ревностным поклонником самой тяжёлой рок-музыки.

– Не боись, Санёк! Если Босс что-то пообещал, то будь уверен – сделает обязательно. На, держи. Крутейший сборник! Всё свежак! И первая запись, учти! – и он протянул ему бобину с магнитофонной лентой.

Цель была достигнута. Борька купался в океане всеобщего восторга. Всё оставшееся время ребята посвятили разглядыванию нового альбома и просто обсуждению последних новостей.

Уходя с «Пластинки», Саня успел договориться с Боссом по поводу записи альбома на магнитофонную ленту, и довольные встречей ребята разошлись по домам.

- А вот и сынуля пришёл! радостно встретила в прихожей Саню его мама. А у нас для тебя сюрприз! Собирайся. Мы едем в гости к папиному другу, дяде Славе. Помнишь? К тому самому, с которым папа в армии служил.
 - Едем всей семьёй, и возражений быть не может! с ходу предупредил отец.

Саня очень уважал своего отца и действительно много слышал от него об армейской дружбе и особенно об этом человеке. Отпираться было бесполезно, и потому он сразу решил сдаться на милость родителей.

Дорога в старинный губернский городок, куда направилась погостить их семья, заняла ночь езды на пассажирском поезде. И уже ранним утором Саня с удивлением рассматривал местную железнодорожную станцию. Единственное одноэтажное здание, выложенное из старинного бурого кирпича, меньше всего напоминало ему вокзал. Но особенно воображение городского юноши поразили домашние куры и гуси, нагло разгуливающие на свободных железнодорожных путях. Бодрящая свежесть летнего утра смешивалась с ароматом горячего хлеба, доносившегося с местного хлебозавода. Всё это создавало атмосферу особого, почти домашнего уюта.

Папин друг Сане понравился сразу. С виду простой, добродушный человек с широкой открытой улыбкой, при встрече горячо обнял всех и поздравил с прибытием. Затем он забрал чемоданы и повёл всех к машине.

По пути к дому дядя Слава устроил столичным гостям ознакомительную экскурсию по своему маленькому старинному городку, которая уложилась от силы в полчаса. Привыкшему к сумасшедшему ритму большого города, Сане всё здесь казалось маленьким и неподвижным. Тихие старые улочки, местами выложенные старинной каменной мостовой. Чугунные водяные колонки на узких тротуарах. Невысокие, одно- или двухэтажные дома, выстроенные в стиле архитектуры девятнадцатого века, часто смыкались друг с другом досчатыми заборами в человеческий рост. Немало впечатлили Саню и массивные деревянные ворота, подвешенные на потемневших от времени кованых петлях. Городской парк был густо засажен тополями и кустами акации. Окружённый невысокой кирпичной оградой, казалось, он только начинал отходить ото сна. Оттуда не доносился привычный гул аттракционов или рёв репродукторов. Вместо этого отовсюду слышалось весёлое щебетание воробьев и даже пение певчих птиц.

Старомодная одежда прохожих также подчёркивала провинциальность городка и его обитателей. Отовсюду веяло неторопливой размеренностью жизни.

– Да... Ну и тоска! Просто «симфония в четырёх частях с утра и до полного ошизения!» – успел сделать вывод Саня к тому времени, когда гости подъехали к дому.

Старинный, в двух уровнях деревянный дом прикрывался с улицы небольшим палисадником, заросшим кустами сирени. Слева от дома, очевидно, был разбит большой яблоневый сад, который выглядывал из-за высоченного досчатого забора.

В нижнем уровне дома располагалась хозяйственная часть, а в жилую, расположенную выше, вела скрипучая деревянная лестница. Войдя, Саня был поражён не только необычной для него архитектурой дома, но и какой-то особенной атмосферой, которая царила в нём. Несмотря на разливающийся аромат домашних пирогов, он показался ему больше похожим на музей, чем на жилище современного человека. Отец, видимо, уловивший вопрос, возникший у сына, ту же опередил его:

- Что, нравится? Ты таких домов ещё не видел. Ему без малого лет сто будет! Правда, Слава?
- Да. Его ещё мой дед строил, с гордостью поддержал рассказ дядя Слава, он в этом городе ещё при царе-батюшке начальником местной уголовной полиции был, о как!
- А ещё в этом доме живёт папа дяди Славы, который до революции успел окончить университет в нашем городе. Дедушка Михаил очень известный врач-хирург, продолжил историческую справку отец.
- Здравствуйте. С приездом вас! Пойдёмте, я вам сейчас всё покажу, вдруг послышался очень милый девичий голосок, и перед гостями появилась дочка хозяев. На вид она была Саниной ровесницей. Тугая девичья коса, переплетенная яркой шелковой лентой, спадала вдоль спины до самой поясницы. Лёгкое сатиновое платье имело довольно простой покрой, но при этом подчёркивало безупречность девичьей фигуры. Маленький курносый носик украшал её круглое личико. А пара больших чёрных глаз, казалось, прожигали Саню насквозь.
- Погоди, Мариша! Дай гостям с дороги устроиться. Умыться, позавтракать, перебила её пожилая женщина, вышедшая также им навстречу с большим блюдом свежеиспечённых пирожков. Это была бабушка Мариши.

В зале прибывших гостей встречал отец дяди Славы, дедушка Михаил. Это был сухощавый мужчина восьмидесяти с небольшим лет. Несмотря на преклонный возраст, назвать его стариком было невозможно. И не только потому, что он был безупречно одет и чисто выбрит. Особая осанка, взгляд и манера говорить выдавали в нём настоящего представителя класса ещё той, дореволюционной русской интеллигенции.

После короткого знакомства гостей усадили за стол, сервированный старинной фарфоровой посудой и серебром. Несколько различных сортов домашнего варенья были разлиты в хрустальные вазочки с маленькими серебряными ложечками. Варенье раскладывали небольшими порциями в специальные стеклянные розетки.

Таких вкусных пирожков Саня не пробовал никогда. Они были особой гордостью бабушки Веры. Покрытые золочёной жареной корочкой, пирожки имели очень тонкое тесто, секрет приготовления которого она хранила в тайне. Пирожки словно таяли во рту. Большущее блюдо, стоявшее на столе, гости опустошили в считанные минуты и после принялись за чай. Его подавали из настоящего старинного тульского самовара, украшенного многочисленными медалями с прежних самоварных выставок. На верхней его крышке значилась надпись: «Братья Шимарины в Туле». Самовар разжигали мелкими деревянными щепками, а затем кипятили на сухих сосновых шишках.

Первое впечатление от, казалось, скучного городка постепенно сменилось у Сани неподдельным интересом. Теперь ему хотелось рассмотреть в этом доме всё до мелочей. А посмотреть здесь действительно было на что.

После завтрака дедушка пригласил гостей в свой кабинет. Большой дубовый стол старинной работы стоял напротив приоткрытого окна с видом на фруктовый сад. Справа от стола располагался диван, а слева – небольшой книжный шкаф. Его полки были заполнены также очень старыми на вид, большими томами книг в кожаных переплётах. В основном по медицинской тематике. К шкафу почти примыкало большое чёрное пианино с бронзовыми подсвечниками. Вся мебель и пианино, казалось, перенесли сюда из краеведческого музея. Саня по привычке сначала даже боялся прикоснуться ко всему этому и только разглядывал развешанные на стенах портреты, заложив руки за спину.

В какой-то момент его внимание привлёк большой старинный альбом в кожаном переплёте. Он располагался на столе на бронзовой подставке, которая была выполнена в виде тройки скачущих лошадей. Уловив интерес юноши, дедушка Михаил благосклонно разрешил посмотреть его содержимое. Он аккуратно снял семейную реликвию с подставки и вручил её гостю. Оказалось, альбом был подарен ещё прадеду Маришки его сослуживцами. Об этом гласила надпись на первой стра-

ПРОЗА _____

нице, сделанная удивительно красивым почерком, очевидно, ещё гусиным пером. Дамы в изящных платьях и кавалеры в военной форме. Мальчики в матросских костюмчиках и девочки в шелковых платьицах с бантами на талии. Саня с большим интересом рассматривал старинные фотографии. Вглядывался в эти необыкновенно одухотворённые лица. Иногда ему казалось, что сейчас не он, а, наоборот, эти люди словно из зазеркалья разглядывают его самого.

– Вот это да! – воскликнул Саня, когда ему показали золочёные офицерские погоны и ордена, привезённые ещё с Первой мировой войны. А набор полевого хирургического инструмента, упакованный в старинный кожаный саквояж, вызвал у него полный восторг. Оказалось, дедушка Михаил служил военным врачом ещё в царской армии, и именно этим инструментом он оперировал раненых солдат и офицеров на той далёкой Первой мировой, а позже и Великой Отечественной войне.

День прошёл незаметно и очень интересно для всех. Было много рассказов, историй, воспоминаний. Гости и хозяева шутили, смеялись, а иногда вдруг вздыхали и переходили на полушёпот, вспоминая какие-то трагические моменты из жизни.

Обедать всех позвали на большую открытую террасу, выходившую из зала прямо в яблоневый сад. Там дедушка Михаил подчивал гостей своей домашней вишнёвой наливкой. Очень густую и ароматную, её разливали в узкие серебряные рюмки, окаймлённые замысловатым узором. А сваренный на первое борщ подали к столу в фарфоровой супнице.

Закончив обед, Мариша пригласила гостя погулять. Беседуя по пути, они сами не заметили, как вышли на окраину городка, где Саниному взору предстала живописная картина. Узкая извилистая речка, поле и широкая полоса соснового леса. Затем они долго стояли, опершись на поручни деревянного моста, и наблюдали за шумным течением маленькой, но очень быстрой речки.

Вернулись они уже к ужину, который начался в романтической обстановке при свечах в зале. Спустя некоторое время все не спеша переместились в дедушкин кабинет, где гостей ждал сюрприз.

Зрителей усадили напротив пианино. Кого-то на диван, кого-то на принесённые заранее стулья. Свечи также зажгли и в бронзовых подсвечниках, расположенных на музыкальном инструменте. И вот когда все приготовления были завершены, в кабинет словно впорхнула Маришка в удивительно красивом платье старинного покроя. Саня смотрел на неё не отрываясь. Она подошла к пианино и элегантно присела на круглый винтовой стул без спинки. Девушка подняла крышку инструмента и слегка опустила голову. Теперь Саня мог видеть её со спины и немного в профиль, так как сидел с краю на диване. Выдержав паузу, она подняла руки над клавиатурой. Её длинные пальцы слегка раздвинулись и мягко легли на клавиши.

– Пам-пам-пам... пам-пам-пам, – осторожно зазвучали первые аккорды, и комната постепенно стала наполняться нежным, почти прозрачным звуком. Саня невольно содрогнулся и оцепенел.

Хрупкие, казалось, беззащитные аккорды вдруг начинали подтверждаться сильными басовыми. Но они тут же отступали, и мелодия вновь становилась плавной и спокойной. В ней не было тоски. В её нежном размеренном звучании, напротив, чувствовалась какая-то необъяснимая сила и глубокая правда о том, чего не дано было знать никому. Музыка, вдруг заструившаяся из-под чёрно-белых клавиш, заполнила теперь не только этот старинный кабинет, но и всю молодую душу некогда непоколебимого рокера.

Саня всем своим существом не просто слушал, а поглощал этот оживший феномен, с которым ему довелось встретиться впервые.

- Пам, па-пам, прозвучали призывно басы, и юноша ощутил резкую, но очень приятную дрожь, вдруг пробежавшую по спине.
 - Пам, па-пам, нарастали они, поднимая изнутри, наружу что-то неизведанное, заветное.

Музыка жила. Её нельзя было потрогать. Но её нельзя было не чувствовать в эти прекрасные минуты. Когда мелодия нарастала, у юноши вдруг перехватывало дыхание. А затем это приятное волнительное удушье мягко отступало вместе с музыкой, словно откатившая от берега волна.

Ему почему-то хотелось плакать. Но не от слабости, нет. Наоборот, от ощущения неведомой силы, которая словно проснувшийся вулкан вдруг стала бередить его душу.

Перед собой он не видел никого кроме Мариши. В мерцающем свете парафиновых свечей он видел лишь её ровные, необыкновенно красивые плечи и спадающую на спину тугую русскую косу. А ещё эти волшебные пальцы, которые словно ночные мотыльки порхали над волнующейся речкой чёрно-белых клавиш.

Но вот музыка смолкла так же плавно и нежно, как когда-то началась. Нет, она не умерла. Те-

перь она поселилась в Саниной душе. Он осязал её присутствие внутри себя. Она то замолкала, то снова начинала звучать в его голове. И это было почти сумасшествие, но он хотел сопротивляться этому прекрасному безумию! Ведь это было истинное упоение, сравнимое разве что с ощущением полёта. Наверное, так чувствует себя человек, изведавший однажды вкус настоящего счастья.

Он долго не мог, да и не хотел засыпать в эту ночь. Он продолжал слушать. Скорее, нет. Общаться с музыкой. Той, что сегодня так вероломно вторглась в его сознание. Той, что в один миг вдруг перевернула весь его внутренний мир, все его пристрастия и убеждения.

Силу, которую он так безуспешно пытался найти в тяжёлых роковых композициях, он неожиданно обрёл сегодня в этом старинном кабинете под звуки классического произведения. Да, да. Той самой классики, которую он ещё вчера считал отжившей и ужасно скучной.

Вернувшись домой, Саня долго копошился в своей домашней фонотеке. Не дослушав, одну за другой менял некогда любимые композиции. Но всё было не то.

И вот настал воскресный день, и Саня как всегда отправился на «Пластинку».

- Привет, вяло поздоровался он с ребятами.
- Санёк! Ты чего такой мёртвый сегодня? Приболел что ли? тут же поинтересовался Босс, внимательно вглядываясь в своего товарища.
 - Да так, вяло ушёл от ответа Саня, слегка пожимая плечами.
- A-а... протянул понимающе Борька, бывает. Ща. Погодь. Босс тебя быстро на ноги поставит. На! Держи и не кашляй!

С этими словами он протянул Сане бобину с магнитофонной лентой.

- Полный улёт! Отвечаю! продолжил авторитетно Босс. Сила неимоверная! Просто динамики рвёт!
- Ну да. Спасибо. Послушаю обязательно, почти безучастно ответил Саня, продолжая думать о чём-то своём.
- Ну, нет. Так дело не пойдёт. Ты влюбился что ли, Сань? А ну! Колись! не успокаивался Борька. Давай, давай!
- Слушай, Борь, у тебя «Лунная соната» есть? почти осторожно поинтересовался Сашка в ответ.
- Не... Точно с катушек съехал! удивился Босс и даже потрогал Санин лоб, проверяя температуру. Какая ещё лунная соната? Обалдел? «Обратная сторона Луны» это переводится. Пинк Флойд. Семьдесят третий год. Ты чё, Сань?!
 - Да нет. Я не о том. «Лунная соната» Бетховена.
- Бетховена? задумался Борькаю Что-то знакомое, но что за группа, не могу вспомнить. Они хеви металл или хард рок играют. Напомни.
- Ладно, Борь. Не ломай голову. Я, как только найду запись, обязательно дам тебе послушать. Обещаю. Хотя это, конечно, живьём нужно слушать.
- Не, мужики. Что-то наш Санёк сегодня точно летит. Живьём! Нет, вы слышали? Можно подумать, он в этот раз из Штатов или Лондона только-только приехал! продолжал иронизировать Босс.
- Да. Действительно. Штаты, Лондон это здорово. Только я в этот раз намного дальше побывал, ребята. Ну, ладно. Пока.

С этими словами он протянул бобину обратно обескураженному Боссу, попрощался с ребятами и побежал на трамвайную остановку.

ПРОЗА _______ 57

Надежда САВЧУК

Три кружки воды

Рассказ

ногда, в сердцах, мой муж, называя меня «ты такая недалёкая!», прав. Только глупый человек истратит все деньги, задержится на работе до 23-00 и, опоздав на последнюю маршрутку, будет стоять под дождём на продуваемой всеми ветрами остановке и ждать чуда. Телефон разряжен, зонта нет, покинутый щенок сидит рядом и дрожит всем телом. Он беленький, и покормить его нечем...

«... Слышишь, собачка... Сегодня утром я встретила у подъезда странного вида кошку: она была без ушка, с неряшливой белой с рыжим пятном шерсткой и слепая на один глаз. Жизнь не щадила её. Но... она была мама. Маленький рыжий котёнок тыкался в ко-

шачий живот. Это было её дитя, потому что временами она его лизала то по голове, то по спинке и опять сидела, гордо подняв голову, словно пытаясь сказать: "Да! Это мой малыш!" Я отдала ей свой кусочек колбасы. Но стоило маме-кошке согнуться к угощению, как котёнок бросился туда же и заурчал, схватив всё целиком. Пришлось разделить кусок надвое. Малыш, оставив свой кусок, кинулся к маминой половинке и стал поспешно её жевать, покачивая головой. Кошка отвернулась, чтобы не видеть колбасы... Эгоист этот котёнок! Но ведь он ничего не нарушает, так прописано в законах, которые люди назвали инстинктом материнства...

Маленький! Собачка ты моя бедная! Ты тот, кому хуже, чем мне...

Кто же оставил тебя здесь? За что? Наверняка не твоя мама.

Помнится, я спросила у своей набожной сотрудницы (кстати, по людским меркам человека очень хорошего), за что Господь наказал женскую часть млекопитающих животных страданиями в родах? (потому что она выговаривала, что "за грех Евы все женщины страдают в родах"). Она посмотрела на меня и сказала, что я богохульствую и нам не постичь все деяния Бога. Животные были заселены на Землю для "полноты нашей жизни и для того, чтобы мы могли выжить в земном аду".

Этот разговор у нас был очень давно. Потому что после появления на свет моего единственного во всех смыслах детёныша я переосмыслила всё. Мой сын – это часть меня. В каком-то фильме говорили, что больше всего на свете женщины любят тех мужчин, которых они родили. Мы готовы отдать жизнь за наших детей...

Может, твоя мама погибла?

Ты такой бедненький! И что я с тобой буду делать?

А я дура усердная! И никто этого ни за что не оценит...»

Я говорила это щенку, чтобы не плакать.

И всё-таки расплакалась. Жаль его и себя. А чудо? - Его не бывает...

- Девушка! крикнул водитель подъехавшего такси. Я не пошевелилась. Да, издали, а ещё лучше со спины, меня можно посчитать девушкой: малый рост, 47 килограммов веса, старые джинсы и ветровка светлого цвета, да ещё когда на волосы с проседью падает тень...
 - Девушка! Давайте я вас обоих отвезу домой! повторил тот же голос.
- У меня нет денег... отозвалась я. А щенок не мой. Но мы дождёмся, когда дождь станет тише, и двинемся в путь!
 - Да ничего! Я вас и так довезу! Дождь ведь будет до утра! он открыл дверцу и ждал.
- «Маньяк! решила я, но всё-таки подошла к машине. Заглянула внутрь и решила не ехать. Даже не страх остановил, а жалость к щенку. Он останется совсем один!» И чувство нахлынуло вроде того, что «и умереть спокойно не дадут!». Пусть оставят меня все в покое!

Вдруг мужчина вышел из машины и буквально усадил меня спереди. Потом, ухватив щенка одной рукой, расположил его у моих ног.

Мы ехали, я молчала. Старая иномарка рассекала дождь, а я, вспомнив, что дома денег собственно тоже нет, думала, где бы их взять.

– Вот работаю по ночам. Хочу воплотить свою мечту в жизнь! – начал таксист, и я, чтобы казаться вежливой, повернула к нему голову. Где-то его видела!

Он держался за рулём уверенно и слишком спокойно. Не старый и не молодой уже. Посмотрев на меня, улыбнулся и подмигнул.

– Я ведь отец трёх дочерей! Старшая – в Канаде! Я сам ей сказал: езжай! Здесь перспективы нет! Средняя – учится в Одессе! Архитектором будет! Очень самостоятельная! А младшая – с женой. У жены другая семья уже. Но это неважно! Я всё равно её люблю. Дочь мою младшую...

Мы ехали, а он всё говорил о дочерях – его радости и гордости, мне же хотелось, чтобы он молчал...

Машина мягко остановилась возле нашего подъезда. Мы одновременно посмотрели на щенка. Он уже спал, пригревшись. Бедное создание!

- Оставляйте его у меня! Пусть поспит! А потом покормлю и выпущу в жизнь там, где его нашёл! А может, возьму к себе и кому-то предложу.
- Подождите пару минут! Я сейчас вынесу деньги. Просто надо разбудить мужа! И простите меня за неудобства! Кстати! Какая же у вас мечта? я уже приоткрыла дверцу, а сама лихорадочно думаю: «Где взять "презренный металл"»?

Он тут же повеселел:

- Понимаете, женщин надо беречь и баловать! Раньше я это не понимал! Так вот, я хочу купить своим дочерям каждой по драгоценности, в память об их детстве. Но самых настоящих драгоценностей! С бриллиантами! Пусть немного карат, но настоящие бриллианты! И каждой на свадьбу сделать вот такой подарок! Я просматриваю их детские рисунки, игрушки даже в ванной оставил... Ничего не выбрасывал! Девочки у меня такие аккуратные, всё почти цело! И я уже знаю, что кому. Ангелине брошь! Уже присмотрел. Она самая старшая. Небось женихов там, в той далёкой Канаде море у неё! Звонила мне весной (тут он замялся), такая смешная, говорит: «Папа! Не волнуйся за то, что мы долго говорим! Деньги мои, и я всё оплачу!» Мариша архитектор, творческий человек! Ей серьги! Ушки мы прокололи ещё в детском саду. Скоро, наверное, поеду её проведать! Долго не пишет, не звонит. Перевод мой, который ей послал, вернулся. С мамой, наверное, общается. А младшей Ксюше браслетик! Они очень красивые, дочки мои... О! Да я совсем вас заговорил!
- Классная мечта! я замялась, но тут же спохватилась: Главное это красиво! Скажите, а почему вы расстались с женой? Ведь вы такой положительный!
- Я?! Откуда вам знать! Виноват!!! Не понимал, что красивым женщинам надо создавать красивую жизнь. А я ещё, когда жена стала высказывать своё справедливое! недовольство, начал выпивать... И всё пошло прахом. Всё рухнуло... Закаты, походы за город под лунным сиянием это же проходящее. По молодости, возможно, девочки на это смотрят как на романтические приключения, а так...
 - Простите меня! взмолилась я. Я постараюсь быстро!

Потом бежала, перепрыгивая через две ступеньки. Залетела в квартиру, гаркнула на мужа, который собрался мне задавать вопросы, бросила сумочку оземь, когда он спокойно ответил: «Какие деньги? Я же тебе всё отдаю!», и решила идти к Феде-ростовщику...

Звонила в дверь, от нетерпения прыгая на месте... «Ну открывай! Видела же у тебя свет...» — посылала я ему мысленно. И осеклась, когда увидела молодую, интересную особу, да ещё в красном халате хозяина квартиры. «А Федю можно?» — от удивления еле выговорила я.

Федя слыл у нас, среди жильцов, немного как из племени «тупи-тупи» и сам гордо рассказывал, что учился в спецшколе для умственно отсталых детей, а теперь – вот! То ли педагоги относительно него ошиблись, то ли вид денег так на него действует, но считает он хорошо и никогда не ошибается. Даёт только под проценты. И всегда ходит со счётной машинкой в кармане.

- Феденька! Займи 50 леев до зарплаты... Так получилось, но... Такси ждёт у подъезда!
- Как же не одолжить главному бухгалтеру! оскаливается он. Но твой муж обещал мне засунуть гранату в трусы!
 - О! застонала я. Прости его контуженого! За что он опять с тобой?
- Я вышел покурить в подъезде! Ты ведь понимаешь, что я теперь не один...(он понизил голос). А твой увидел просто окурок! И как понёсся! «У нас домофон! Подъезд не проветривается! А ты окурки ещё бросаешь!» И т. д. и т. п.
 - Прости его... я уже сгорала от нетерпения.

Во дворе меня встретило дождливое безмолвие. Такси и в помине не было. Вокруг ни души. И за углом дома никаких машин. «Ай-яй-яй! Что же ты такой чудак! Так же на мечту не заработаешь!» – я очень огорчилась, думая о таксисте.

Федя ещё курил, но денег брать не хотел: «Ты чё? Я проценты уже посчитал! Отдашь в зарпла-

ПРОЗА _______ 59

ту! А что, не отдала таксисту?»

- Понимаешь, он уехал, не дождался! Где же мне его искать?
- Чудак он! мой кредитор оскалился в улыбке.
- Федя! Запомни: чудак это человек, который способен совершить чудо, которого никто не ждёт! я оттянула резинку штанов его пижамы и бросила туда деньги, на что Федя ужасно раскричался:
- Чё делаешь?! Чё делаешь?! потом замолчал на секунду, что-то соображая, и вдруг громко и зло рявкнул: Дурак он! Придурок!!!
- Ч-ш-ш-ш! я, испугавшись этого рыка в столь поздний час, подняла голову и... вспомнила, где видела таксиста. Да! Это он.

Вместо прощания я говорю Феде: «Ты наверняка в спецшколе не учился!», а он, поощрённый моей похвалой, улыбается широко и, должно быть, искренне.

Муж сделал мне чай. Ему я с каким-то опасением говорю, что таксист уехал, не дождавшись денег. Мне не хочется, чтобы того опять обозвали, ведь я точно знаю, где его видела. Но муж корит меня:

– Ну ты, недалёкая! Даже не запомнила ни марки машины, ни номера! Конечно, надо разыскать этого чудака! Бензин дорогой, а запчасти...

Когда я улеглась рядом с мужем, мне очень захотелось рассказывать ему о том человеке. И я рассказала.

А дело было так.

Погода испортилась совершенно внезапно, полил дождь. И видно было, что он скоро не закончится. Вдруг среди дождя нарисовалась странная фигура: когда это приблизилось к моему убежищу, то я узрела молодого мужчину среднего роста. Тот держал на плечах ребёнка лет пяти, на которого был накинут, укрывая его с головой, пиджак. Второго ребёнка он держал на руках (это была девочка лет семи), а третий малыш (то была тоже девочка) спал в летней коляске, головушка её была защищена от дождя козырьком коляски, а по ножкам стекал дождь.

- Мужчина! - закричала я. - Давайте я вам помогу!

Я раскрыла зонт, выхватила у него коляску, и мы быстро двинулись в путь. Их дом был довольно далеко.

Достигнув цели, отец милых ангелов (они все трое оказались очень симпатичными девочками) пожал мне руку своей мокрой рукой и сказал:

– Благодарен вам очень-очень! Это мы так на качелях покатались! Ох, что нам мама сделает! – он выглядел совсем юным, а на его макушке топорщились смешно волосы. – Понимаете! Вот говорят: ребёнка надо растить, будет кому в старости кружку воды подать! А у меня будет три кружки! Понимаете? Три!

Они шумно поднимались на какой-то этаж, где-то открылась дверь, и молодой женский голос с силой выплеснулся в подъезд: «Дурак ты! Придурок!!!»

Много времени прошло сквозь нас с того дня...

Муж, оказывается, давно спит. Я лежала с широко открытыми глазами, и слёзы скатывались по моим вискам...

Вспомнила, что не помолилась ещё о нашем сыне, который сейчас не с нами.

А знаю я единственную молитву – «Отче наш». Господи! Прими молитву о нашем сыне, о нашей единственной кружке воды в старости...

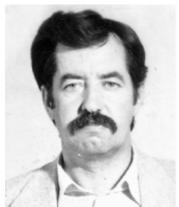
И неважно, будет ли на самом деле подан тот сосуд с водой, важно иметь возможность думать, что если в старости мы не способны будем взять воду сами, то нам обязательно её подаст родная рука...

С тех пор я всё ищу чудака-таксиста в нашем не очень большом городе. Пока не нашла. Но однажды видела сон: он одиноко сидел в какой-то совершенно пустой, ярко освещённой комнате за столом и, отражаясь в чёрном зеркале ночного окна, считал деньги, которые все были разменной монетой... А у меня денег опять не оказалось...

Иван ДУБ

Сюрприз для Настеньки

Несколько слов в свой адрес

В юности я был крайне незадачливым человеком (недальновидным, непоследовательным, малопрактичным), в большинстве случаев руководствовавшимся скорее эмоциями, нежели хладнокровным расчетом...

Моя жизненная позиция объяснялась, наверное, тем, что вырос я в небольшой деревушке, жители которой отличались редкостным простодушием. Кроме того, какое-то врожденное восприятие мира в исключительно радужных тонах несколько сбивало меня с толку, заводило в тупик и вытесняло из грубых реалий окружающей среды.

Развивался я в деревенских условиях исключительно гармонично: в плане нравственном был любознательным, дотошным мальчиком, которому до всего было дело, а это шло на пользу уму; чистый воздух, здоровая пища, озеро и лес совершенствовали меня в плане физическом. Короче говоря, к шестнадцати годам я был уже готов, как в то время говорили, к труду и обороне, и наступательным действиям на любовном фронте.

Впрочем, о любви в свои шестнадцать я не помышлял, так как любить в нашей деревне практически было некого, кроме того, отвлекали другие дела: в будние дни я помогал мамаше на колхозном поле, в выходные пропадал на рыбалке либо в каком-нибудь глухом дворе резался в «подкидного дурака». Клуб у нас открывался редко, по субботам крутили кино, в воскресные дни устраивали танцы. Правда, в сельской школе по вечерам можно было потягать штангу, но не хотелось ходить туда после того, как в течение дня намахаешься мотыгой.

Мамаша моя была женщиной непритязательной, кроткой и бесхитростной. Ни читать, ни писать она не умела и расписывалась в колхозной ведомости лишь раз в году, осенью, когда получала вознаграждение за свои труды. Была она, как уже говорилось, почти круглый год занята работой в поле, разбавленной нескончаемыми домашними заботами. При такой раскладке, как вы понимаете, кроме хворостины, иные методы воспитания ко мне не применялись. В юности мне было легче жить, чем какой-нибудь беззаботной птичке...

Отец же мой, наоборот, был грамотным и уважаемым в селе человеком. Каким-то образом он умудрился окончить четыре класса, умел читать, писать, складывать и отнимать и по причине отсутствия настоящих специалистов почти всю свою жизнь проработал бригадиром полеводческой бригады, которая в разные годы насчитывала от ста до ста двадцати женщин. С ранней молодости до поздней старости и млад и стар уважительно называли его «баде Тудор».

У отца, насколько я помню, не было ни праздников, ни выходных, так как работа на колхозных нивах не прекращалась ни на минуту: вспашка, боронование, сев, прополка, уборка ранних культур, уборка поздних культур и т.д. Разумеется, папаша тоже не мог (да и не умел) блеснуть своим педагогическим талантом, чтобы наставить родное дитя на путь истинный.

Была у меня еще и бабушка, но очень религиозна, и я, являясь пионером, а затем – комсомольцем, не слишком-то прислушивался к ее наставлениям и притчам. Кроме того, мне казалось, что она безнадежно отстала от жизни и научить меня чему-нибудь полезному не способна...

Звеньевая Глафира

Именно в то время на моем жизненном пути появилась звеньевая Глафира.

Полеводческая бригада состояла из нескольких звеньев (примерно по двадцать тружениц в каждом), в связи с чем по утрам в наш двор приходили пять или шесть звеньевых за «нарядом» на работу. «Наряд», заключался в том, что отец с полчаса нацеливал руководительниц звеньев на предстоящий день: одни отправятся на прополку, другие – обрывать табачный лист, третьи... Получив задания, вместе со своими бригадами звеневые отправились в колхозные сады, огороды, поля и виноградники. Всё было просто и ясно.

Глафира была замужней женщиной лет тридцати. Невысокая, полненькая, с большой красивой грудью, она здорово походила на какую-то артистку из кинофильма. Какую именно, я не мог определить. Глафира, скорее всего, не наводила марафет на лице: от природы она была всегда румяной и свежей, словно явилась к вам с мороза. Она улыбалась всем встречным и казалась беззаботной. Конечно же, это было не так, ибо звено ее считалось образцовым.

Иван ДУБ _______ 6

Сталкиваясь по утрам с Глафирой, я нередко замечал, что она дольше, чем следовало бы, задерживает на мне свой взгляд, что взгляд этот несколько затуманен, будто бы мысленно она обретается где-то в другом месте, что она без интереса вслушивается в наставления отца и что, наконец, в последнее время стала приходить по утрам в нарядных платьях. Вроде не в поле, а на праздник собралась.

Впрочем, как уже говорилось, в молодости я был человеком мало наблюдательным и не придавал красноречивому поведению Глафиры какого-нибудь значения. Более того. Я вел себя как дошкольник: не стесняясь, в одних трусах мог пробежать мимо собравшихся звеньевых в туалет, совершенно не задумываясь над тем, что сформировавшийся мой торс уже вызывал у противоположного пола желание остаться со мной наедине...

Меж тем румяное личико Глафиры разгоралось всё ярче, а юбки, в которых она являлась на «наряд», становились короче. Вскоре дошло до того, что она (это считалось недопустимым в селе!) стала здороваться со мною, подростком, первой. Вроде в шутку, вроде невзначай. Собственно для того, чтобы зацепить меня, чтобы обратить на себя внимание.

– Как живешь, юноша? – бывало спросит как-то утром. – Не скучаешь?

И подморгнет, и улыбнется, показав ровненькие зубы, и готова, кажется, попрыгать на одной ножке. Иногда я отвечал ей в таком же шутливом ключе, но чаще, проносясь мимо по своим делам, не удосуживался на Глафиру взглянуть. Она же как будто не обижалась. Но чудилось мне, что за моей спиной тихонько вздыхала...

Виделись мы с Глафирой и по праздникам. Разнаряженная, веселая, она шла под руку со своим мужем – колхозным трактористом Пашкой – и всем улыбалась. Пашка был безжизненным, неизменно мрачным человеком, и оставалось лишь гадать, каким образом он стал супругом такой красавицы. Аналогичный вопрос, кажется, мучил и моих односельчан, ибо многие из них, повстречав эту пару, в задумчивости останавливались, а некоторые даже скребли свои крепкие затылки.

Увидев меня, Глафира вдруг приостанавливалась, словно хотела и не могла кинуться в мою сторону, затем передергивала плечом, усмехалась и двигалась дальше. Невысокая, но величественная, крепко сбитая, ладная, грудастая – загляденье, да и только! Не знал, даже не подозревал я о том, насколько тесно переплетутся наши судьбы, сколько неприятностей ей доставлю и в каком неприглядном свете выставлю ее перед нашим праведным селом...

В лесопосадке

В разгар весенне-полевых работ почти ежедневно мамаша брала меня с собой на «норму». «Нормой» в колхозе называли гектар-другой подсолнечника, какую-то определенную площадь кукурузы, несколько делянок табачных насаждений и пр., которые в обязательном порядке необходимо было обработать каждой колхознице. Короче говоря, был установлен трудовой минимум, который, хотите вы или не хотите, можете или нет, а должны выполнить. А чтобы заработать больше, многие женщины трудились сверх нормы.

Стояли погожие теплые дни, когда не работать, а нежиться хотелось, когда тянуло на речку, в лес и еще бог весть куда... Яркое солнышко, голубое небо, чистый воздух, простор... Душе хочется вырваться из тела и как легкому облачку тихо уплыть в неведомую даль... Тишина. Лишь частые удары тяпок о податливую, мягкую землю, дальнее ворчание трактора да воркование дикого голубя в лесопосадке... Кто хоть раз работал в поле, тот не забудет такие моменты никогда!

В тот день по соседству с маминой делянкой Глафира со своим звеном пропалывала сахарную свеклу. Обрабатывая легкими тяпками каждый на своем участке длинные ряды зеленеющих сахарных побегов, мы двигались навстречу друг другу, почти сходились, затем удалялись в разные стороны. И так снова и снова.

На манер какой-нибудь светской львицы Глафира обвернула от солнца голову прозрачной яркой косынкой, что делало ее еще более привлекательной; на ней был легкий халатик и домашние шлепанцы на босу ногу.

Приближаясь по своему ряду к ней, я видел, как при каждом взмахе тяпки из-под мини-халатика высоко выглядывали загорелые стройные ноги, как матово светятся оголенные плечи, как белеют ровные зубы и как, наконец, когда она временами поправляла волосы, бесстыдно открывались темные подмышки. При этом, то есть во время очередного сближения, Глафира задерживалась напротив меня и, глядя прямо в глаза, вызывающе улыбалась...

Во время обеденного перерыва, когда колхозницы то тут, то там устраивались на своих делянках за скромные пожитки, а мать, попив воды, стала раскладывать на желтую тряпочку хлеб, брынзу и сало,

-<u>Г</u>АШЕ поколение

я вдруг увидел, что Глафира направилась к лесопосадке. Не доходя с десяток метров до деревьев, она огляделась, повернулась в мою сторону и легонько поманила пальцем. Донельзя удивленный, я вытаращил глаза: меня, мол, зовешь, что ли? Она быстро кивнула: именно тебя!

Недоумевая всё больше, я глянул на мать, уже начавшую есть, и, вроде по надобности, двинулся в лесопосадку. Сердце моё вырывалось из груди. В голове пульсировала мысль: чего ей надо, Глафирето? Могла ведь объясниться прямо в поле: подозвать к себе либо подойти к нашей делянке... Кажется, что-то тут неладно... Что-то здесь не так... Подгоняемый любопытством, с тревогой заглянул за первое абрикосовое дерево... Укрытая тенью, часто дыша, Глафира безмолвно указала кивком головы: иди-ка за мной, подальше от людских глаз... Мы очутились среди густых кустарников...

И тут... горячими руками Глафира обхватила мою голову и стала покрывать лицо сплошными поцелуями. От неожиданности, вернее, от испуга, я едва не закричал и стал яростно вырываться. Она меня не отпускала, изо всех сил прижимая к груди.

– Миленький... – бессвязно шептала она, – я твоя... Я полностью в твоей власти... Хороший мой... Возьми меня... Тут же... Я согласна на всё... Ну пожалуйста... Ну сделай же что-нибудь...

Не понимая, в чем дело, я продолжал вырываться из ее цепких, сильных рук. Я был молод, неопытен, а кроме того, глуп, как и подобало деревенскому недорослю.

На поселочной дороге, прилегавшей к лесопосадке, вдруг послышался треск проезжавшего мотоцикла, и Глафира разжала свои дрожавшие пальчики и обессиленно упала в траву...

Ошеломленный, я бросился на делянку к матери...

Доверительная беседа

До вечера я лишь однажды посмотрел в сторону делянки, которую обрабатывала Глафира. Она же по сторонам не глядела. Уткнувшись глазами в землю, она с такими усилиями окучивала сахарные ростки – тяп-тяп! – что, казалось, тяпка ее потяжелела в три раза. Поникшая голова, безвольно опущенные плечи – тяп-тяп... Обычно шутливая, озорная, сейчас Глафира отсутствовала для своих двадцати подельниц – тяп-тяп, тяп-тяп, тяп-тяп...

Я же не переставал задаваться вопросом: что значит «миленький», «я навек твоя», «возьми меня!»? Ведь у нее есть муж Пашка, с которым Глафира гуляет под руку по праздникам. И к чему это «возьми меня»? И как это понимать? И зачем? Короче говоря, в шестнадцать лет, несмотря на свой рост, могучий торс и пушок на подбородке, я был дурень дурнем, несообразительным и бесхитростным, как дитя малое.

Озадаченная мать искоса посматривала на меня, не понимая, отчего я вдруг начинаю крошить своей тяпкой всё подряд: побеги, сорняки и даже камни, попадавшиеся под руку...

Как бы там ни было, этот нескончаемый (и незабываемый до сих пор!) день подошел к концу, и полеводческая бригада с шутками и песнями потянулась в село: была суббота, а это означало плотный ужин, баню, молодым – кино или танцы, старикам – отдых. Двинулись, забросив тяпки на плечи, к своему дому и мы с матерью.

На полдороге на дребезжащем велосипеде догнал нас Педро, который возвращался в село из тракторной бригады, где работал заправщиком. Увидев меня, притормозил, кивнул, и я, сказав матери, что задержусь, отошел с ним в сторону.

- Что? Пойдешь вечером в клуб? спросил он.
- Погоди-ка ты с клубом...

И я чистосердечно поведал ему, первому встречному, хоть и товарищу, о том, как Глафира затащила меня в лесопосадку, как повалила в траву, как стала обнимать и целовать... Педро раскрыл рот и заинтересованно выслушал до последнего слова. Облегчив свою душу, я на минуту задумался: а может, не стоило об этом распространяться? Педро же, загадочно усмехнувшись, потребовал продолжения:

- Ну и...
- Что «ну и...»? уточнил я, не очень-то понимая, что тут еще можно добавить.
- Да ты не бойся, говори, что там было дальше... Дальше... Мы ведь с тобой товарищи! настаивал Педро.
- Дальше... пожав плечами, молвил я, ну, что дальше... вывернулся я из ее рук, вернулся к себе на участок...
 - И всё? не унимался дотошный собеседник.
 - А что еще?
 - Ну как? Да что ты как красна девица... Признавайся уж... Трахнул Глафиру, что ли?

ПРОЗА _______ 63

В то время, когда не было ни компьютеров, ни мобильных телефонов, слово «трахать» едва-едва входило в обиход, я впервые слышал его и не знал, что оно означает, но, чтобы не ударить в грязь лицом, не хотел об этом спрашивать у Педро. Ответил неопределенно:

– Может быть, может быть...

Товарищ вытаращил на меня глаза:

- Ну, молодец! Я и сам не отказался бы от такой бабы!

Разговор заводил в непроходимые дебри, куда меня затащили впервые, но Педро был на три или четыре года старше меня, значит, знал, в чем дело, поэтому, чтобы не показывать, что я полный профан в отношениях с противоположным полом, я лишь равнодушно пожал плечами.

- Ну молодец! - еще раз восхитился товарищ, изо всей силы хлопнув меня по плечу.

Мы уже подходили к селу, а Педро, у которого моя история, кажется, не выходила из головы, всё усмехался и покачивал головой, пожимал плечами и снова потрепал меня по спине:

- Так что, появишься вечером в клубе? А потом, если будет настроение, махнем к Тамаре...

Я опять неопределенно пожал плечами.

Несколько слов о Тамаре

Неугомонный Педро неоднократно пытался затащить меня к Тамаре, но всякий раз я благополучно выскальзывал из его рук. Но давайте-ка разложим наше повествование по полочкам...

Тамара была одинокой женщиной лет сорока. Жила на окраине села и разносила людям газеты, то есть работала почтальоном. Дом ее, похожий на барак – неухоженный, грязный и старый – почему-то сильно притягивал к себе сельских парней, которые по вечерам собирались под его крышей. Что там происходило, я не знал, но люди поговаривали, что не всё было благополучно. И в самом деле. По субботам и воскресеньям из Тамариного логова доносились приглушенные вопли и песни, включался и выключался свет, кто-то кого-то как будто лупцевал и т. д. Именно поэтому я интуитивно избегал этого места, хотя ничего не боялся и мог постоять за себя...

Педро связывали с Тамарой какие-то туманные отношения; он был для нее своим человеком и, конечно же, завсегдатаем барака, поэтому мог появиться в ее гнездышке с кем заблагорассудится. Тамара, я полагаю, не перечила. Однако до поры до времени я довольствовался другими развлечениями...

Я не знал, как обстояли дела в больших городах, но то, как мы отдыхали и развлекались в своей деревне, вполне устраивало. Мы были рады каждому субботнему вечеру. Это означало, что наступил перерыв в изнурительной, нудной и грязной колхозной работе, что можно помыться, переодеться в чистое, если повезет, перед ужином опрокинуть с папашей по стопарику самогона, а затем, уже в полной темноте (в селе освещения не было), отправиться развлекаться.

Развлечения были таковы. Прежде всего, клуб, в котором, как уже было сказано, по субботам вальсировали, а в воскресенье созерцали кино. Но главные развлечения начинались, естественно, после завершения последнего танцевального па. В кромешной тьме (если, конечно, не светила луна) мы – несколько юношей моего возраста – отправлялись побродить по сельским улицам, во всю глотку распевая развеселые песни. При этом концерте тоскливо завывали собаки, захлопывались окна и даже какой-нибудь поздний пьяница на всякий случай поспешно убирался с нашей дороги.

В зимнее время общими усилиями мы могли демонтировать у какого-нибудь односельчанина тяжелые ворота либо перевернуть телегу (сани), просто так, ни с того, ни с сего, от избытка энергии, ради собственного удовольствия. Летом предпринимались набеги на сады и огороды с целью конфискации груш, яблок, арбузов и дынь. И зимой, и летом (для собственного же удовольствия и расстановки приоритетов) можно было устроить небольшую потасовку, так сказать, стычку, попросту драку, из которой, ничуть не жалея об этом, мы выходили с расквашенными носами и синими физиономиями. Можно было еще (также в любое время года), облачившись в белый халат, до полусмерти напугать какую-нибудь суеверную старушку. Как видите, развлечений хватало.

После танцев или кино парни постарше разводили по темным углам молодых колхозниц, которые ничуть не возражали, и начинали их тискать и мять им груди. Слышался призывный женский визг, какая-то возня; парни помоложе, вроде меня, с интересом присматривались к этим бурным проявлениям любви. Набирались житейского опыта.

Ведомые такими первобытными инстинктами, мы находили, что живем полнокровной человеческой жизнью, которая нас вполне устраивала, и не желали ничего другого. О том, что в жизни существуют какие-то иные развлечения, мы попросту не догадывались. Мы гармонично развивались, не скучали,

64 _____

испытывали сильные ощущения, любили и страдали, и этого нам было достаточно. Правда, огорчало то, что выходные быстро заканчивались и в понедельник предстояло отправиться на «норму», в тракторную бригаду либо на колхозный ток...

Тракторист Пашка

ТПТ поколение

Воскресное утро выдалось погожим, но уже начало припекать, и чувствовалось, вскоре будет жарко. Незаметно поднималось солнышко, синело небо, на котором не наблюдалось ни облачка, нигде ни шороха, ни звука. Лишь изредка что-то зашевелится в камышах, да вдруг, заставив вздрогнуть, взлетит в воздух и тяжело обрушится в воду большая серебристая рыба. Время остановилось. Покойно. Беззаботно. Светло на душе. И даже то, что редко клюет, не может вывести из какой-то неземной прострации, не вызывает раздражения...

Оглушительный рев трактора вдруг взорвал эту сонную утреннюю тишь: к озеру приближался Пашкин «Беларусь». Тут надо добавить, что в то далекое время мы понятия не имели о том, что на белом свете существует такое священное слово, как «экология»; по причине своей экологической безграмотности мы купались в колхозном озере, стирали там свои трусы, в знойные часы загоняли в воду коров, а такие экологические чурбаны, как Пашка, распуская по поверхности радужные пятна, могли даже заехать в озеро трактором. Видимо, сегодня тракторист именно с тем и ехал, чтобы стерилизовать свою технику...

Почесывая ухо, в котором всё еще гудело после вчерашних баталий (кто-то вечером здорово звезданул меня по башке), я поглядывал на поплавок и понимал, что клева уже не будет. «Беларусь» тем временем рокотал всё ближе и, наконец, изрыгая дым и копоть, остановился неподалеку. Из кабинки выскочил Пашка и, оглянувшись по сторонам, решительно направился в мою сторону. В руках у него как короткий меч сверкала монтировка.

«Чего это он?» – подумал я, искоса глянув на Пашку, на лице которого застыла странная нервная усмешка.

Будучи физически сильным, на голову выше, я его ничуть не боялся. Даже с монтировкой. Если ударит, заброшу на середину озера. Вместе с железякой. Но, воспитанный в сельских традициях, демонстрирую полное равнодушие ко всему на свете, то есть делаю вид, что ничего не замечаю.

Пашка тем временем остановился в шаге за моей спиной, как бы прицеливаясь, чтобы получше огреть меня по затылку. Я не оборачивался. Он покряхтел, как будто переложил монтировку в другую руку, вздохнул.

- Ты чего это, подлец, молчишь как... пень? выдавил наконец, задыхаясь. Давай, рассказывай... Не очень-то понимая, к чему он клонит, я повернулся к нему: да о чем, собственно, говорить? Губы у Пашки дрожали. Лицо было бледным.
 - Говори сейчас же, что с Глашкой моей имеешь? Говори, сволочь, иначе уничтожу!

Только теперь мне стало ясно, чего добивается сельский механизатор. Но откуда ему стало известно о случае в лесопосадке?

- Да что, ничуть не скрывая (а, видимо, следовало бы!), поведал я оскорбленному мужу, затащила твоя Глашка меня в кусты, и давай целовать...
 - У Пашки и глаза полезли на лоб.
 - Целовать? только и сумел промямлить он, опуская свою железную штуковину. Как это целовать? Удивляясь неповоротливости его мозговых извилин, я решил объяснить подробнее:
- Не доходит до тебя, что ли? В обеденный перерыв позвала меня Глафира в лесопосадку. А там вдруг повалила в траву, вскочила на грудь и давай слюнявить мне морду...
- У Пашки подогнулись колени, и он рухнул на обрывистый берег рядом со мной. Монтировка легла между нами как никому не нужная. Пашка вцепился руками в свои жидкие волосы:
 - Да ты, получается, трахал Глафиру...

За последние два дня я уже дважды слышал это загадочное слово, но до сих пор не знал, что оно означает.

- Может быть, может быть, неопределенно ответил я, не желая выглядеть в глазах тракториста темным лохом. Очень даже может быть...
 - Ну я ей покажу, суке! загремел вдруг Пашка и, забыв о своей монтировке, кинулся к «Белорусу». Пожав плечами, я смотал удочки: клева, конечно же, уже не будет...

ПРОЗА _____

Снова в поле

В понедельник утром несколько звеньевых как обычно явились на «наряд»; прошли во двор, уселись на длинную деревянную скамью, стали дожидаться появления отца, который заканчивал доить корову. Глафира пришла последней. Несмотря на теплое утро, до самых глаз она завернулась в плотный платок. Увидев ее, звеньевые переглянулись, у некоторых на лицах появились загадочные улыбки. Глафира присела на краешек скамьи.

В одних трусах, нисколько не стесняясь, я пробежал мимо них в туалет. Дело, как говорится, обычное, не в первый раз. Колхозницы (чего раньше не замечалось!) проводили меня долгими взглядами. Я не придал тому никакого значения. С самого утра меня занимала неотвязная мысль: что означает слово «трахать»? Но не у баб же об этом будешь спрашивать в самом-то деле...

Так как отец был для меня непререкаемым авторитетом (в том числе и на информационном, как бы теперь сказали, пространстве), я решил дождаться подходящего момента, – освободится же он когданибудь! – чтобы обратиться за разъяснением... Трахаться... Слово-то какое!

Но папаша в то утро выслушал меня лишь мимоходом. Закончив инструктировать звеньевых, он напоил лошадь, на которой отправлялся в поле, быстро перекусил и, уже усаживаясь в бричку, мимоходом бросил матери:

– Чё-то Пашка Глафиру побил!

Мать тоже спешила.

– Дурак, да и только! – неопределенно сказала она, не вникая в подробности. Собрала кое-какую снедь, чтобы перекусить на «норме», глянула в мою сторону: не забыл ли наточить тяпки?

Услышав о том, что Пашка избил Глафиру, я задумался: не из-за меня ли? Если так, то не стоит ли как-нибудь утешить Глафиру? Но как? Тут надо сказать, что в молодости я частенько полагался на волю случая: итак, уповая на счастливый случай, который поможет выпутаться из создавшейся ситуации, я захлопнул за собой калитку, кивнул бабушке, которая на целый день оставалась одна на хозяйстве, и отправился на «норму»...

И снова мы с Глафирой, как в прошлый раз, прореживая, двигаемся по своим рядам сахарной свеклы, сходимся и расходимся, но теперь звеньевая не замечает меня. Несмотря на усиливающийся зной летнего дня, она по-прежнему укутана синим платком и стала сейчас незаметной, маленькой, словно хотела исчезнуть, раствориться в безбрежном просторе зеленого поля. Ну совсем старушка. Конечно же, ни мать, мерно поднимавшая и опускавшая тяпку, ни – по-моему! – остальные колхозницы ничего этого не видели...

Весь день, не обращая внимания друг на друга, мы с Глафирой усердно обрабатывали свои делянки, а вечерком – чего никогда не случалось! – звеньевая покинула колхозное поле первой. Солнце уже закатилось за лесопосадку, когда и матери наконец пришло в голову, что пора и честь знать. Пока мы собирались, пока добирались домой, стемнело. У ворот, пофыркивая, с ноги на ногу переступала папашина лошадь. Отец уже дожидался нашего возвращения.

– Тут это... – сказал он матери, когда мы очутились во дворе, – практикантку, значит, нам правление на квартиру определило. Что делать-то будем?

Притомившаяся мать освободилась от сумки, в которой мы брали с собой еду, безразлично махнула рукой:

- Куда ж ее?
- И отказываться как-то неудобно, сокрушенно продолжал отец. Сам председатель просил... Устройте, мол...
 - Отказывать председателю не стоит, согласилась мамаша. Тут уж ничего не поделать...

Пока я мылся, родители приняли решение, как будто удовлетворявшее обоих. Они вроде даже повеселели. А после ужина, выходя покурить, папаша поманил меня на улицу. Быстро темнело, на небе вспыхивали звезды.

– По твоему вопросу, сынок, – сказал отец, зажигая спичку. – Поинтересовался я у главного агронома. Ну, объяснил мне Иван Степаныч. «Трахаться» – значит, сноситься, спариваться... Вижу, ты понимаешь, не так ли?

И отец внимательно посмотрел на меня...

Соратник Педро

Педро (который отзывался и на «Петьку») жил неподалеку и неукоснительно был нацелен на изобретение какой-нибудь пакости в адрес человечества. Чего только в голову ему ни приходило! Некоторую толику его антиобщественных устремлений мы претворяли в жизнь совместными усилиями. Короче говоря,

мы могли насолить встречному и поперечному в любую, свободную от основных обязанностей минуту...

Если не брать в расчет мамину «норму», я был полностью предоставлен самому себе и мог распоряжаться своим досугом, как мне заблагорассудится. Конечно же, после того как подою корову, дам помоев поросенку, обслужу кур и гусей и пр. Время от времени бабушка звала меня в огород прополоть морковь или картошку. Собирать же черешню и вишню в нашей семье предоставлялось исключительно мне; так высоко и ловко, как я, лазить по деревьям у нас никто не мог. Вечерами же мы не разлучались с Педро.

По природе своей я не был разрушителем; я был добродушнейшим существом, увальнем, скорее, большим ребенком, который никому не желал ничего плохого. Я, видимо, не занимался бы ночными разбоями, если бы не Педро, постоянно подвигавший меня на различные тайные мерзости. Друг влиял на мой цельный (и мирный) характер разрушающе. С каким-то, несомненно, злым умыслом Педро пытался затащить меня и к Тамаре.

У Тамары я никогда не был, но постоянные ночные оргии в ее логове странно волновали меня. Что же там происходит? Ради чего к ней как мухи на мед почти каждую ночь устремляются взрослые парни, в основном неженатые? Какого черта там ошиваются и некоторые сельские холостяки? Даже разведенные мужики не прочь задержаться до утра... Короче, вопросов было много, а ответ мог появиться лишь в том случае, когда у Тамары побываю и я...

Шестое чувство не подвело меня. Как-то вечером Педро особо внимательно на меня поглядел, отошел даже в сторонку, чтобы лучше оценить. Кажется, мой внешний вид удовлетворил его.

– Был я вчера у Тамары, – вкрадчиво начал он. – Что и говорить... Женщина она – шик... Короче, словил кайф по полной программе... – Восхищенно причмокнув, Педро продолжил: – Надо и тебе остаться у нее на ночку-другую. Думаю, получишь удовольствие. – И загадочно добавил: – Как от Глафиры...

Я в толк не мог взять: какое отношение имеет Тамара к Глафире... При чем тут Глафира? И вообще: какое удовольствие можно получить, побывав у сорокалетней женщины? Тем не менее эта неопределенность почему-то сильно задела меня, и я, вопреки собственному желанию, браво бросил товарищу:

- А что? Завтра же и побываю у Тамары. Надо наконец разобраться, чем она дышит...

Педро закурил, похлопал меня по спине:

– Чего же откладывать на завтра? А если сегодня двинуть к Тамаре? Сейчас же...

Он, несомненно, втягивал меня в какую-то аферу, но я, опять-таки вопреки здравому смыслу и собственной воле, немедленно согласился:

- Сегодня, так сегодня... Надо же когда-нибудь этому случиться...

Педро, кажется, несколько удивился такому быстрому решению вопроса; видимо, в его планы входили еще какие-то соображения...

- И вот еще что, Ванюха... Ну, это... Не с пустыми же руками являться к Тамаре...

Тут я растерялся. А как же быть? Цветы нести почтальонше, что ли?

– Ты бы вернулся домой, – посоветовал товарищ, – бутылочку самогона прихватил... Ну, вот. Отправляйся, значит. А я подожду тебя у старой вербы...

У Тамары

На прошлой неделе папаша изготовил литров десять крепчайшего самогона, из которого бабушка отлила себе немного для растирания. Стеклянный десятилитровый бутыль стоял у нас под лавкой и был доступен практически круглосуточно; не раз я был командировал к нему, чтобы наполнить алюминиевую кружку, из которой мы с родителем молча угощались после окончания трудового дня. Но сегодня, когда я, несомненно, воровал самогон, мне пришлось дожидаться подходящей минуты, чтобы подступиться к заветному бутылю.

Вот скрипнула дверь – вошла мать с ведерком: подоила корову; вот бабушка стала искать веник – решила подмести кухню; залаяла собака; с лавки спрыгнул кот; надо было спешить; руки у меня тряслись... За окном стало непроницаемо темно, уже около десяти, а это значит, что у ворот вот-вот зафыркает лошадь – вернется домой папаша...

Улучив момент, я нацедил пол-литра самогона и, сунув бутылку за пазуху, метнулся вон из дома. Педро терпеливо дожидался под вербой: как светлячок, вспыхивал и гас огонек его сигареты. Подойдя ближе, я кивнул товарищу: всё в порядке, мол. Он удовлетворенно потер ладони:

– Давай-ка сюда, родненькую. У меня ей теплее будет...

Я протянул другу бутылку, и мы отправились к Тамаре.

Тамарин дом, как уже говорилось, стоял на окраине села и был похож, на длинный приземистый

ПРОЗА _______ 67

барак. Он еле угадывался во тьме, и несведущий человек легко мог пройти мимо, не заметив его (у почтальонши не было ни забора, ни огорода), если бы не слабый огонек, тускло мерцавший в единственном окошке. Тамара была дома.

Педро поскреб дверь каким-то условным сигналом. Минуты через две в двери со скрипом образовалась небольшая щель. Выглянуло что-то темное, несмотря на теплый вечер, укутанное в темный платок.

- Ты, Петька?
- Я! Я! Кто ж еще?! успокоил ее Педро. С товарищем вот. Посидим. Покалякаем.
- Ну, так прошу. Не занято.

Всходила луна. На озере начали квакать лягушки.

По узкому темному коридору, натыкаясь друг на друга, мы с Педро двинулись следом за хозяйкой. Тут громыхнула какая-то кастрюля, которую я задел во тьме, и Тамара немедленно предупредила:

- IIIa!

Комната, в которую мы попали, небольшая, тесная. (Значительная часть помещения, как выяснилось, была отведена под нужны почты). Лампочка-сороковаттка еле освещала стол и кусок дивана, во всех четырех углах было темно. Непривычно резкий для вошедшего с улицы запах – не то чеснока, не то уксуса. Словом, стоял спертый дух...

- Ты чё, не в настроении, подруга? поинтересовался Педро, устраивая на столе бутылку с самогоном.
 - Зубы замучили, недружелюбно отозвалась Тамара, искоса глянув на поллитровку.
 - А это мы сейчас вылечим! горячо заверил Педро. Вот сейчас же и вылечим!

Тут я и подумал:

«А зачем это я пришел к Тамаре? О чем с ней говорить и как себя вести? И вообще: что делать в этом, заброшенном Богом месте?

Сели за стол.

На правах завсегдатая Педро вел себя раскованно: он потребовал тару, ловко наполнил гранчак, подмигнул нам с Тамарой и произнес:

- Ну, вздрогнем?

У Тамары

(продолжение)

Так как гранчак был один на всех, пришлось вздрагивать по очереди. Тут надо сказать, что буряковый самогон для непривычного человека был отвратительным пойлом. Во-первых, сбивал с толку своим отталкивающим запахом, во-вторых, жег как кислота и лез из глотки назад. Но мы были привычны к этому жуткому напитку, поэтому проглотили его без особых переживаний.

Педро тотчас закурил, Тамара даже повеселела.

- Ну вот, - сказал товарищ, - жизнь налаживается...

Несколько ободренный, я огляделся. Тамарины апартаменты представляли собой скошеный куб в сторону улицы. Здесь не наблюдалось каких-либо излишеств: стол, диван, два стула – спартанская обстановка. На глинобитном полу единственная дорожка, скорее всего, давно не стиранная.

Пользуясь полумраком, я стал приглядываться к Тамаре. Она была невысокой, плотной женщиной с плоским, как доска, лицом, на котором еле угадывался крохотный нос. В темном платке и меховой жилет-ке Тамара походила на какой-то персонаж из сказок моего детства: на какой именно, сказать было трудно. Руки у нее были короткими, большими. Громадная, висячая грудь выпирала из плотной жилетки...

Тут Педро, начиная с хозяйки, пустил гранчак по второму кругу. Дождался своей очереди, выпил, крякнул, подмигнул мне и вдруг сказал:

– Ну, я пошел! Желаю удачи! – и, сунув в рот сигарету, исчез за дверью, ведущей в темный коридор. Сидя за столом напротив, мы с Тамарой остались с глазу на глаз. Впрочем, хозяйка на минуту привстала, затворила за ушедшим дверь, вернулась, уставилась на меня испытующим взглядом. Молчание затягивалось.

- Может, того... еще по одной? предложил я, не зная, как быть, но понимая, что надо что-то делать. Тамара равнодушно посмотрела на бутылку, в которой оставалось уже меньше половины:
- Было бы неплохо...

Обрадовавшись тому, что нашелся выход, я с готовностью наполнил гранчак. Пододвинул хозяйке.

– Пей, соколик, пей, – сказала она. – Я успею.

Мне ничего не оставалось, как только опрокинуть самогон в глотку. В голове начинало гудеть, лам-

НАШЕ поколение

почка на потолке качнулась. Впрочем, веселее мне не стало и смелости не прибавилось. Кажется, я затосковал еще больше.

Хозяйка тем временем на минуту исчезла, и только тут я обнаружил, что комната разделена темной плотной ширмой, за которой она вдруг скрылась. Очевидно, там располагался еще один диван, так как скрипнула пружина, что-то передвинулось, а через минуту Тамара вышла уже без жилетки. Волосы у нее были распущены. Грудь опустилась еще ниже. Женщина в очередной раз вопросительно посмотрела на меня

«Что же делать? – мучительно соображал я. – Что делать? Может, попробовать помять ей грудь? Да нет. Не почувствует...»

Самогона в бутылке оставалось совсем мало, но он как будто уже не интересовал Тамару, так как она еще раз скрылась за ширмой, повозилась там, опять что-то передвинула. Затем вышла ко мне... почемуто в ночной рубашке, из-под которой выглядывали босые ноги. Вновь посмотрела на меня (и будто сквозь меня), потянулась так, что затрещали кости.

«Спать собирается, что ли? - мелькнуло у меня в голове. - А как же я?»

Тут Тамара протяжно зевнула:

- Ну, иди домой, соколик. Толку с тебя, что с козла молока... Бывай здоров!

Через минуту я очутился на улице. Ночь. Звезды. На озере по-прежнему квакали лягушки.

Моя виртуальная девушка

Хоть и не был я воспитан в особых традициях, то есть мало разбирался в том, что такое хорошо, а что такое плохо (тем более в любовных отношениях), интуитивно мне хотелось повстречаться с хорошей девушкой. Я представлял её этаким невесомым белокурым ангелом, почти бесплотным существом. По моим соображениям она обязательно должна быть красивой, тонкой и высокой, с узкой талией и роскошной копной волос. Умеет ли она варить борщ, держать тяпку в руках, если придется обрабатывать «норму», доить корову и пр., мне, разумеется, было безразлично.

Главное чтобы, когда воскресным днем рука об руку мы выйдем в село, все на нас оглядывались и завидовали. Мне почему-то хотелось, чтобы моя девушка душилась крепкими духами и носила короткое платье, чтобы, когда вдруг подует ветер и поднимет это платье, все увидели её красивые ноги. Я бы дарил ей цветы, хоть у нас это и не принято, по крайней мере, я ни разу не видел, чтобы отец приносил цветы матери...

Мне хотелось, чтобы моя девушка читала толстые книги, не пила самогон и не курила, а по вечерам мыла на крылечке в большой эмалированной миске свои красивые ноги, а я сидел бы напротив, смотрел на ее розовые ногти, держал для неё полотенце и знал, что такой волнующий момент повторится завтра, и послезавтра, и ещё много-много раз...

Конечно же, я не был глуп как пень и хорошо знал, что парни моего возраста уже делали своим девушкам кое-какие скромные подарки. Даже Педро, у которого не было вроде никаких серьезных житейских намерений, на днях подарил своей возлюбленной Валентине ботинки фирмы «Зориле». В принципе я не был против подарков, но не находил это главным в отношениях между парнем и девушкой. Мне хотелось, чтобы моя единственная ходила со мной на рыбалку, слушала вместе со мной щебет птичек, которые заливаются на лугах, а когда я поймаю карася или карпа, восхищенно глядела на меня своими большими глазами: вот, мол, какой молодец!

Несмотря на раннюю половую зрелость, тем не менее, я не помышлял о физической близости с моей предполагаемой девушкой в связи с тем, что любым посягательством (прикоснуться, прижать к себе, погладить её) я боялся оскорбить её. Мне было достаточно того, что я мог глядеть на нее, любоваться роскошными светлыми волосами, тонкой талией и длинными ногами. Короче, я вполне мог довольствоваться лишь тем, что она существует в природе, что она есть у меня... Но такой девушки рядом со мной не было... Перебрав в памяти всех сельских девушек, я с ужасом обнаружил, что в селе такой нет...

Донельзя расстроенный, я по-прежнему ходил с матерью на «норму», справлялся по хозяйству, но теперь мне постоянно чего-то не хватало... Никто, конечно, об этом не знал и даже не замечал, что у меня не всё в порядке... Впрочем, реальное отсутствие несравненной девушки с длинными ногами и тонкой талией мне вполне компенсировало моё пылкое воображение...

По выходным дням, убежав на рыбалку, я сидел на берегу озера и не столько следил за поплавком, сколько за солнечными бликами, скользившими по воде. И чудилось мне, что, как по гладкому льду, почти не касаясь водной поверхности, скользит и манит меня за собой моя девушка. Я видел ее то в

профиль, то в анфас, я растворялся в ее светлом отражении на воде, я парил совсем близко, пытался схватить ее за руку – она была недосягаема... И сердце у меня замирало, а душа рвалась неведомо куда, может быть, в заоблачную высь...

Колокольчик на шее какой-нибудь отбившейся от стада овцы возвращал меня на грешную землю. Затем ко мне подходил неторопливый смуглый чабан, просил закурить, и мы, окутавшись вонючим облаком табачного дыма, делали вид, что очень интересуемся тем, как ведет себя поплавок...

Василий Мойдодыр

В воскресенье после танцев меня позвал за клуб Василий Мойдодыр. Он работал поливальщиком в овощеводческой бригаде, потому и прозвали его Мойдодыром. Василий, как и Педро, был старше меня, но, будучи сильнее и выше, я ничуть его не боялся. Мы отошли за угол.

В клубе погасли огни, а по селу заорали песни и залаяли собаки. После освещенного помещения на улице было темно, как в гробу. Нигде ни огонька, на небе ни звездочки. Даже лицо Мойдодыра скорее угадывалось, нежели было видно: он стоял в шаге, в очень удобной позиции для нанесения удара. Но бить меня как будто было не за что.

«Если замахнется, – подумал я, – подставлю на всякий случай локоть. Не хотелось бы, чтобы завтра родители видели меня с фонарем под глазом...»

Ещё какая-то фигура, выйдя последней из клуба, остановилась неподалеку. Присмотрелась к нам, прислушалась.

– Ну что, салага, – угрожающе начал Мойдодыр, – погуливать начал? Когда это, интересно, молоко у тебя под носом обсохло?

После таких слов я имел полное право ударить Василия первым, но мне не хотелось драться, да и следовало выяснить, в чем дело.

- Ты, Мойдодыр, не очень-то наскакивай, предупредил я, не то и сам схлопочешь! Чего тебе надо? Фигура, застрявшая у меня за спиной, пододвинулась ближе.
- «Если их двое, мелькнуло в голове, тяжеловато придется...»
- Чего же это ты, собака, переходишь дорогу старшим? загадочно продолжал Мойдодыр, попрежнему не объясняя, что случилось. – Если ты думаешь, что я круглый лох, то ошибаешься... Не на того напал...

Тут из густой тьмы вырисовался Педро. Он-то, оказывается, и приглядывался к нам.

- Да чего ты, Васька, набычился? освещая сигаретой свое скуластое лицо, поинтересовался товарищ. Ну, я его сводил к Тамаре. Но тебе-то откуда об этом известно?
 - Тамара же и призналась, более миролюбиво прогудел Мойдодыр. От меня ничего не скроешь!

Только теперь я вспомнил, что по вечерам не раз видел, как Василий направлялся к Тамариной хибаре. Перед тем он забегал в магазин, покупал пачку-другую сигарет, бутылку вина. Как Василий проводил досуг на почте, я не знал, но, судя по тому, как он защищал свое место под солнцем, оно было ему очень дорого.

– Ладно, ладно, – еще раз вкрадчиво сказал Педро. – Ну, побывал паренек у... интересной женщины, ну, покувыркался с ней... Не переживай! Всем хватит!

Взошла луна. Стало светлее. Из темноты постепенно, как проявившаяся фотография, показалась встрепанная голова Мойдодыра; в раздумье Василий смотрел в землю, но делить с кем-либо Тамарину обитель, кажется, ему всё же не хотелось.

– Короче, так, – вынес он наконец свой вердикт. – Ни тебя, Петька, ни тебя, соплячек, чтобы я у Тамары больше не видел. Понятно? А появитесь... я за себя не ручаюсь... Понятно?

Мойдодыр до того осмелел, что я даже удивился: ведь нас все-таки двое, и мы могли сделать с ним всё, что угодно, даже в землю втоптать. Как бы там ни было, вопрос на этом был исчерпан, кроме того, нам еще хотелось прошвырнуться по улицам, попугать собак. Надо было расходиться в разные стороны, и Мойдодыр, как бы сомневаясь в нашей с Педро порядочности, уточнил напоследок:

- Так что, по рукам?
- По рукам-то по рукам, поторговался Педро, но ведь даже участковый не может запретить людям бывать на почте... Вот и мы... Ничего ведь не случится, если перекинемся с Тамарой в картишки, чая выпьем...

Василий подумал.

– Но чтоб Тамару не трогать! – снова угрожающе заявил он. – Узнаю, зубы вышибу!

– Ладно, ладно, – успокоил его Педро. – А покуда – прощай!

Несмотря на сумрак, я различил на лице товарища злорадную усмешку. Педро настраивался на очередную каверзу.

Настенька

-|<u>А</u>III|Е поколение

Через три дома вверх по улице проживала девочка Настенька года на два моложе меня, – ей было около четырнадцати. Конечно же, она уже умела варить борщи и жарить картошку, доить корову и многое другое по хозяйству, иногда даже выходила с матерью на «норму», но мне нравились ее длинные ноги и тонкая талия. Ну и, разумеется, легкое короткое платье, в котором Настенька появлялась у колодца... Кроме того, у нее имелась длинная светлая коса, что тоже приводило меня в восторг...

Понаблюдав за колодцем, я установил примерное время, когда Настенька приходила брать воду, подхватывал ведра и устремлялся на улицу. Увидев меня, Настенька поджимала свои красивые пухлые губки, сердито хмурилась и отворачивалась.

«Если б она была равнодушна ко мне, – думал я, – она б так явно не демонстрировала свое безразличие. Может быть, даже бы не отворачивалась, будто бы я ей мешаю. Может быть, даже поздоровалась...»

Меня устраивало то, что Настенька меня игнорирует, так как это о многом говорило. Ну, во-первых, о том, что она заметила меня, что во мне ей что-то не нравится, во-вторых, было бы лучше, если б я не встречался на ее жизненном пути, что я, вообще, в-третьих, мешаю ей жить... И так далее. А я не показывал, что питаю к Настеньке светлые чувства, хотя никогда от нее не отворачивался и в любую минуту готов был пойти на контакт, стоило ей молвить хоть одно приветливое слово.

Так и стояли мы, встретившись у колодца: Настенька с натугой вращала колодезный ворот, я – терпеливо дожидаясь, пока она наполнит свои ведра. Конечно же, я немедленно мог броситься ей на помощь, я даже с удовольствием отнес бы ее ведра к самой калитке, но в нашем селе так поступать не было принято, и какой-нибудь прохожий, вероятно, очень бы удивился, увидев меня с чужими ведрами. Поэтому я лишь беспристрастно наблюдал, как Настенька управлялась с воротом...

И всё же, попроси она, несмотря ни на какие деревенские условности, я подхватил бы ее тяжеленные ведра и доставил бы прямо на кухню! Но Настенька упорно молчала, дулась и отворачивалась, а я не мог перешагнуть через свою дутую мужскую «гордость», чтобы шутливо вступить в диалог...

Я знал, когда Настенька перегнется через колодезный сруб, и без того короткое платьице ее поднимется еще выше, и мне откроется краешек ее белоснежно-розовых трусиков. Я с нетерпением дожидался этого волнующего момента, и сердце у меня учащенно билось, и душа вырывалась из тела, а само тело мелко дрожало...

И она, вероятно, догадывалась об этом, потому как всякий раз, прежде чем перегнуться через сруб, тонкой ручкой придерживала свое короткое платье. Конечно же, это ей не удавалось, ведь, чтобы управиться с ведром, нужны были обе руки, и Настенька со вздохом отнимала руку от своей дивной ножки.

Набрав воды, она молча подхватывала ведра и, почти касаясь меня обнаженным острым плечиком, направлялась домой. В такие минуты меня обдавало ни с чем не сравнимым запахом свеженатертой моркови, а иногда – только что надкушенного спелого яблока (и еще чем-то сладостным), что исходило от Настеньки, и снова внутри что-то млело, кипело и стремилось на волю, на простор, к солнцу... И хотелось обнять всех сразу и каждого в отдельности...

Настенька уходила, а я оставался: обессиленный, обездоленный, обезвоженный (порою забывал, за чем, собственно, явился к колодцу, механически поворачивался и, ничего не видя вокруг, как лунатик, возвращался домой с пустыми ведрами). По ночам она мне снилась. Бывало, взявшись за руки, мы с Настенькой безмолвно парили над нашим селом и озером, над лесопосадками, пшеничными нивами, табачными делянками и свекловичными насаждениями...

Снова Глафира

Со временем Глафира перестала дуться и отворачиваться от меня... Являясь по утрам на разнарядку, она в первую очередь находила меня своими ласковыми ясными глазами, приветливо улыбалась, затем присаживалась на длинную деревянную скамью, готовая выслушать наставления отца. Словно между нами ничего не случилось. Перестали шушукаться и переглядываться остальные женщины-звеньевые. Успокоились. Отвлекали другие заботы.

Как-то мне пришло в голову, что было бы неплохо найти повод поговорить с Глаафирой, может, даже, если повернется язык, извиниться перед ней (правда, я до сих пор не знаю, кто заложил меня Пашке...

ПРОЗА _______

Педро? Мотоциклист, что проезжал мимо лесопосадки?). Мне всё ещё было неловко за то, что произошло, хотя, по большому счету, я как будто был невиновен. Я не мог смотреть Глафире в глаза.

Бежали дни. Настало время второй прополки. Мать по-прежнему брала меня с собой на «норму», но я понимал, что рано или поздно что-то должно измениться. Перед нами, сельскими мальчишками, в то далекое время открывались два пути: сразу же после восьмого класса устраиваться на работу – в тракторную бригаду, на свиноферму, в стройбригаду, либо отправляться учиться на механизатора, шофера, сварщика... Третьего не дано! Дальнейшая наша участь во многом зависела и от родителей; одни отпускали учиться, другие (в силу финансовых затруднений) – сразу же снаряжали своих ребят в трудовой путь... Иди, работай!

Время бежало, и мне необходимо было как можно скорее объясниться с Глафирой. Я хотел сказать, что очень сожалею о том, что ей пришлось краснеть перед людьми, что уважаю и люблю её, что... О многом хотелось поведать женщине, которая отчего-то была неравнодушна ко мне и пошла даже на то, чтобы опорочить своё честное имя, так как по-другому, видимо, не могла... Но удобного случая, увы, не подворачивалось, хоть мы встречались в отцовском дворе почти каждый день, да и в поле виделись постоянно...

И вот однажды, поздним вечером, возвращались мы со второй ломки табачного листа. Вокруг быстро темнело. Кое-где в сереющем небе уже робко проклюнулись первые звезды. Было тихо, как это частенько бывает в середине лета, безветренно. Дневной зной постепенно уступал место ночной прохладе, покою. От продолжительной работы гудели руки, но привычно, может, даже приятно, в предвкушении отдыха...

Глафира поотстала от своего звена, кажется, специально. С тяпкой на плече она не спеша шла обочиной проселочной дороги и как будто ни о чем не думала: взгляд потуплен, плечи опущены. Я никогда ее такой не видел и на какой-то миг даже почувствовал жалость к ней. Оглянувшись по сторонам и понимая, что под покровом темноты на нас не обратят внимания, я замедлил шаг, дожидаясь ее. Глафира приблизилась. Вдруг, подняв глаза, будто впервые увидела меня, вздрогнула.

У меня отнялся язык, я что-то промычал, но взял себя в руки.

– Тут это... – сказал я, пытаясь ухватить ускользавшую мысль, – тут дело такое...

Глафира остановилась и внимательно на меня глянула; да так ласково и нежно, что я отважился:

- Мне бы хотелось извиниться перед тобой, Глаша... За тот случай в лесопосадке... Короче, ты понимаешь...
 - Да за что же извиняться, Ванюшка?! тихо сказала она, усмехаясь.
 - Ну, получилось как-то неловко...
- Не бери в голову, миленький, продолжала Глафира, по-прежнему усмехаясь своими красивыми губами. Да так, что к ним даже прижаться захотелось. Взять да поцеловать...
 - И всё же...
 - Дурачок, сказала женщина. И вдруг положила мне руку на плечо. Да я уже и забыла обо всем...

От прикосновения ее легкой теплой руки по всему моему телу вдруг пробежала мелкая дрожь. Мне стало холодно, потом жарко. Ее полураскрытые губы были так близко, что в неверном вечернем освещении я отчетливо видел ровненькие белые зубы... И я поцеловал Глафиру...

Практикантка Мила

Под неуверенный аккомпанемент Тузика скрипнула калитка, и на деревянную скамью, на которой звеньевые обычно выслушивали отца, шлепнулся большой брезентовый ранец. Через секунду рядом опустилось длинноногое существо в красных штанах. Незнакомка посидела, вздохнула и стала озираться по сторонам, как бы прицениваясь к местным условиям, в которых ей предстояло обретаться. У меня не было никаких сомнений в том, что это и есть та самая практикантка Мила, которую председатель определил к нам на постой.

Из окна я видел, как к ней подошла мать. Практикантка вскочила, о чем-то горячо заговорила; о чем именно, не было слышно, но было видно, как открывался ее рот, взлетали и опускались руки. Может, она была недовольна чем-то. Может, наоборот. Во всяком случае, через минуту-другую мать что-то ей ответила, и они двинулись к пристроечке, что подпирала летнюю кухню: видимо, Мила будет там квартировать...

Так как наступило воскресенье (едва-едва рассвело), я был свободен от всех колхозных и домашних процедур и мог распоряжаться свободным временем по своему усмотрению: сходить на рыбалку либо,

как я уже говорил, перекинуться в каком-нибудь дворе в «дурака». Более занимательных развлечений в деревне не было. Можно было еще, правда, сходить с бабушкой в поле, насобирать корешков, из которых старушка готовила какие-то снадобья, предварительно вымочив в самогоне...

Итак, я стоял у окна и прикидывал, как быть. Мила тем временем выскочила во двор в коротком халатике без рукавов. Первое, что она сделала, – озабоченно прошлась от черешни к груше, которые росли в нашем дворе. Затем, высоко вздымая голые руки, из подмышек которых выглядывали пучки черных волос, протянула от дерева к дереву крепкую веревку. А через десять минут веревка украсилась... целым арсеналом бюстгалтеров, которые в нашей деревне называли «лифчиками»...

Каких только лифчиков тут не было! Белые, розовые, бело-розовые и розово-белые; красные и черные; синие, зеленые, голубые... Мне никогда не доводилось видеть такое разнообразие лифчиков и в таком количестве! Легкие, плотные, полупрозрачные, прозрачные... Широкие, узкие, на пуговицах и крючках...

Управившись со своим интимным хозяйством, практикантка победоносно оглядела двор, увидела меня в окне, усмехнулась и развела руками: ничего не поделаешь, мол, нам, девушкам, так или иначе, приходится иметь дело с подобными вещами... На всякий случай я помахал ей рукой: понимаю, значит! А еще – молодец, мол, хорошо, что не стесняешься! А еще – рад знакомству, располагайся, будь как дома, веди себя, как тебе заблагорассудится...

Выглянула из летней кухни мать. Глянула на веревку, всплеснула руками, но ничего не сказала.

При таком развитии событий я вдруг осознал, что на этом наши с Милой отношения не заканчиваются. Более того: это только начало! Во всяком случае практикантка, скорее всего, не откажется завести шуры-муры, а ее обнаженные руки и плечи, тем более длинные ноги, с первого же взгляда мне очень понравились...

И все же, когда вспомнилась предстоящая рыбалка, мысли о Миле отодвинулись на задний план. С утра мне необходимо было накопать червей, привести в порядок две из пяти донок, которые в прошлый раз запутались в камышах, провиант собрать: хлеб, брынзу, пару луковиц... Учитывая то, что всю неделю я беспрекословно ходил с ней на «норму», мать искоса поглядывала в мою сторону, но не перечила: иди, иди, мол, отдохни! А если рыбки к ужину принесешь, будет еще лучше...

Когда я покидал двор, из пристроечки внезапно появилась Мила. От неожиданности мы остановились и некоторое время почти в упор разглядывали друг друга, но она опомнилась первой. Быстрым движением головы отбросила в сторону клок иссиня-черных волос, весело засмеялась. Как-то просто и естественно протянула загорелую руку:

– Людмила! – представилась она.

И крепко, по-мужски, пожала мне руку...

И опять Тамара

Вечером, когда я прикидывал, что еще можно предпринять сегодня, кроме рыбалки (остаться дома? сходить в клуб?), за калиткой раздался пронзительный разбойничий свист: так мог заливаться только Педро... Я выскочил во двор. Уже было темно, сияли зарницы, взошла луна, у ворот действительно стоял Педро.

- Ну что? спросил он.
- Что, что? удивился я.
- Наловил рыбы?
- Да как тебе сказать?! Пару карасей, пескарей с десяток. Пожарить хватит.
- Так что? неожиданно переключился Педро, закуривая. Двинем к Тамаре?

Уж куда-куда, хоть на край света, но к Тамаре мне точно не хотелось. Ни ногой!

- И что я там забыл?
- Как что? удивился товарищ. Сегодня ведь воскресенье. Посидим. Отдохнем культурно... в карты поиграем....
 - Нет, нет, начал отказываться я, хорошо помня свой прошлый визит на почту. Б-р-р!
 - Но там ведь будет Васька Мойдодыр! с жаром воскликнул Педро. А он-то нам и нужен...

Выходит, не забыл дружок, что задумал насолить Василию. Не на того напали!

– Ну если придет Мойдодыр... – почему-то согласился я, – тогда другое дело...

И пошел одеваться.

Когда мы пришли к Тамаре, Мойдодыр уже сидел за столом с открытой бутылкой вина. Хозяйка, в ночной сорочке, с распущенной косой, появлялась и пропадала за ширмой, как будто готовила постель. Увидев нас, появившихся из темного коридора без стука, они переглянулись.

- Кажется, не ждали? вместо приветствия вежливо спросил Педро. Входить, что ли? Мойдодыр вопросительно глянул на Тамару.
- Входите, раз уж пришли, проворчала та, недовольно дернув плечом.

Как по мановению волшебной палочки, на столе появилась бутылка самогона, которую Педро вдруг извлек из-под полы. Уселись и мы за стол. Судя по всему, Мойдодыр был недоволен: он фыркал как конь, нервно разминал в руках сигарету, морщился, ерзал на табурете. Тамара тоже поджала губы – мы явились некстати и помешали им.

– Что, сразимся? – подмигнул Педро, когда мы осушили по первой. И как фокусник выхватил откудато колоду карт. Игра в «дурака» не входила в планы любовников, но делать было нечего: поморщившись, они переглянулись и составили, как говорится, нам компанию. Раскинули на четверых.

Через какое-то время я ощутил под столом толчок ногой со стороны Педро и понял, что товарищ решил потянуть время. Может, даже до рассвета. Он не спеша тасовал карты, почесывался и позевывал, расстегнул две пуговицы на вороте рубашки, словом, вел себя так, будто ему абсолютно некуда было спешить...

Тамара с Мойдодыром недовольно переглядывались, и, наконец, что-то пробубнив, хозяйка удалилась, зашуршала за ширмой какими-то тряпками, кажется, улеглась. Когда мы остались втроем, умоляюще глянув на Педро, Мойдодыр кивнул головой на дверь: пора, мол, и честь знать! Педро сделал вид, что не заметил этот красноречивый жест, раздал карты по новому кругу. Что ж. Играем.

- Вам, что, не надо завтра на работу? не выдержал в конце концов Василий. Отправились бы домой, поспали...
 - У меня выходной завтра, беззаботно хмыкнул Педро.
 - И у меня, поддержал я товарища, хотя с утра отправлялся с матерью на «норму».

Сыграли еще партейку-другую. Тут Мойдодыр вскочил, хлопнул ручищей по столу:

- Да ну вас к черту! Можете оставаться!

И бросился за дверь.

Мы посидели еще минут пять, и Педро поманил меня на улицу. Покинув Тамарин вертеп, он глотнул свежего воздуха, тронул меня за плечо:

- Ну что? Не дали мы нынче Мойдодыру потрахаться?!

И злорадно захохотал...

Светало.

В предрассветные часы

Не успел я отворить калитку, как услышал во дворе какой-то странный плеск, шлепки по голому телу, довольное повизгивание и покрякивание. Озадаченный, я притормозил. Затем приник к щели в заборе и окинул взглядом подворье, которое слабо вырисовывалось в предрассветной мгле. Со стороны такая картина, наверное, показалась бы забавной: вернувшись с гулянки, юноша изучает свой двор сквозь дырку в заборе... Но в этот ранний час никто мимо не проходил...

Солнце еще не взошло, но лучи, вырывавшиеся из-за горизонта, уже окрашивали двор в бледно-розовые тона, а в этом неверном, подрагивавшем свете, по пояс голая, стояла за своей пристроечкой практикантка Мила. Ничем не поддерживаемые, открытые, как две большие груши, выделялись ее молочные груди, волосы густо рассыпались по широким плечам, смелое, одухотворенное лицо было мне почти незнакомо. Мила, видать, только что сделала зарядку и теперь занималась омовением своего здорового спортивного тела.

Я стоял, как приклеенный, у забора и не мог решиться: войти или нет? Конечно же, было б лучше, если бы Мила не знала о том, что я видел ее в таком виде, неудобно все-таки, и в то же время проскользнуть мимо не было возможности, так как мой путь пролегал именно мимо пристройки, у которой она облагораживала свой девичий стан...

Потоптавшись минуту-другую, я снова заглянул в щель в надежде на то, что Мила закончила. Однако теперь она стояла на невысоком крылечке, всё еще обнаженная по пояс, как бюст, как памятник самой себе, а по ложбинке между грудей (я видел отчетливо, как в микроскоп) медленно скатывалась розовая, а может, янтарная капля, подсвеченная зарей. Я созерцал то, от чего невозможно было оторвать глаз... Белоснежно-розовая грудь, крупные, выпуклые ярко-красные соски... Когда и где еще такое увидишь?!

Меж тем Мила величественно воздела голые руки над головой, поправила волосы, во время чего мелькнули уже знакомые мне темные впадины подмышек; затем со вздохом натянула на свою роскошную грудь один из лифчиков (скорее всего, очень тугой) и исчезла за дверью пристройки...

Весь день перед моими глазами маячила большая Милина грудь. Впрочем, теперь она существовала уже как бы сама по себе. Бездумно поднимая и опуская тяпку, я двигался по кукурузному рядку, а впереди, как мираж, как призрачное марево, возникали и пропадали два ярко-красных соска. Я несколько раз обогнал мать, которая обычно шла впереди меня, и теперь с удивлением посматривала мне вслед. Я встречался глазами с Глафирой, трудившейся неподалеку, и не замечал в них приветливого доброжелательного блеска. Передо мной во всей своей первозданной красе призывно светилась высокая девичья грудь... И ничего больше...

Во время обеденного перерыва, когда мать выложила на белую тряпочку нашу нехитрую снедь, я уставился взглядом на два бледно-серых вареных яйца, которые вдруг стали расплываться перед моими глазами и вскоре приобрели очертания... Большие, крепкие, белоснежные... Мать снова задержалась на мне своими грустными очами и, недоумевая, покачала головой.

Три раза в неделю (по средам, пятницам и понедельникам) заряжала себя физическими упражнениями и омывалась Мила. В эти дни я просыпался задолго до рассвета, всем своим естеством ощущая приближение праздника. Предварительно почихав и откашлявшись, чтобы, не дай бог, не привлечь ее внимания, я устраивался напротив пристройки в сарайчике, где хранилась кукуруза, и с нетерпением ожидал очередного сеанса. Мила не подводила меня: ни разу за месяц – ни в среду, ни в пятницу, ни в понедельник – она не изменила своим привычкам. Даже в ветреный день. Даже в дождь.

Со временем, однако, практикантка, кажется, что-то заподозрила. Теперь она не столько занималась собой, сколько пугливо озиралась по сторонам и задерживала свой тревожный взгляд преимущественно на сарайчике, в котором я прятался. Не то она заметила, как я туда пробирался, не то тут сработала интуиция, так сказать, шестое чувство, которое нередко выручает женский пол в таких щекотливых ситуациях... Не знаю.

С Глафирой на сеновале

Всеми красками всё еще буйствовало лето, но уже чувствовалось приближение осени: началась третья ломка табачного листа, окрепли, округлились в земле сахарные корешки, а кукурузные и подсолнечные делянки превратились в настоящие дебри – выше человеческого роста, непроходимые, темные. Да и дни стали заметно короче; теперь мы возвращались в село раньше обычного, дома тоже надо было успеть кое-что сделать...

В один из темнеющих вечеров вдруг выглянула из кукурузных зарослей Глафира. Кротко кивнула мне: подойди-ка, мол, поближе. Сейчас, в сгущавшихся сумерках, к тому же среди такой высокой растительности, нас, естественно, никто не мог увидеть. Впрочем, я и не опасался, что попадусь кому-нибудь на глаза, я сам стремился к Глафире. Как только мы очутились с глазу на глаз, она глянула на меня в упор (не подведешь, мол?) и опустила слегка подрагивавшую свою руку мне на грудь. Прямо туда, где у меня находилось сердце, которое вдруг часто забилось.

- Вот что, Ванюшка, решительно, хоть и с небольшой запинкой в голосе, начала Глафира, как только хорошо стемнеет, ты подойди к моим воротам... Обещаешь? Придешь, миленький?
 - А Пашка? пересохшим языком вытолкнул я.
 - Что Пашка? как о чем-то постороннем сказала женщина. Нет его в селе. Уехал в санаторий.

И больше не говоря ни слова, как будто вопрос был решен окончательно, как будто я дал согласие и она была уверена в том, что я обязательно приду, Глафира убрала руку с моей груди. Еще раз пристально посмотрела в глаза и исчезла... растворилась во тьме...

Вернувшись домой, я решительно не знал, чем себя занять, чтобы быстрее двигалось время. Подоил корову, дал помоев свиньям, принес несколько ведер воды из колодца, наспех поужинал, – часовая стрелка застыла на месте. Да и вечер вроде был светлее, чем обычно, может, оттого, что взошла луна. Я маялся, не зная, отправляться мне или повременить еще. Меня томила неизвестность. Наконец решился. Хоть и не стемнело окончательно, будь что будет!

Глафира уже стояла за своими воротами, неизвестно с каких пор дожидаясь меня. Поравнявшись с ее калиткой, которая тотчас приоткрылась, я вдруг почувствовал, что меня схватили за руку и мягко, но настойчиво потянули куда-то. Ощутив теплую Глафирину ладонь, я покорно двинулся следом. Сердце у меня бешено колотилось. Вдруг заворчала собака, выбравшись из своей будки; Глафира тихонько шикнула на нее...

Держась за руки, друг за другом мы пересекли большой двор. Вокруг было тихо. В окнах – ни огонька. Многочисленные мелкие постройки во дворе уже еле угадывались – луна закатилась за облака. Даже лам-

почка на столбе, которая обычно освещала мне дорогу, когда я возвращался из клуба, сегодня не горела...

Обдавая жарким дыханием, Глафира дотащила меня до стога сена, заготовленного на зиму. Метнулась куда-то в сторону, вернулась с лестницей. Коротко приказала:

- Полезай наверх!

Через минуту, обвив крепкими руками мою шею, она уже лежала рядом, кроткая, доверчивая, доступная.

Травяной аромат сена, запах близкого женского тела, ее оголившиеся ноги, вдруг освещенные появившейся луной, зовущие губы, руки, обвившиеся вокруг моей шеи, конечно же, сделали свое дело: я сжал ее податливое тело своими непослушными (и неопытными) руками, стиснул в объятиях. Не сопротивляясь, Глафира безмолвно подчинилась мне; она знала, что в этот вечер именно так и случится...

Своей настойчивостью, терпением, любовью ко мне она подкупила меня и имела полное право на все мои помыслы, душу и тело. Зная о том, что я принадлежу ей до самой мелкой косточки, до последнего сустава, она без конца целовала меня и с упоением шептала:

- Мой! Только мой! Теперь никому... никому в целом свете тебя не отдам...

Мила сердится

Помимо того что я за ней подглядывал (по понедельникам, средам и пятницам), мы с Милой редко виделись. Она уходила рано – в одну сторону, я почти в то же время – в другую. Возвращаясь домой в сумерках, мы встречались во дворе, кивали один другому головой и опять расходились. К лифчикам, которые постоянно висели над головой, я привык, утренних же омовений, как и прежде, ожидал с нетерпением...

И вот однажды вечером (после работы, уже в темноте), проходя мимо, практикантка тронула меня за руку. Удивленный, я приостановился. Мила коротко кивнула своей красивой головкой на скамейку, на которой отец инструктировал звеньевых:

- Присядем. Поговорить надо.

Я удивился еще больше: о чем это? Но присел.

Яркий свет из окошка летней кухни упал на решительное девичье лицо, как только та опустилась рядом. Обычно невозмутимо-спокойное, постоянно озабоченное, твердокаменное, сегодня оно слегка подрагивало – Мила как будто была взволнована.

- А если я пожалуюсь родителям? - несколько севшим голосом молвила она. - Как ты думаешь, погладят по головке?

Конечно же, теперь я понял, в чем дело. Практикантка, несомненно, заметила, что по утрам я за ней наблюдаю. Тем не менее я состроил невинную рожу и как ни в чем не бывало невозмутимо уточнил:

– Это чего же ты, Мила, выражаешься загадками? Если уж что-то случилось, говори напрямую. Так сказать, в лицо!

Девушку, кажется, отрезвило мое хладнокровие. В некотором замешательстве она пошевелила тонкими бровками, пожевала былинку, которую вытащила из своего блокнота.

- Как будто ни о чем не знает...
- И даже не догадываюсь! подтвердил я с тем же убийственным самообладанием.

Мила еще раз строго изучила меня, начиная с шевелюры. Потом вдруг подобрела, усмехнулась, и мне показалось, что не за тем она остановила меня, чтобы попугать родителями. Нет, не за тем! Но зачем же? Мне оставалось только ждать продолжения разговора.

- Выходит, ты тут не при чем, сказала Мила, задумчиво глядя на звезды, которые уже усеяли небо.
- Ну... не сдавался я.
- А если честно?
- Ну... почти согласился я.
- Значит, все-таки подглядывал?! воскликнула Мила с таким торжеством, будто получила долгожданный подарок.
 - Ну... в третий раз промычал я.
- И тебе не стыдно? продолжала девушка, но чувствовалось, что ее устраивало то, что между нами происходило. Ей и самой, кажется, ничуть не было стыдно. Может, даже наоборот: ей хотелось продемонстрировать свою великолепную грудь!

Мы помолчали, собираясь с мыслями.

А вокруг утверждалась ночная жизнь. Почти над нашими головами пронеслась летучая мышь, вдруг завели свою нескончаемую песнь невидимые цикады, на озере собирались в хор лягушки... Плыла луна,

сверкали звезды. И хотелось куда-то бежать... И хотелось плакать... А может, петь... А может, смеяться... Но не сидеть же вечно, не зная, как быть!

– Ну ладно, – с каким-то неясным сожалением молвила Мила. – Так и быть: не буду на тебя жаловаться... Хотя стоило бы!

Она задержала на мне поощрительный прощающий взгляд, в котором сквозила некая загадочная тайна (какой-то неясный для меня намек), вздохнула и, ничего больше не выясняя, медленно побрела к своей избушке на курьих ножках, то бишь к пристройке. Мила уходила так, будто ей вовсе не хотелось уходить: а вдруг еще окликнут? Даже оглянулась: не двинулся ли я следом?

Но я сидел, озадаченный, не понимая, чего от меня требовалось. А то, что Мила на что-то надеялась, не вызывало сомнений... Чего же она хотела добиться в самом-то деле?

Цветы для Настеньки

В моей деревне (вы об этом уже знаете) не дарили женщинам цветов, и меня очень занимало то, как отреагирует на такое явление, ну, скажем... Настенька? Почему именно Настенька, а не Глафира, Мила или, допустим, Тамара? Дело в том, что в моем воображении ни Глафира, ни Мила, ни даже Тамара – грубые, невосприимчивые, обгоревшие на солнце – не гармонировали (не составляли целостной картины) с каким бы то ни было букетом цветов. А вот Настенька – светлая, воздушная, сама как цветок, – вполне дополняла собой любое соцветие. К тому же она и обрадовалась бы василькам или лютикам, наверное, больше, чем кто-нибудь другой...

Конечно же, кроме простого любопытства (в отличие от Тамары, Милы и Глафиры, с которой даже имел телесную связь), к Настеньке я испытывал нечто более возвышенное, обожествлял ее, что ли. Она была для меня каким-то неземным созданием, вроде маленькой феи, которая парит над лугами и питается цветочным нектаром. Другими словами, цветы для Настеньки должны составлять часть ее жизни, быть естественной средой, к которой она привыкла и без которой жить не могла... Так думал я, прикидывая, каким образом подсунуть этой удивительной девочке хоть один-два лепестка какой-нибудь полевой ромашки.

И вот как-то среди подсолнухов, которые мы пропалывали в третий раз, я наткнулся на целую поляну каких-то ярко-красных, похожих на полевые маки, незнакомых цветов на высоких стеблях. В другое время я равнодушно прошел бы мимо них или, хуже того, прошелся по головкам своей острой тяпкой, но сейчас, поглощенный мыслями о Настеньке, невольно остановился. А что, если...

Недолго думая, я накосил тяпкой целый сноп огненно-рыжей зелени (в зеленых резных листочках), но тут же растерялся: как же доставить эту роскошь в село, чтобы никто не заметил? Тем более не хотелось мне, чтобы мою охапку увидела мать. Кому приятно, когда начнут расспрашивать: что за букет? Зачем? Кому? Да и не принято было в нашей жесткой сельской среде возиться с цветами...

Я накинул на букет белую тряпочку, в которую мать заворачивала хлеб и сало, сунул на дно мешка, а сверху набросал травы, припасенной еще днем для кроликов. Теперь оставалось дождаться вечера, который как всегда задерживался (день в поле тянется нескончаемо долго!), и со спокойной душой отправиться домой...

Не буду долго рассказывать о том, с какими ухищрениями пришлось мне действовать далее. Скажу лишь о том, что, когда уже начало темнеть, я подхватил ведро, сунул в него букет, тотчас очутился у колодца, а затем и у Настенькиных ворот. Оглянувшись как вор по сторонам, я убедился, что улица наша безлюдна, и быстренько засунул цветы между досок в калитке. Отошел даже на шаг, полюбовался: всё было в полном порядке. Теперь необходимо было спрятаться за угол и ждать...

Настенька появилась внезапно, именно в ту самую минуту, когда я ее меньше всего ожидал. К тому же она возвращалась домой. Мой букет сразу же бросился ей в глаза. В первую секунду, увидев цветы в щели своей калитки, девочка, кажется, растерялась. Застыла как зачарованная, не решаясь протянуть руку. Подумала. Поглядела по сторонам.

Я не дышал.

Настенька тем временем пришла в себя. Бережно, словно драгоценность, вынула букет из калитки, прижала его к своей маленькой груди, затем погладила каждый цветок, понюхала. Вздохнула.

Я стоял за углом ни жив ни мертв, и мне очень хотелось броситься к ней. Обнять, повернуть к себе милым личиком, заглянуть в сияющие глаза. Но я знал, что этого не следует делать. Я мог спугнуть Настенькины грёзы. Я понимал, что именно сейчас она стала намного старше, и ощущал, как просыпаются в ней чувства: кажется, с этой минуты начиналось ее девичье время...

Игорь ХОМЕЧКО

ПРОЗА

Опоздала

это бесцветное, полинявшее под непосильным гнетом тяжеленных, точно гигантские обломки исполинских скал, свинцово-серых туч, безжалостно придавивших своим чудовищным прессом беспомощный город, утро редкие, зябнувшие в своих пальтишках, прохожие невольно ускоряли свой шаг, спеша проскользнуть побыстрее сквозь мглистую, промозглую неують. Дождь недавно закончился, истерично и торопливо отхлестав множеством мелких струйпощечин унылые пепельные дома, словно в детском испуге перед непогодой поплотнее жавшиеся друг к другу. А потом гневный запал иссяк, и некогда полные неуемной энергии, тугие и яростные струи,

враз обмякнув, вяло и безжизненно смешались с серой землей, превратив ее в вязкое, прожорливое, хищно чавкающее под ногами месиво, грузно осев бесформенными лужами на асфальте. Алчный, пронизывающий сквозь любые одежды до костей мириадами острых сосулек ветер, казалось, жаждал высосать из своих случайных жертв жалкие остатки тепла.

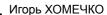
Невольно поежившись и тщетно закутавшись в свой франтоватый, нисколько не спасающий от северного ветра шарф, я, повинуясь общему ритму, тоже ускорил шаг, почти пробежал по разодетому лужами в леопардовую шкуру перекрестку, провожаемый злорадным шелестом изламывающихся немыслимой дугой крон донельзя разгневанных деревьев, и торопливо юркнул в первый попавшийся двор, не столько в надежде сократить путь, сколько – чтобы хоть как-то спастись от хулигански настигающего меня ветра. Разбойник-ветер с досадой от упущенной жертвы что-то разгневанно прогудел мне в спину в узкую щель между двумя плотно сдвинутыми почти впритык друг к другу соседними пятиэтажками, похожими, как близнецы.

Во дворе и впрямь царило безветрие, и я с облегчением перевел дух. Вот ведь странно, сколько ни ходил по этой дороге, а здесь бывать как-то ни разу не приходилось. Хотя, если вдуматься, в этом как раз ничего странного: дворик уводил в сторону от привычно затверженного наизусть, как таблица умножения, до последней колдобины, маршрута, проверенного многолетним опытом, геометрически правильного и тщательно выверенного временной целесообразностью. Сколько раз я, равнодушно скользнув рассеянным взглядом по острому углу двух поблекших от времени близняшек, пролетал мимо, как всегда суетливо, торопясь в тщетной попытке наверстать все ускользающее от меня время, строго по кратчайшему пути, и ни разу ни полюбопытствовал, что же там, за этим углом.

Я с интересом осмотрел дворик, в котором, по большому счету, не было абсолютно ничего примечательного: обрамленный по периметру четырьмя клонированными пятиэтажками, расположенными строго симметрично друг другу, он представлял собой стандартный и оттого безликий типовой дворик, коих было предостаточно в городе. Даже продовольственный магазин, приютившийся в торце одной из пятиэтажек, и тот был расположен на привычном глазу месте. Типовая застройка была настоящим бедствием этого города, да и многих подобных ему городов, торопливо слепленных во второй половине минувшего столетия, начисто отбивая охоту к бесцельным прогулкам. Зачем ходить куда-то, чтобы увидеть все то же, что можно наблюдать из распахнутого окна собственной квартирки? Возможно, в этом однообразии был свой тайный расчет, свой смысл, зачем отвлекать граждан изысками городской архитектуры, с тем, чтобы они впоследствии тратили на созерцание этих красот свое драгоценное время.

Я уже хотел было равнодушно отвернуться, но тут в самом дальнем углу двора, у одного из угловых подъездов, вдруг заметил поразившую меня картину: одинокую женщину, неподвижно застывшую в тишине у простенького гроба, установленного на двух стареньких, колченогих табуретках. Не было ни оркестра с подобающим в таких случаях реквиемом Шопена, не было ни окружающей толпы родственников или даже просто зевак, и от этого фигурка женщины казалась еще более беспомощной и трогательно одинокой в своем горе.

Я подошел ближе. Лицо усопшего казалось каким-то невероятно живым, поражало своим спокойствием и безмятежностью, бледность только придавала дополнительную выразительность его, в общем-то, при жизни ничем не примечательным чертам, а шевелящиеся на ветру упрямые локоны на его лбу и чуть поднятые кверху уголки губ, точно в неком подобии улыбки, и вовсе делали

НАШЕ поколение

картину какой-то неестественно гротескной. Казалось, вот-вот, и веки его дрогнут, он откроет глаза, удивленно оглядываясь по сторонам, не понимая, что же он забыл в этом неуютном гробу, словно старый актер, склеротично перепутавший роль.

Вблизи женщина, окаменело застывшая с правой стороны гроба, цепко обхватив своими руками скрещенные на груди руки покойного, поражала еще больше. Ее резной, точеный профиль был исполнен столь неуместными здесь красотой и достоинством. Бездонные, выразительные глаза, полные внутреннего страдания, ни на секунду не отрывались от лица покойного, губы ее все время беззвучно шевелились: то ли она шептала молитвы, то ли пыталась разом досказать усопшему все недосказанное ранее.

– Эх, голубушка, опоздала! – внезапно раздался чей-то сожалеющий возглас за моей спиной.

Я вздрогнул и резко обернулся. Передо мной оказалась низенькая старушка из той породы, кого обычно называют божьими одуванчиками. Сколько себя помню, эта порода никогда не переводилась, тихо и незаметно обитая во дворах, будучи зачастую ровесницей самих этих дворов, их естественным приложением и неотъемлемым дополнением. Несмотря на свою неприметность, она всегда была в курсе всего происходящего в округе, ни во что не вмешиваясь и, удивительное дело, само ее присутствие во дворе обычно успокаивало, будто ее представительницы были этакими древними Берегинями, незаметно для глаза оберегающими покой. И внезапное исчезновение этих Берегинь было бы весьма заметным и, как правило, предвещало какую-то катастрофу, пусть не вселенского, так дворового масштаба.

- Дочь? уточнил я для поддержания разговора, кивнув в сторону скорбящей женщины, поскольку она выглядела минимум лет на двадцать младше усопшего.
- Что ты, милок, огорошила меня старушка, взмахнув рукой, у Митрича и детей-то никогда не было, царствие ему небесное.

Она торопливо перекрестилась, невольно взглянула на застывшую женщину и продолжала:

- Не дочь, любушка его заветная, мечта всей его жизни.

Я вновь с интересом взглянул на женщину и только теперь заметил застывший поодаль траурный катафалк, подле которого нервно курили несколько мужчин с помятыми лицами. Один из них нерешительно подошел к женщине и что-то проговорил, но она и бровью не повела, нисколько не изменив своей позы. Помявшись, мужчина отошел от нее, закурив очередную сигарету.

– Почитай, третий час так стоит, горемычная! – вздохнула старушка, еще раз перекрестившись. – Да, не дала судьбинушка счастья ни ей, ни Митричу.

Увидев мой неподдельный интерес и обрадовавшись долгожданному слушателю, она потащила меня на сизую неуютную лавочку, стоящую чуть поодаль. Мне же так захотелось услышать эту историю, что ради этого я был готов пожертвовать уже порядком волглыми в такую погоду джинсами, немедленно впитавшими всю сырость лавочки.

- Марфой меня зовут, мил человек, наконец представилась старушка и, пропустив мимо ушей мои дежурные восклицания в ответ, продолжала: Я ведь соседка Митрича. Уж и сама запамятовала, сколько лет нос к носу, да через стеночку! Ох, и чудной Митрич был, прости, Господи! Хоть и правильный. Он ведь был из энтих, энтелехентов, что ль, а работал ночным сторожем, чудно, правда?
- A скажите, почему у гроба только эта женщина, спросил я, закуривая сигарету. Где его друзья?
- Так нету у него друзей-то... начала было Марфа, осеклась, покосившись в сторону гроба, вздохнув и перекрестившись. Ох ты, Господи, никак не привыкну: о Митриче-то, да в прошлом! Не было у него друзей. Он давно уже всех сторонился. Не любил Митрич общаться. Он и сторожемто стал, чтоб никого не видать. Замкнут он был больно, гостей не любил и не звал. А только както раз прихватило сердечко, а валидол-то, как на грех, кончился, ну, стучусь к нему, он открыл, сразу все понял по моему виду и побег за валидолом. Ну, я в квартиру, а там батюшки-святы! По всей квартире развешены портреты вон энтой голубушки! Много не сосчитать даже! А я-то думала раньше, с кем он там разговаривает, сам с собою, что ль, а тут вона какое дело! Стеночкито в нашем доме тонкие, Митрич мужик хоть и с виду не очень видный, да правильный, непьющий, негулящий, нехулиганистый, да и я была тогда еще видная, она невольно приосанилась, продолжив: Интересовалась я им, а он так ноль внимания. Ну, бывало, и слушаю, о чем он там шепчется, прости, Господи, душу грешную! И диву даешься: Митрич, на людях-то скупой на слова,

даже «здрастьте» из него клещами надо было вытягивать, а тут, с портретами, мог часами беседовать! И каждый день беседовал, и молился за нее, и удачи ей желал каждое утро. Любил он ее очень сильно, так любил, что все остальное ему было без интереса. Ах, кабы меня хоть кто хоть разочек в жизни так любил! – она мечтательно закрыла глаза.

- А как они познакомились? наконец удалось вклиниться в монолог старухи.
- Так откуда ж мне знать, голубчик? удивилась Марфа. Это было еще до того, как он вселился в наш дом. Погодь, дай Бог памяти, это было в аккурат, когда столицу запучило.
 - Что, простите? искренне подивился я, поперхнувшись дымом от сигареты.
- Ну, помнишь, милок, когда Мишку пятнистого-то в Крыму держали, а по телевизору все одни балеты крутили, а потом, когда вернулся пятнистый, долго говорили, мол, пучит, пучит...
- Путч, что ли? для верности переспросил я, быстренько прикинув в уме, что это было 23 года назал.
 - Во-во, ну я же и говорю, пуч, обрадовалась Марфа.
 - И что же, так и жил все это время? поразился я.
 - А так и жил, мил человек, кивнула Марфа, так и жил.

Тем временем один из мужчин у катафалка, не выдержав, вновь подошел к женщине, но она опять его проигнорировала. Но только он попытался взять ее под локоток, как она мигом взорвалась, гневно сверкнув своими бездонными глазищами, прокричав, что заплатит им за целый день работы, но только сейчас пусть они оставят ее в покое. Не ожидавший этого взрыва мужчина мигом отлетел к своим приятелям, ошарашенно покачивая головой и что-то чуть слышно бормоча им, видимо, про того, что у клиентки совсем съехала «крыша», что день решительно незаладился и извечный распорядок ритуала безнадежно нарушен. Женщина же вновь вернулась в прежнюю свою позу и продолжила беззвучный разговор – теперь-то я отлично понимал, что это был именно разговор, а не молитва.

- И что же было дальше? уже нетерпеливо спросил я старушку, уж больно хотелось услышать конец этой истории.
- А дальше, милок, намедни встречаю я Митрича, да такого, каким никогда еще его не видела! Отбросил он свою неразлучную палку, нет, она и раньше-то ему нужна была не для ходьбы, а так, хулиганов отпугивать иль не в меру любопытных. Гляжу: батюшки-святы, Митрич-то в костюме, отутюженный, отглаженный, одеколоном за версту, да не нашим, тройным, а заграничным! А на лице впервые за все энти годы улыбка! Это у Митрича-то улыбка, да я б скорей поверила, что медведь умеет улыбаться! Ну, я так и села на вот эту же лавочку вот это да, батюшки-святы, чудеса, да и только! А в руках у него большущий такой букетище красных роз! Я даже глазам сво-им не поверила, спрашиваю: «Митрич, ты?». А он как засмеется: «Да я это, Марфуша!». И хвать меня в охапку, так сдавил, леший, что я чуть Богу душу не отдала. Закружил, а потом поставил на землю и говорит, мол, его любимая, наконец, прилетает к нему, что все не зря, что он счастлив и теперь заживет всем на зависть, на полную катушку, закончились, мол, годы сна-ожидания. И что меня пригласит на свадьбу, каково, а? Ну, я ахнула, что у него в квартире-то, поди, мужицкий кавардак, что надо бы прибраться к приезду невесты. Взяла швабру, тряпку, и ну за дело, через несколько часов все блестело, вот что такое женская-то рука!
 - А дальше? Что было дальше? подгонял я, плененный этой историей.
- А дальше, тяжко-то и вспоминать, прости, Господи, горестно вздохнула старуха. Когда Митрич уж наряжался в аэропорт, чтоб встретить, как полагается, раздался звонок в дверь. На пороге стояла она, голубушка, смущенная донельзя, слова не могла вымолвить. Уж не знаю, чего там в дороге произошло, может, самолет прилетел раньше, может, не утерпела, да взяла билет на другой самолет. Ну, Митрич, как ее увидел, застыл, как столб, потом опомнился, схватил букетище и опрометью кинулся к ней, на лету перевернув вазу, испоганив пол, который я только выдраила. Долетел, сграбастал ее в охапку, обнял изо всех сил. Заметил, милок, глаза у голубушки? Как магниты. Так и Митрич, обнял и все не мог оторваться от ее глаз, неуклюже мычал что-то, как медведь, ошалевший от счастья, вылезший из своей берлоги. Знаешь, милок, когда люди очень любят друг друга, они целуются глазами, Марфа опять мечтательно прикрыла глаза, вздохнула и продолжала: Это был самый долгий поцелуй глазами на моей памяти! А потом Митрич вдруг внезапно захрипел, его как-то повело вбок, он обмяк и навалился на голубушку. Если бы не объятья, он бы рухнул на пол. Голубушка растерялась, не поняла еще, что произошло. Ну, я сразу

во ______ Игорь ХОМЕЧКО

смекнула, подлетела к ним. Положили мы его на диван, а он уж кончился, бедняга, – старушка наконец зарыдала в голос, раскачиваясь из стороны в сторону.

Я дал ей выплакаться, вздохнул и протянул:

- Значит, он умер от счастья.
- Вот ведь жалость-то какая, все эти годы он ждал энтого счастья и не успел его отведать толком. Опоздала, голубушка, опоздала! Горе-то какое, горе, – продолжала всхлипывать старушка.

Тут стоящая неподвижно женщина вдруг покачнулась и рухнула на гроб. Мы с Марфой наперегонки кинулись к ней, подхватив под руки обмякшее, отяжелевшее тело, оттащили ее на скамеечку, на которой только что сидели сами. Пригляделись: слава Богу, дышит, просто обморок.

Грузчики у катафалка повеселели: теперь ничто не могло помешать им завершить этот этап привычного ритуала и затащить гроб в прожорливые недра зловещей машины. Они отработанными движениями проворно подхватили гроб и мигом запихнули его внутрь, остановившись и вопросительно взирая на нас, что, мол, делать дальше.

– Ну, бывай здоров, мил человек, – решительно заговорила Марфа, – а нам пора ехать. Голубушке одной не справиться, вишь, вон как прихватило. Да и мне грех не проводить в последний путь хорошего человека, которого я знала много лет. Царствие ему небесное, чистая была душа, Господи, – она в очередной раз размашисто перекрестилась. – Я бы в любом случае проводила в последний путь, да вот с тобой тут поговорила, чтобы дать время голубушке побыть с ним наедине. В последний раз побыть, – она вздохнула, бережно подхватила еще не пришедшую в себя женщину и довела ее до катафалка.

Им помогли усесться в машину, и катафалк медленно тронулся через двор, разбрызгивая лужи, в изобилии скопившиеся в колдобинах старенькой дороги. «А погода-то под стать случаю, словно скорбит по Митричу», – подумал я, смотря им вослед, сидя на лавочке, затягиваясь очередной сигаретой.

ДЕБЮТ_ 81

Максим ЛИПЯНЧИК

Родился в 1987 году в г. Севастополе. Окончил Севастопольский военно-морской институт им. П.С. Нахимова, по специальности - инженер-радиотехник. Стихи начал писать в 2009 году. Любимый поэт – Гумилёв.

Привет, Джорджик

Привет, Джорджик, Почему не виляешь хвостом, Почему не рад мне? Не узнал? Ну вспомни, вдвоём, От дождя под мостом, Мой пополам съели обед. Ну, сторонились вначале, Но общий кусок нас подружил И пасмурный день стал немного светлей, В глазах чуть менее стало печали, Но они всё же сказали:

«Да, брат, это жизнь». И в этот дождь

Во всём мире не было хлеба вкусней.

Но чего ты ждёшь?

Почему не оближешь мне руку, Обиделся, что не пришёл вчера?

Ну, извини, не мог, хотя вру,

Реально было делать нечего.

Зачем лежишь ухом к асфальту,

Мои шаги хочешь выслушать?

Не надо, я тут!

Разве не слышишь, полную миску

Костей перед тобой ставлю?

ну же,

вставай, друг!

Одна строка, десять букв

«Люби меня, ну!». Одна строка, десять букв, Обещанье наслаждений и мук, Люби её, ну! Горе и радость, Дели с ней всё поровну. Чувства её Воспринимай как данность, Рискуешь ночью уснуть, А поутру Не увидеть этот статус в контакте, И поиск активный, Заменит их череда новых букв. Алфавита солдат отряд грянет, В слова «люблю тебя, милый», И в статус новый «есть друг».

Лилии

Через, в себе, пустоту, Пропуская страх, Чувствую боль, ножа остроту, Она наяву, Она и во снах. Сквозь любви, колючую проволоку, О тебе мыслей, дубинок строй, Протащу себя, душу свою выволоку На праздник чужой, под не мой салют. И за здравие от чистого сердца выпью я, Слёз из глаз, закушу комом в горлУ И с размаху ту рюмку вдребезги, Будто под дождём стою, под её осколками, Эх, бумажный цветок я, алые лепестки, Твоей нежной рукою скомканный, А я в свист и в пляс, да по кругу пойду, Только меня и видели, И, упившись своими строками, В предрассветный час упаду, усну, По-над озером, где туман и лилии. Образом, Спящим разумом реальность выдумаю, Может, хоть там

По настоящему из себя тебя вытравлю я. Прозою,

Наяву заряжу обойму, затвор щелкнет рифмою,

Остановим иллюзии,

Они не нужны нам обоим,

Давай ты, сам не выстрелю...

...Через, в упор, выстрел,

Чувствами истекая,

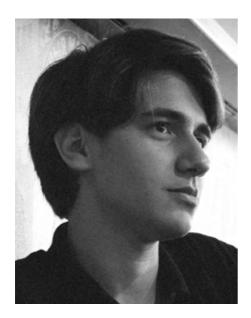
Шаркая шагами быстрыми,

От тебя убегаю,

От тебя, родная.

Алексей ЕРШОВ

Родился в г. Кишиневе. Начинающий прозаик. Приверженец творчества потерянного поколения. Писать начал два года тому назад.

Лишний ноль

удучи мальчишкой, я любил смотреть фильмы про будущее. Главные герои в них разъезжали, нет, летали на сияющих машинах, а во время ужина я уговаривал отца купить такую же. Он посмеиваясь, говорил, что таких пока не делают, но в будущем – обязательно. Моей радости в тот момент не было предела. В те времена каждый второй ученый с чудной прической и в очках обещал, что к 2020 году любой среднестатистический гражданин планеты Земля сможет позволить себе машину, что передвигается не по дороге, а над ней.

Но в 2020-м не стало ни летающих машин, ни моего отца.

Я никогда не был особо впечатлительным человеком, поэтому, напиваясь в спорт-баре, встретил 2021-й словами «Что ж, жаль».

С отсутствующей мотивацией и целью в жизни окончил военную службу и стоял среди таких же, как я, не зная, что буду делать дальше. Нас поблагодарили за службу, а меня даже похвалили. Тучный генерал с лысиной, скрытой под фуражкой, предложил мне, по его словам, лучшему из солдат, а как по мне, так просто человеку без родных и близких, поучаствовать в эксперименте. Он изложил суть и условия. Обратной дороги не будет, топлива хватит на один «скачок», на сто лет вперед, в будущее. Земля ушла у меня из-под ног. Мой ответ был очевиден.

Три месяца меня и еще трех кандидатов тестировали – я оказался лучшим. В тот момент больше всего мне хотелось поблагодарить отца за его слова «Ешь пшеничную кашу, она не сделает из тебя мужчину, но благодаря ей – ты будешь на него похож».

Меня не столько интересовал корабль, что мчится быстрее скорости света, сколько летающие машины. За день до полета, лежа в кровати, я фантазировал, как летаю на красном форде в солнечных очках и сигналю проходящим мимо девушкам...

Не задумываясь, подписал все документы, кивал на все, что говорили, ждал момента, когда же меня наконец усадят в кабину корабля, который доставит к единственному, что у меня в жизни осталось – к моей мечте.

В этом времени меня больше ничто не удерживало, я даже не удостоил его чести оглянуться, перед тем как сел в корабль. Да и ничего бы не разглядел, полет был экспериментальным и не оглашался, вылет ночью.

Я был крепко пристегнут к креслу, на экране появились цифры и отсчет, всего минута. Одна минута. Мне оставалось только ждать, ждать сто лет и одну минуту. Когда экран показал ноль, корабль взлетел в небо и с огромной скоростью уносил меня от привычного, заурядного, бессмысленного. Выйдя на орбиту Земли, корабль стал стремительно набирать скорость. Когда он совершал круг за 80 секунд, я подумал о том, что даже такой мечтатель, как Жюль Верн, услышав об этом, обвинил бы меня в сумасшествии.

На секунду я ослеп, а когда зрение вернулось, обнаружил, что кровь идет носом. Решив, что уже прибыл, отстегнул ремни, встал и направился к иллюминатору. Моя родная Терра напоминала сморщенный апельсин. «Что ж, очень жаль».

21210.

Алексей ЕРШОВ _____

Лишний ноль в расчетах, людям свойственно ошибаться, даже тем, кому не дозволено. Я никогда не был особо впечатлительным. В базе данных отыскал ближайшую черную дыру и направил корабль в ее сторону. Включил лучшие хиты Тома Джонса и сел в кресло.

Такого не случалось

Очень хотелось домой. Я купил билет на вокзале Сан-Себастьяна на ближайший поезд в Денвер. Он отходил в половину девятого вечера. Было уже довольно темно. Мне часто приходилось ездить на поездах, и должен отметить, что это один из самых интересных маршрутов. Тихий океан, пальмы, заснеженные вершины, но, к сожалению, было темно и населенные пункты проезжали редко, разглядеть что-то было сложно. Вагон был переполнен, через два часа все пытались заснуть, кроме нескольких людей. Мужчина в шляпе в дальнем конце вагона читал газету, две дамы в трех рядах от меня болтали без умолку, и мой сосед. Этим соседом был мужчина лет сорока, с неухоженным лицом, в мятом коричневом костюме. Каждые пятнадцать минут выходил курить, и ужасный запах от его сигарет оставался, даже когда тот уходил. Он не производил приятного впечатления, и мне как-то не очень хотелось заводить беседу, и ему, должно быть, тоже. Мой сосед ни разу не посмотрел в мою сторону, словно меня и вовсе не было. Вскоре я попробовал заснуть, но ничего не получилось. И этот запах убивал меня.

За окном ничего не разглядеть. Было ужасно скучно.

- Не найдется прикурить? спросил я у него с иронией.
- Найдется.

Мы вышли в тамбур. Когда курили, было очень шумно, я с ним не говорил. Вернувшись, спросил, чем он занимается.

- Продавец автомобилей, ответил он.
- Никогда бы не догадался, с нарочитым удивлением сказал я.

Выяснилось, продавец автомобилей едет к больной матери. Он был у отца, тот сидит в тюрьме за налет и убийство. Сказал, что видел самого Аль Капоне. Думаю, это правда. Заговорили о компьютерах, о политике, о бейсболе. Сказал, что его отец родом из Чикаго и всегда болел за Кабс, поэтому он тоже болеет за Кабс. Но я был большим фанатом Янкис и потому не любил Кабс.

Он спросил меня о моей любимой команде, пришлось соврать, что родился в Торонто, и бейсбол не очень люблю, хотя время от времени смотрю. Мне не хотелось вступать с ним в спор, ведь нам предстояло еще долго ехать. Я решил сменить тему и спросил:

- Вы читали новый роман Хемингуэя, «По ком звонит колокол»?
- Знаете, нет. Слишком люблю жизнь, чтобы любить Хемингуэя.

Я отвернулся и посмотрел в окно, чтобы он не увидел, как меня это разозлило. Мне так хотелось ему сказать, что Кабс худшая команда из всех, но я не сказал. В его словах был смысл. Мы молчали и оба смотрели в окно, видели свет из окон домов, расположенных недалеко от железной дороги, я уже проезжал это место и знал – за ними был Прайс Каньон, очень красивое место. Я постарался что-нибудь разглядеть.

Каньон разглядеть не удалось. Я увидел зависший в воздухе летательный аппарат. Размером он был с автобус. Решил было, что это испытания какого-то самолета, но на то похоже не было.

Летательный аппарат имел форму, напоминающую дирижабль, у него были огромные окна. Его окантовывала полоса из очень ярких, но не слепящих, синих огней. Глаза очень уставали смотреть на них. Он повис над одним из домов. Его было видно очень отчетливо.

- Вы видите?
- Да, вижу, ответил мой сосед.
- Должно быть, одна из тех штуковин, о которых пишут в желтой прессе.
- Я слышал, что они похищают людей.
- Я тоже такое слышал, но в основном от повернутых или бродяг.
- Но мы ведь с вами не повернутые бродяги?

Поезд ехал все дальше, и летательного аппарата больше не было видно.

Я осмотрел вагон, спали все, кроме мужчины, читающего газету. Он отвернулся от окна и долго смотрел мне в глаза, потом вернулся к чтению.

- Знаете, я никому об этом рассказывать не буду, подумают еще что у меня не все дома.
- Я тоже никому не расскажу, ответил я, должно быть, поэтому об этом не пишут в приличных газетах. Люди, увидев, не хотят рассказывать, а те, кто не видел, не хотят слушать.

да ______ Алексей ЕРШОВ

- Вы, похоже, верите в конспирологические теории? Таких тоже не слушают.

Я отвернулся и долго смотрел в окно, пока не заснул.

О случившемся никому не рассказывал, со временем решил для себя, что этого не случалось.

Художник

- ...то был прекрасный человек, сказал он. Он был мне лучшим другом
- Когда это случилось?
- Шестнадцать лет назад. Правда, кажется, будто и не случалось.
- Расскажи мне о нем...
- Расскажу. Я познакомился с ним в Пескара, когда ездил на свадьбу сестры. Она вышла за итальянца Паоло, очень хороший парень. У них была большая вилла.

Шумные компании я всегда не любил, ты это знаешь, поэтому, увидев натиск моих новоиспеченных родственников, шумно проводящих время в компании моих старых, решил прогуляться и прийти к началу церемонии. От виллы моей сестры я спускался вниз по улице около полумили.

Остановился у маленького кафе. На террасе сидели двое хорошо одетых молодых людей, оба походили на студентов лиги плюща, они громко смеялись, возможно, тоже избегали предсвадебной вечеринки. За другим сидел мужчина в возрасте, с белыми как молоко волосами и пил кофе. С коньяком, как позже выяснилось. Мне захотелось немного передохнуть в тишине и выпить кофе. Заказав двойной эспрессо со сливками, достал свежий «Бостон Хералд», который взял с собой в полет, и не читал, потому что изначально планировал избежать суматохи, хоть и надеялся на лучшее. Семнадцать с половиной часов полета меня немного измотали. Проспал всего три, из которых полтора – до того, как осуществили пересадку в Риме.

И вот наконец я могу расслабиться.

Эспрессо был крепкий и очень вкусный, совсем не то что в Бостоне. В горле после него слегка пересохло, и я заказал «акуа кьяра»

Официант принес заказ, был очень вежлив и очень стар, видимо, по совместительству он был и хозяином заведения.

- Grazie, поблагодарил я его.
- Salute.

«Билл украл мою жену», «Почему Ред Сокс лучшая команда на земле», «Конец света близок»... Похоже, то же самое печатали и две недели тому назад. Я отложил газету в сторону. Пожилой мужчина чтото сосредоточенно рисовал на салфетке ядовито зеленой ручкой, она выглядела очень дешево. Должно быть, ее принес официант. Мне нужно было в уборную, и я хотел утолить свое любопытство, поэтому прошел мимо его столика.

На столе я увидел замок с холодными стенами из крепкого камня, над его высокой башней кружили три чайки, у одной была оторвана лапа. Увидел сильный ветер, и было полвосьмого вечера, замок замшел, он стоял у воды, а в воде, темной и пенящейся, стояла шхуна, за штурвалом – опытный моряк, на вид лет пятидесяти, он направлялся в бухту борясь со стихией. Я увидел это, на секунду глянув на эту мятую салфетку, которую он вынул из-под своей чашки.

Я умыл лицо холодной водой. Стоя перед умывальником, подумал о том, что увидел на столе. Вернувшись на террасу, сел за его стол.

- Вы не возражаете, если я присяду с вами? - спросил я у него.

Он оценил меня взглядом, отхлебнул из своей чашки и сказал:

- SH, por favor, ответил он.
- Usted espacol?
- А вы говорите на испанском?
- Немного. Но с английским дела лучше.
- Нет, я мексиканец.
- Вы очень хорошо рисуете, на самом же деле я думал, что это лучший художник на Земле, но решил поскромничать, чтобы не показаться идиотом.
 - Gracias.
 - Что это?
 - Кастелло ди Мирамаре, что в Триесте. Семьсот километров на северо-восток отсюда.
 - Можно я оставлю это себе?

КОРОТКАЯ ПРОЗА

- Пожалуйста.
- Это очень красиво! Знаете, я не хотел производить плохого впечатления, но этот рисунок на салфетке лучшее, что я видел. Я вспомнил Вестминстерский дворец Моне, но это намного лучше... произвел плохое впечатление я.
- Ни слова больше о картинах. Никогда не оскорбляйте так Моне в моем присутствии. Вы меня очень смутили.
 - Извините.
 - А чем занимаетесь вы? спросил он, чтоб не заострять внимания на моей глупой похвале.
 - Работаю в банке, в Бостоне. Я маркетолог-аналитик.
 - Должно быть, скука смертная.
 - Так и есть! сказал я, посмеявшись. Его лицо не изменилось.

Мы помолчали.

- Сесар, представился он и протянул морщинистую руку.
- Роберт, очень приятно.
- Терпеть не могу американцев, но вы ничего, хоть и, похоже, профан в искусстве.
- К сожалению, это не моя стезя. Но я очень люблю живопись, намного больше чем прозу, мне кажется, картина может рассказать намного больше, нежели текст.
 - Вы преувеличиваете и, похоже, не раз повторяли эту фразу. Стезя, да что вы...

Он был весьма груб и открыт.

- Вы весьма грубы и открыты.
- Все оттого, что я умру в конце этого года, если не раньше.

Я немного помолчал.

- Не знаю, что и сказать.
- А что тут говорить, у меня рак легких, я скоро умру, одновременно и грустно, и смешно, я курилто всего дважды, когда жена забеременела и когда рожала. Я не стану позерствовать и говорить, мол, меня жизнь наказала, или, напротив, говорить, что я праведник и тут меня настигла такая беда. Просто никакой судьбы и удачи не существует.

Он достал небольшую потертую флягу из внутреннего кармана безразмерного пиджака и подлил содержимого в свою чашку. Почувствовался запах крепкого коньяка. Я подозвал официанта, заказал бутылку какого-то дешевого французского. Подумать только, собираюсь пить французский коньяк с мексиканцем в итальянском городе.

Долгое время пили молча, пока не осушили бутылку наполовину. Затем я спросил его о семье, он рассказал, что они, жена и дочь – все, что у него было, оставили его, и что еще не говорил им, рассказал, что решил отдохнуть, да так, чтоб никто и не предположил где. Я спросил:

- Почему Пескара?
- Роберт, а ты часто слышал, чтоб кто-то говорил «я отдыхал в Пескаре?», ответил он.

Сесар оказался очень славным, мы так разговорились, что на время я забыл, что он талантливейший художник, отмеченный печатью смерти. Он больше не был груб, но оставался открыт. А еще временами очень спокойно относился к тому, что скоро умрет. Говорил, что очень хочет дожить до премьеры второй части «Крестного отца».

Уже было почти пять, мне нужно было возвращаться на виллу, скоро должна была начаться свадебная церемония.

- Сесар, мне пора отправляться на свадебную церемонию.
- Так вот почему на вас такой хороший костюм. И кто счастливица?
- Моя сестра. Не подумайте, она выходит не за меня. За итальянца.
- Мне было очень приятно познакомиться, Роберт, хорошо вам провести время.
- Постараюсь. Надеюсь, еще встретимся. Adios Cesar!
- Antes de la reuniyn, Robert.

Я шел вверх по улице около полумили. У ворот я встретил тетю Рози. Она курила толстые сигареты.

- Роберт, где ты был? Уже скоро начнется.
- Вы курите, тетя Рози?
- Не рассказывай Джеймсу, он не обрадуется.
- Ладно. Пойдемте.

Я пошел вперед, она осталась, чтобы докурить.

86 ———— Алексей ЕРШОВ

Внутри я увидел приглашенного официанта. Он протирал бокалы и посмотрел на меня.

- Bisogna andare Ім.

Я кивнул.

На заднем дворе были расставлены ряды белых пластиковых стульев. Я искал себе место. Со стороны жениха все места были заняты, более того, его итальянская родня сидела даже на стороне невесты, так их было много. Мне досталось место меж двух здоровяков с густыми усами и широкими улыбками. Они меня что-то спрашивали, но я не мог ничего разобрать и меня спасла музыка. Все утихли услышав свадебный марш в своеобразной интерпретации приглашенных музыкантов. Моя сестра была красотка. И когда мы успели так отдалиться? Она так быстро выросла. Паоло хороший парень. Думаю, они будут счастливы друг с другом. Они поцеловались. И когда она успела так вырасти...

Все, включая музыкантов, направились в просторную гостиную. Будет шумная гулянка. Мне было не с кем поговорить. Кроме тети Рози, но она, напившись, ко мне пристает, чего совсем не хотелось. Я общался с одним из тех усатых мужчин, меж которыми сидел, что-то отвечал ему на ломаном итальянском. Если б мы говорили на одном и том же языке, беседа бы заняла минут пять, а не час.

Я объяснил ему что хочу выйти подышать, и он широко заулыбался и кивал. Он поцеловал меня в обе щеки. Я тоже улыбнулся и вышел. Я прошел полмили и дошел до того кафе, где встретил Сесара. Кафе закрылось, но он все еще сидел там, допивал коньяк и дрожал от холода.

- Добрый вечер, Сесар.
- Роберт, снова здравствуй!
- Где вы остановились? Почему не идете спать?
- В одном паршивом отеле. Он очень далеко отсюда, а я плохо себя чувствую, боюсь, не дойду.
- Я помогу вам.
- Да, пожалуйста, если вас не затруднит.

Мы шли пешком по улице, он расхваливал Аль Пачино, называл его лучшим актером, хоть и не был доволен тем, что тот родился в Нью-Йорке, рассказал, что был со своей женой в кино на первой части «Крестного отца» и как она потом переживала, что ему тоже захочется стать мафиози. Мол, как что, зацепит, так надолго. Захотел заняться боксом, не успокоился, пока не получил сотрясение и не сломал нос. Мы пошли по Понте сул Маре. Сесар остановился посреди моста и стал глядеть в море.

Его лицо выражало скорбь и тоску, боль, но совсем не из-за того, что он скоро умрет.

- Спокойное и красивое, да, Роберт?
- Так и есть.
- Я очень люблю ее. Все бы за нее отдал. Интересно, как она там?
- Наверняка ей тоже вас не хватает.
- Да что ты, к чертям, знаешь?!
- Извините.

Мы постояли еще какое-то время молча.

- А ты кого-нибудь любил?
- Нет, сразу ответил я.
- Ты обязательно должен полюбить. Это самое лучшее, что есть, Роберт. Надеюсь, ты не такой же идиот и не потеряешь все, как я.
 - Пойдемте?
 - Да, пошли, спустя какое-то время сказал Сесар.

Мы шли по дороге, и он рассказывал о своей жене, о том времени, когда у них появился ребенок. Каким никудышным отцом он оказался, но она это стерпела, а потом дочь выросла, отправилась учиться за границу. Теперь они снова остались вдвоем и, конечно, грустили из-за дочери, но как же они были счастливы вновь остаться наедине друг с другом.

Что случилось потом, Сесар не стал рассказывать.

- Похоже, вам тут очень тоскливо.
- Думаете?
- Утром я улетаю в Бостон, не хотите погостить у меня до тех пор, пока не состоится премьера второй части «Крестного отца»? Там его покажут раньше, чем здесь.
 - Да, я с радостью. Каким рейсом вы летите?

Мы договорились встретиться в десять утра в аэропорту Абруццо.

Меня ничуть не удивило, что он так быстро согласился. С умирающими очень просто договориться,

думаю, он не отказался бы и полететь со мной в Бангкок. Я вернулся на виллу, в гостиной остались только самые стойкие. Поднимаясь в предоставленную мне комнату, я встретил сестру, выходящую из своей.

- Ты красотка. И, похоже, Паоло тебя любит.
- Да, похоже на то. Я очень рада тебя видеть, Роб, я скучала.
- Утром я улетаю.
- Да, я знаю. Хорошего полета.
- Доброй ночи и до встречи.
- Мы будем ждать тебя в гости!

Мы очень отдалились с тех пор, как она выросла. Я убрал с кровати не распакованную сумку, завел будильник и лег спать.

Утром я заказал такси и направился в аэропорт. Сесар уже был там, я видел его у стойки Дельты. Я помахал ему рукой, он помахал мне билетом. Мы поздоровались и купили горелый кофе в Сбарро. Сесар подошел к кассирше и сказал, что кофе паршивый, на что она ответила, «Именно поэтому я покупаю себе в Лавацца». Пересаживались в Милане и в Риме. Несколько раз Сесар выходил в уборную, один раз вернулся с пятнышками крови на манжетах. Приземлившись, мы взяли такси и доехали до моей квартиры в многоэтажке на Уотер-стрит.

Сесар уже был в Бостоне восемь лет назад и сказал, что узнает эту коробку.

- Я указал ему на диван в гостиной.
- Здесь я буду спать?
- Да, здесь.
- Похоже, хороший диван.
- Сейчас я его разложу, а после нужно будет поспать, полет очень вымотал.
- С диваном я разберусь сам, увидимся завтра утром!

Я проснулся довольно рано, Сесара нигде не было. Я принял душ, выйдя, приготовил завтрак на двоих, и он тотчас пришел.

- Я гулял. Здесь ничего не изменилось.
- И вряд ли скоро изменится. Садитесь завтракать.
- Спасибо, вы очень добры, Роберт.

Мы плотно позавтракали и сходили в Гарденер, потом были в порту, смотрели парусник «Конститьюшн», проходя мимо кинотеатра, увидели афишу, до премьеры еще девять дней.

- Вот ведь здорово! сказал я.
- И правда здорово. Я нагулял аппетит, давайте сходим съедим стейк, я очень давно не ел настоящих американских стейков.
 - Давайте.
 - Еще я бы хотел выпить.

Я промолчал.

Мы съели отличный стейк и выпили две бутылки красного вина. Обсуждали картины. Обсуждали Моне, Эдварда Хоппера, недавнюю смерть Пикассо. Я попросил его написать для меня картину, любую. Мы зашли в магазин, и он купил холст и краски и еще что-то. Вернувшись, я отправился спать, когда проснулся, его снова не было. Он сказал, что был в порту, на следующее утро я отправился с ним. Он рассказывал мне о своем детстве, о своей жене, о том, как они встретились и как он добился ее руки и сердца, хотя ее отец был против, часто кашлял кровью.

Мы ходили в порт по утрам каждый день и общались, он рассказал мне всю историю своей жизни, рассказал, за что не любит американцев. Он был настолько убедителен, что я сам перестал их любить, поэтому вряд ли кому-то об этом расскажу. Описывал людей, которых ему будет не хватать, родных, официантов, других художников, меня.

Через пару дней мы отправились на премьеру фильма. Я еще никогда не видел, чтобы кто-то так сосредоточенно смотрел кино. Он согнулся и почесывал подбородок. Внимательно слушал, и то кивал, то качал головой. Выйдя из кинотеатра, он рассказывал о том, что надеется, новой части не появится, потому что он до нее не доживет. К тому же концовка замечательная. Мы выпили кофе на террасе и заказали коньяк, а потом еще кофе. Он расхваливал игру Аль Пачино и снова говорил о том, как жаль, что он родился в Нью-Йорке. Когда он изрядно набрался, мы взяли такси и поехали домой.

Придя домой, он уселся на диван. Я спросил, не хочет ли он беседовать, но он отказался. Я лег спать. На следующее утро он никуда не уходил. Я нашел его мертвым на диване. Его глаза вспухли, как будто

88 ______ Алексей ЕРШОВ

он плакал всю ночь. Он держал раскрытый бумажник. Там была фотография двух красивых девушек – его жены и дочери. На окне стоял холст. На нем изображены скорбь и одиночество, боль. Тоска и спо-койствие. Смирение. На нем изображены двое мужчин, которые стоят на мосту и смотрят вдаль. Один из них смотрит в море, другой вспоминает и тоскует. Море очень спокойное, на улице очень темно, мост освещен. Тот, что постарше, замерз и устал, молодой видно хочет его расшевелить, как-то взбодрить. Я присел в кресло и очень долго смотрел на него.

На следующее утро в Бостон Хералд напечатали мой некролог, и затем меня позвали на телевидение рассказать о нем. Как оказалось, в Мексике это был очень знаменитый художник. Я совсем не удивился. Вечером мне позвонила его жена, сказала, что обзвонила всех Робертов Митчеллов в справочнике и на ломаном английском объяснила, что приедет на кладбище в день его похорон.

На похоронах было очень много людей, такого я еще никогда не видел. Словно это похороны Пикассо. Я узнал его жену по фотографии и потому, как горько она плакала. Дочери не было. Я подошел к ней и объяснил, что это со мной она говорила. Она плакала и плохо говорила на английском, но я понял, что она сказала, мол, думала, что муж попал в аварию и утонул.

После того как это все закончилось, я вернулся домой и вновь посмотрел на картину, когда я собирался ее вешать, рядом с ней нашел письмо, видимо, он написал его незадолго до того, как умер, на нем была пара капель крови, как и на его манжетах, кажется, он пытался их стереть.

Роберт! Большое спасибо! Ты был мне лучшим другом и единственным человеком, который был рядом со мной за последний год.

Похоже, это конец.

Спасибо, что сводил меня в кино. Ты был очень добр ко мне, прости, если иногда был слишком груб. У меня есть к тебе последняя просьба. Сделай так, чтобы моя жена и дочь никогда не узнали о том, что я умер. Устрой мне скромную церемонию. Ты единственный желанный гость на ней.

Не забудь в кого-нибудь влюбиться.

Надеюсь, картина тебе понравилась!

Antes de la reuniyn, Robert. Береги себя.

Сесар Бельграно

- Ты не виноват, ты же не знал.
- От этого как-то не легче.

Мы возвращались из кино. Были на показе третьей части фильма.

Илья КРИШТУЛ

Как я провела лето

(школьное сочинение)

ето я провела у бабушки в деревне. Мне там было очень интересно и весело. Вечерами мы с бабушкой сначала смотрели «Две судьбы», потом «Танго втроём», потом шёл «Татьянин день» и до начала «Дома-2» у нас был ужин. Мы кушали, смотрели «Дом-2», затем сидели и ждали его ночной выпуск, который ещё интереснее. Иногда мы не просто сидели, а смотрели «Кодекс чести-3», но он нам не очень нравился, потому что четвёртая программа у бабушки не показывала. Утром мы просыпались и смотрели повторы «Двух судеб» и «Татьяниного дня», а повтор «Танго втроём» я не смотрела, что я, дура, что ли. Я шла к подружке и смотрела повтор «Агента национальной безопасности». Потом мы смотрели «Лолиту без комплексов» и бежали ко мне

на «Мою прекрасную няню», потому что дедушка подружки в это время смотрел «Улицы разбитых фонарей», а мы их смотрели два раза ещё весной. После «Няни» и до «Двух судеб» мы смотрели «Любовь мою» и «Авантюристку». Однажды к нам приехала моя мама и разбила телевизор. Мы с бабушкой плакали, но к началу «Танго втроём» успели уйти жить к бабе Нюре на другой конец деревни. Правда, баба Нюра вместо «Дома-2» хотела смотреть «Бальзаковский возраст», и они с бабушкой подрались. Бабушка её победила, но посуды совсем не осталось, и мы кушали из ведра. А один раз во время «Возвращения Мухтара» баба Нюра умерла, но её всё никак не могли похоронить, только успели между «Солдаты-9» и «Бандитским Петербургом» отнести к калитке. Потом нас всё-таки нашла моя мама, долго ругалась и прямо во время «Пусть говорят» увезла меня домой, куда мы приехали к «Сексу в большом городе», но мне посмотреть не дали, а заперли в комнате, где не было телевизора и я скучала. Теперь я не знаю, что случилось с Олесей и нашла ли она своего отца, который ожил ещё в 134-й серии. Боюсь, это помешает мне хорошо учиться и стать звездой в «Доме-3», куда я сегодня ночью послала 23 500 SMS-ок с папиного мобильного телефона. Вот и всё, что я делала летом, до свидания, оставайтесь с нами, не переключайтесь, реклама пролетит незаметно.

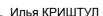
Полина, а фамилию я за лето забыла.

Соперницы

В таком огромном «Детском мире» Олечка Бунеева ещё не бывала. Да и мама, которая её сюда привела, тоже, поэтому отдел детских платьев они искали долго. Первым его издалека увидела Олечка, и такой восторг заплясал в её глазёнках, что мама даже перестала жалеть будущие потраченные деньги. «Никакими деньгами не измерить детскую радость...» – так думала мама и не заметила, что восторг вдруг сменился слезами, а радостный смех – жалобным подвыванием. Объяснилось всё просто – навстречу им шла Ирочка Канделябрис, подруга Олечки по детскому садику, тоже с мамой, а в руках... А в руках счастливая Ирочка Канделябрис держала вешалку с прекрасным розовым платьем, тем самым, ради которого Олечка с мамой сюда и приехали. И, что самое ужасное, это платье было последним, о чём Ирочка, конечно, Олечке сразу и сказала. Надо отдать Олечке должное – истерика у неё началась не сразу. Сначала кассирша упаковала платье в блестящий, тоже розовый, пакет, потом с улыбкой отдала его Ирочке, та обернулась и посмотрела на Олечку... Вот этого взгляда Олечка уже не выдержала. Пять испуганных продавщиц в течение часа пели и танцевали для неё, старший менеджер магазина подарил три мягкие игрушки, платье обещали привезти прямо домой и – это уже для мамы – с огромной скидкой, но всё было бесполезно. Успокоило Олечку только вкусное бесплатное мороженое и данное самой себе обещание никогда – НИКОГДА! – не дружить с Ирочкой Канделябрис.

В этом огромном автосалоне в центре города Токио Ольга Бунеева, ныне Пересыпкина, ещё не бывала. Да и муж, который её сюда привёз, тоже, поэтому обещанный им Ольге розовый «Бугатти» они искали долго. Первым его издалека увидела Ольга, и такой восторг заплясал в её цветных контактных линзах, что муж перестал жалеть будущие потраченные деньги. «Никакими деньгами не измерить...» – начал думать муж, как вдруг Ольга резко остановилась. Объяснилось всё просто – в розовом «Бугатти», в уже почти её, Ольги, розовом «Бугатти» сидела Ира Канделябрис, а рядом, в окружении услужливых менеджеров автосалона, стоял Ирин муж и подписывал какие-то бумаги, роняя кредитные карточки. Ольга поняла – розовый «Бугатти» уплывал к другим берегам. Надо отдать ей должное – в автосалоне истерики не было. Она случилась позже, в гостинице, и только самое дорогое мороженое города Токио в самом дорогом ресторане этого же города сумело слегка её успокоить. Там же, в ресторане, Ольга дала себе слово никогда не жить с Ирой Канделябрис в одном городе и даже заставила мужа оставить какуюто мелочь симпатичному официантику.

В нью-йоркском торговом зале аукционного дома «Сотбис» Ольга Пересыпкина ещё не бывала, да и

<u> М</u>Щ**∃**поколение

90

шофёр, который её вёз, тоже, поэтому зал этот они искали долго. Первым его издалека увидела Ольга и подвески из розового золота, принадлежавшие пятьсот лет назад какой-то французской королеве, уже начали плавно перемещаться из каталога «Сотбис» в Ольгину коллекцию драгоценностей, как вдруг она заметила ненавистный розовый «Бугатти», стоящий у самого входа в зал. Сама Ира Канделябрис, видимо, была внутри и уже держала в своих мерзких неухоженных руках королевские подвески из розового золота. Ольга даже не стала туда заходить. Позже, в ресторане, поедая эксклюзивное мороженое, Ольга Пересыпкина поклялась никогда больше не жить с Ирой Канделябрис в одной стране.

В ритуальном агентстве, расположенном на окраине Подольска, пенсионерка Ольга Борисовна Пересыпкина ещё не бывала, а какой-то нерусский подольчанин так хорошо объяснил дорогу от остановки, что бедная Ольга Борисовна ещё два часа искала этот неприметный подвал. Найдя его и попав наконец внутрь, Ольга Борисовна сразу увидела то, зачем она ехала сюда из своего Гольянова. «Гроб розовый уценённый» – было написано на ценнике. Соседка по очереди в собесе не обманула – гроб был очень дешёвый, и Ольга Борисовна подозвала продавца. «А этот товар продан» – скорбно сказал продавец: «Соболезную». «Я даже знаю, кто его купил» – ответила Ольга Борисовна и вышла на улицу. Ожидая обратный автобус, она смотрела на ларёк с мороженым и молилась об одном – умереть на день позже Иры Канделябрис.

На похоронах Ольга Борисовна не плакала. Во-первых, больше проститься с Ирой Канделябрис никто не пришёл, так что плакать Ольге Борисовне было незачем, а во-вторых... Во-вторых, не хотелось ей плакать. Ей хотелось вернуться в тот огромный «Детский мир», в котором Ирочка Канделябрис купила розовое платье, то самое, ради которого туда приехала маленькая Олечка Бунеева. И чтоб Ирочка была счастливая и держала в руках розовый пакет с платьем, а Олечку продавщицы бесплатно угощали мороженым – самым вкусным мороженым в её жизни... А рядом бы стояла Олечкина мама... И чтобы всё ещё было впереди и это всё было хоть немножко другим... Но всё равно розовым.

Валерины думы

В десять часов утра, как обычно по будням, Валера начинал думать мысль. В этот раз она, эта мысль, была о травинке. «Вот травинка, – думал Валера, – она ведь на вид такая тонкая, беззащитная, даже милая... Но асфальт пробивает! А вот я могу пробить асфальт? Нет. Но я могу сорвать травинку! Значит ли это, что я, Валера, сильней асфальта? Или я всего лишь сильней травинки? Или я просто человек, который может сорвать травинку, растущую сквозь асфальт? А если я не буду её рвать, значит ли это...» Мысль на этот раз попалась сложная, постоянно растекалась во все стороны, и Валера не успел додумать её до обеда, а после обеда забыл. Вернее, не забыл, а его сбили с этой мысли какие-то люди, обсуждавшие будущий полёт человека на Марс.

Отобедав, Валера удобно устроился в своём кресле и начал новые размышления. «На Марс лететь несколько лет, а обратно дольше, потому что против солнечного ветра. По-моему, есть такой. Еда, вода, нет, воду они там как-то из мочи добывают, несколько людей плюс доктор...» Тут Валера остановился и прямо в середине мысли, как умел только он, задумался о другом. Решив через несколько минут, что доктора можно причислить к людям, Валера продолжил мысль о полёте. «Оборудование, топливо тудаобратно, и ещё год надо там, на Марсе, провести, разведать всё, застолбить, флажков навтыкать, нефть и газ обнаружить, образцы погрузить... Денег огромное количество нужно, одна Россия такое не потянет, если только Газпром поможет... А надо, чтоб потянула, чтоб мы первыми там оказались... А может, для экономии только туда?..» Мысль была хорошая, и особенно Валере нравилось, что она государственная. Но и её до конца додумать Валере не дали. Наступило шесть часов вечера, рабочий день Валеры закончился, и его отпустили домой.

А работает Валера депутатом в Государственной Думе. Он хороший депутат и большого вреда Родине, в отличие от других депутатов, не наносит – взяток и откатов не берёт (ему, правда, никто и не предлагает), свой бизнес не имеет и, соответственно, ничего никуда не проталкивает, по регионам и заграницам за государственный счёт не летает, ему интересней на даче покопаться, а голосует он так, как старший товарищ по партии скажет. Его даже обещали и на следующий срок в депутаты взять, если он опаздывать на работу не будет. Иногда он, правда, кого-то с кем-то знакомит, просят же люди, и Валеру за это в ресторан или сауну ведут. И конверт хороший суют, толстый. Жена, правда, ругается, когда мужа пьяного домой приносят, но, увидев конверт, быстро оттаивает.

Обходится Валера народу России примерно в 300 000 рублей в месяц, плюс бесплатные мобильник, лечение, проезд-пролёт, отдых, да и пенсия хорошая будет. И по мелочи там ещё набегает, и конверты опять же... Жена Валеры очень всему этому радуется. Народ России, наверное, тоже. А остальные про российского Валеру, к счастью, не знают, у них свои валеры есть. Но они, остальные, с этими своими валерами потихоньку разбираться начинают...

Если хочешь быть счастливым...

Как известно, женщины, и только женщины, могут сделать мужчин счастливыми. И они же могут так разукрасить мужскую жизнь, что главным жизненным достижением мужчины станет падение на рельсы перед скорым поездом «Москва-Воронеж». Следовательно, чтобы прожить долгую и счастливую жизнь, нужно одно – умение вести себя с женщинами. Если точнее – надо уметь их к себе расположить. Ещё точнее – надо каждый день заставлять себя их любить. Даже жену свою попробуйте полюбить, если она, конечно, женщина. Даже если вы живёте с ней как кошка с собакой. И даже если в вашей жизни время от времени другие кошки появляются, помоложе и посимпатичнее. И, наконец, даже если вы знаете, о чём жена думает, глядя на вас. Она задумалась, а вы ей так мягко: «Нет, Ирочка, нет. Только лет через пятьдесят и только после тебя, любимая». Она сразу об этом думать перестанет и уйдёт в другую комнату жаловаться кому-нибудь по телефону. Не на вас, она про вас уже забыла. На какую-то Лильку, стерву такую.

Аккуратнее надо с ними. При обучении главное – не обидеть. Теорию относительности вообще объяснять не надо, даже если они попросят. Тем более не надо объяснять своими словами. И уж совсем не следует словами из их лексикона. Фраза «...чтобы типа связать не модное всё, всё кривое вообще такое, не гламурное, короче, некрасивое, как твоя Лилька, пространство-время с материей, которая там как бы тоже есть, но это не парео, поняла, дорогая?» может вызвать совершенно неадекватную реакцию. От слёз «ты что, думаешь, я дура, да?!!». А до гнева их доводить нельзя, в гневе женщины страшны. Многие, кстати, страшны и без гнева, но это так, к слову. Просто запомните – их лучше не обучать. Если очень хочется кого-то учить, заведите себе черепаху. Или хомячка. Детей, в конце концов.

Сопереживать женщинам надо. Показывать, что вы понимаете, как сложна их жизнь. Что вы вникаете во все их проблемы и готовы вместе их решать. Например, вечером, когда жена смотрит священный и непереключаемый сериал, зайдите в комнату и тоже посмотрите. Недолго, секунды три. Потом скажите: «Вот сволочь. Она же знала, что эта беременна от Бориса, и рассказала этому. А тот теперь её выгонит, а куда ей идти? Обратно, к этому?» Вас мягко поправят, что Настя беременна не от Бориса, а от Леонида, и после сериала накормят вкусным, по её мнению, ужином.

Терпимее надо с ними. Знайте одно – ваша жена всегда права. Не прав гаишник, потому что «никакого знака вообще здесь никогда не висело». Не правы продавец, официант, Лилька, ваша мама, сериальный Леонид, Путин и «этот Обама Барак-Марак, или как его там и, кстати, где он снимался, а то про него все говорят даже в парикмахерской, а я как идиотка». И не вздумайте даже улыбнуться, если она перепутает «Восемь с половиной» Феллини и «ноль семь» мартини. Просто купите ей пива и фильм «Любовь-морковь-2». Она не почувствует подвоха.

Ласковее надо с ними. Ну не читала ваша жена «Фауста». Можно подумать, вы его наизусть знаете. Не надо этим её попрекать постоянно. Почитайте вместе после обеда её любимых Донцову и Маринину, можно вслух и вперемешку. Ласково объясните смысл слова «писатель» и сразу, пока она не обиделась, восхититесь её плоским животом. После комплимента можно переходить на более серьёзное чтиво – на глянцевый журнал, например. От которого останется один шаг до «Незнайки на Луне», а это уже почти победа. И – театры, театры, театры... Театр зверей имени Дурова, Театр кукол имени Образцова, Театр кошек имени Куклачёва – выбор богатейший. Главное – дома, перед сном, обсуждайте увиденное, интересуйтесь мнением жены о пьесе, о режиссёрском решении, об игре актёров. Не надо говорить, что это были кошечки, собачки и куколки. Пусть она думает, что видела живого Хабенского.

И подарки. Если с деньгами не очень, дарите цветы. Если с деньгами всё хорошо, дарите деньги. Это каждый день, а изредка – машины, шубы и туры за границу. И ещё – доверие. Если у жены после отдыха в Турции появился телефонный брат с турецким акцентом, это действительно брат. А двоюродный брат вообще из Египта, это их семейная тайна. Жизнь и не такое выкидывает, посмотрите ещё раз её сериал. А одноклассницы... Ну, может, она в мужской школе училась.

И последнее – самопожертвование. Это смысл любви, основа вашего спокойствия и долголетия. «Милый, у тебя нет ни одного костюма, давай купим тебе вот этот. Всего 150 рублей, почти неношеный...». «Не надо, дорогая. На работу я всё равно хожу в своей армейской форме. Ей уже двадцать лет, а она как новая. И давай уйдём из этого «сэконд-хэнда». Пойдём по бутикам, может, найдём тебе сапоги к оранжевой сумочке». После благодарного взгляда, которым вас обязательно одарят, прибавьте к своей жизни ещё год. Ну или полгода. Женатые мужчины, кстати, вообще живут дольше, чем холостые. И хуже...

Видите, как мало требуется, чтобы вам не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы. Хотя больно-то, конечно, будет всё равно, но не так мучительно. А когда станет мучительно, будет уже не больно. А если вы боитесь боли и хотите гарантированно прожить лёгкую и немучительную жизнь, то... Но это идёт вразрез с курсом правительства на улучшение демографической ситуации в стране. Так что жениться придётся. Причём официально – государство должно знать, что вы спите вместе. Главное – не-

92 ______ Илья КРИШТУЛ

сите свой крест достойно. Это нам за грехи наши. Зато потом, в аду, вас уже ничего не удивит, если, конечно, там не появится ваша жена и не придумает что-нибудь новенькое. А пока просто будьте смиренны и терпеливы. Вы обязательно станете счастливым! Может, уже завтра удача улыбнётся вам и ваша жена уйдёт к другому! Такое редко, но случается. Правда, только в их дурацких сериалах...

Всё будет хорошо

Вы можете переспросить меня – а что именно будет хорошо? Всё, отвечу я, всё в стране будет хорошо. Даже погода, если никуда из дома не выходить. Если выходить, то, конечно - ураган, цунами, ледяной дождь, смерч, смог, МЧС и другие ужасы, так что лучше дома сидеть, пока бытовой газ всё не разрушил. Поэтому сидеть лучше на лестничной площадке первого этажа с паспортом, страховым свидетельством и возле несущей стены. А так всё будет хорошо. Хотя иногда кажется, что ничего хорошего, кроме погоды, уже не будет. Но с другой стороны – а что плохого? Да, ситуация нестабильная, а обстановка накалённая. Да, некоторые страны нас не любят, а остальные недолюбливают. Да, выборы прошли, а осадок остался. Но какие люди в этом осадке! Перечислять не буду, их фамилии в фельетонах нельзя упоминать, можно вечером не дома оказаться. Жаль только, что денег нет, но это уже личное. Зато дети есть. Милые, непоседливые, в кудряшках, бегают, шалят, орут, бьют стёкла, матерятся и поют рекламу. И всё в моём подъезде. Так что радует пока только погода. Не знаю, как на улице, а в подъезде, спасибо коммунальщикам, сухо, чисто и тепло. Могло быть, конечно, и почище, но у них, у коммунальщиков, свои понятия о чистоте. Кто был в Таджикузбекистане, тот поймёт. А вне подъезда что творится? Полицейские лютуют, продавцы обманывают, автомобилисты давят, повара травят, доктора калечат... Нет, лучше здесь, в подъезде, всё переждать. Холодно станет, можно пальто надеть, если есть, и идти куда-нибудь. На второй этаж, например, подняться и полюбоваться на Москву. Видны, правда, только какие-то «Ашаны», «Меги» и «Рио», но, говорят, около Кремля скоро парк появится. Это ж как надо власть довести, чтоб она вместо строительства торгового центра деревья сажать начала! А всё эти, недовольные с Болотной площади. Захочет теперь москвич-пенсионер, проживающий в пентхаусе на Китай-городе, купить жене сумочку «Louis Vuitton» куда ему идти? В ГУМ не пройдёшь, там то на коньках катаются, то концерты какие-то, ЦУМ – музей для приезжих, а вместо нового магазина деревьев понасажали. Лишь бы эти деревья там прижились, пока мэр не одумался. Хотя у нас в стране кто парк заложил, тот его и пилит потом...

А в остальном всё хорошо будет. Москва расширяется, скоро в Смоленск на метро ездить можно будет, за 40 рублей. А там и Брянск недалеко, и Воронеж. А если московские чиновники в новые территории не уместятся, то... «Осторожно, двери закрываются, следующая станция город Конотоп». Наш братский подарок братскому народу. Хотя чиновники на метро не ездят. Да и на месте мэра я б для них северные направления готовил, вплоть до Воркуты. Пусть привыкают. Президент же недавно спрашивал про посадки. Деревья посадили, теперь можно и чиновников. Но и на Рублёвку их переселить тоже идея неплохая. Во-первых, переселять никого не надо, они и так все на Рублёвке. Во-вторых, там, на отшибе, они никого раздражать не будут своими мигалками, крякалками и сытыми рожами. Там у всех мигалки, крякалки и сытые рожи. Да и вообще – слуги должны от народа отдельно жить. В идеале, конечно, народ в самой России, а его слуги – на различных особо охраняемых территориях Республики Коми, но это уж совсем из светлого будущего.

А пока уже хорошо и ещё лучше будет. Может, милые матерящиеся дети со своими кудряшками из подъезда наконец в школу уйдут. Сколько там для них бесплатных кружков и секций министр образования пооткрывал! Он и ЕГЭ придумал, чтоб коррупцию из школ изгнать, и платные занятия, и факультативы какие-то, тоже платные. Нет денег, например, на английский язык – иди бесплатно учись крестиком вышивать, в жизни пригодится. А если ты гений по физике, но денег тоже нет – туда же иди. Зато никакой коррупции. Непонятно, правда, откуда столько золотых медалистов с гор в МГУ обнаружилось. А сами они объяснить не могут, у них с русским языком плохо. Зато с деньгами хорошо.

И ещё насчёт коррупции – полностью её уничтожить можно только переименованием, это уже другой министр доказал, внутренних дел. Уже бывший, к счастью. Милицию переименовали – коррупция исчезла, он сам сказал. То есть с него взяток полицейские не берут. Осталось судебную систему переименовать, прокуратуру, здравоохранение, налоговую, пожарных, таможню, строительный сектор, военкоматы, санэпидемстанцию, ЖКХ, экологов, паспортные столы... Или всё-таки дешевле взять и целиком страну переименовать? Может, тогда вместе с коррупцией и всё остальное плохое исчезнет? Воровство, хамство, пьянство, «Дом-2» и Стас Михайлов?

И сразу станет хорошо.

Потому что хуже уже некуда.

А если страну переименовать в Рио-де-Жанейро, то и погода наладится. Можно будет из подъезда выйти. Правда, неизвестно, что с таким названием с коррупцией будет, но с футболом всё будет хорошо...

Валериу БАЛАН

Родился в 1958 году в городе Кэушень. Срочную службу прошёл в Киевском Высшем военно-морском политическом училище. Окончил Кишинёвский Политехнический институт им.С.Лазо в 1986 году. Архитектор. С большим интересом изучал историю и в 1994 году опубликовал работу «Троя Троадыфракийской». С 1999 по 2003 гг. — главный архитектор уезда Тигина. Стихи пишет с 18 лет.

Аллегория войны

В тот миг казалось, что приснился мне Громадный лес с тяжёлыми ветвями, Пустыня. Там же, где-то на песке Лежала ты с кровавыми руками.

А вдалеке, мотая бородой, Сбивая с ног мохнатые деревья, Прошёлся смерч, ругаясь с тишиной, Опустошая разума творенье.

Настала ночь, окутав чернотой Весь белый свет, лишь зарево горело, У ног земля раскрылась бороздой, Прожорливо глотая кусок тела.

Плескалась кровь, стекая по камням, Кричали птицы, поднимаясь в небо, Гремел вулкан, шли крысы по полям, В зубах сжимая твой кусочек хлеба.

О, если б ты могла понять, Как нам всем трудно, одиноко, Я б жизнь свою бы мог отдать, Не поступай со мной жестоко.

И если б ты ещё смогла
Понять души моей дыханье,
Услышать, как трава слегла
У ног твоих в тот миг желанья.

И если б ты могла принять
Мою любовь без фальши страстной,
За этот миг готов отдать
Всё лучшее тебе, прекрасной!

* * *

О Боже, ну скажи, за что Адамовы терпеть страданья, И за меня в ответе кто? Ведь плотские мои мечтанья.

О небо, бездна её глаз Мне заслоняет солнце снова, Трепещет сердце каждый раз, Когда любви пронзает слово.

Земля моя, твой грешник я, Пред ней всё замирает словно, Не отрекаются любя – Так душу возвышают снова.

Вселенная в ночи зовёт, Я раб твой, проклятый судьбою, И душу мне на части рвёт, Хочу повсюду быть с тобою.

* * *

Почему мне одиноко,
почему в душе тоска?
Почему судьба жестоко
так изранила меня?
И зачем в ночи шальные
ветер воет у виска?
И зачем любовь большие
предъявляет нам счета?
Ведь так хочется покоя
и сердечной теплоты,
Ведь не слышим мы прибоя
в миг блаженства и любви.
В миг, когда душа коснётся
глубины твоей мечты,
В миг, когда любви проснутся

клетки трепетной души.

* * *

Порою кажется, что в бездну мир летит, Всё умирает - полоскаясь кровью, А в мою «душу» кол большой забит, И сатана, кривляясь, манит бровью. Мне жить не хочется, и в теле всё кипит, И грязь, и смрад, мечты мои разбиты, Там море полное от мерзости бурлит, И к солнцу все пути давно закрыты. Вокруг туман закутал боль мою, В висках звенит кладбищенское эхо, В объятьях чёрт терзает плоть мою, Зачем терпеть, зачем страдать за это? За мир разбоя, вечной темноты, Где солнце жирной сажею покрыто, Но твой цветок средь грязи и толпы На этот свет печальный вновь родился. Цветок любви чистейший как слеза, Любви прекрасней ласкового света, Любви, пред ней расходится гроза, Любви земной от ночи до рассвета.

* * *

Ночь мирно дремлет в тишине, Свеча не гаснет до рассвета, Люблю, страдаю по весне, Но как ей объяснить всё это? Но, может быть, мои слова Ей душу растревожат всё же. Прочь, злая зависть, прочь, молва, Дай счастья нам глоточек, Боже! Дай счастья, пусть рука твоя Преградой будет злому слову, Чтоб распахнулась вся душа Для жизни Господу во славу.

* * *

Как тяжело, шатаясь, за собой Свой рок судьбы волочить снова, Когда дороги нет уже другой, Когда тебе нет выбора иного, Когда глазами рухнул в белизну, Земли коснувшись, вновь душой мятежной, Твой крик бессилия, нарушив тишину, Проклятием пронёсся над Вселенной! В оцепенении застыли мышцы рук, Впиваясь в твёрдый снег оледенелый, О, сколько выдержал несчастий ты и мук, Карабкаясь из бездны на свет белый. И так всю жизнь куда-то ты спешил, Наперекор своей судьбе стремился, Тебе так нужно было, ты ведь так решил, Как человек - для счастья ты родился! А счастье, будто призрачный обман, Вновь появлялось, исчезая снова, И падал ты, хватаясь за туман, Что делать, если не дано другого?

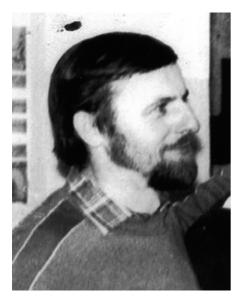
Братья

Снега где белые метут, Россию белою зовут, А там, где кровь рекой текла, Россия красная была, На том краю земли большой Все турки рыскали гурьбой, Где Киев - русский град - и вдруг Украиной теперь зовут. Но так ведь было не всегда -Народ единый был тогда, Богов там славили не зря, В пределы вечности маня, Где нараспашку вся душа, И святость чтили чуть дыша. Там процветала красота, Всем открывались ворота, Умом Россию не понять, Её просторов не обнять, Но злая шутка на века Трёх братьев порознь развела. Владеть хотелось им тогда Своей державой навсегда, Весь раскололся мир - беда На землю грешную пришла, Да и назло всем, не одна, Смерть за собою волоча, Цари - наместники Богов, Делить решили под покров Всю землю предков и отцов, Чтоб больше растащить даров Так стали братья враждовать, Родных кровишку проливать, Дотла селения сжигать -Вовек им счастья не видать, Простолюдины то и дело Свободы требовали смело, Когда в душе всё зачерствело От грязи собственного тела, И вот Россию не узнать, Народ свой стали распинать, Как ни крути - но жизнь тогда Гроша не стоила, вода От крови алою была. Прошли года, прошли века, Прозрачней стала та река, Но только злоба навсегда Свой след оставила тогда, До сей поры снега метут И вдаль прекрасную влекут. Природа - чистый изумруд, Россию белою зовут, Куда дорога всех вела, Равнина вечная - стрела, Со свистом смерть врагам несла, Россия красная была, А там, где край - сады цветут, Каштаны гордые растут, Там караваны всё идут, Украиной теперь зовут.

ПОЭЗИЯ _ 95

Анатолий КОНСТАНТИНОВ

Родился 4 января 1950 года. Проживает в городе Константиновка Донецкой области. С отличием окончил Ленинградское художественное училище. В настоящее время пишет не только картины, но и стихи. Автор поэтического сборника «Живу и вдохновляюсь».

> Я стихи сочиняю Не для славы своей. Чтобы люди читали, Чтобы мир стал добрей.

НДШЕ поколение

Здравствуй, мама! Поднимайся! Сын пришел к тебе родной, Только шибко не ругайся, Я ведь стал уже другой! Не такой, как был колючий, Свою гордость в себе сжег, Мой характер вредный, злющий Изменил Всевышний Бог. Поднимайся, сядь со мною, Я к твоей груди прижмусь, Уже с чистою душою Пред тобою повинюсь. Твои руки исцелую И в слезах скажу: «Прости!» Что не мог тебя, родную, От ударов отвести. От страданий, мук сердечных, От моих колючих слов, От слепых шагов беспечных, Где спала моя любовь...

Почему мне не спится весною? Порой глаз не могу я закрыть? Почему под светящей Луною Мне приходится часто грустить? Почему от черемухи белой, От цветущих в саду абрикос Горю сердцем своим, как Отелло, А душою страдаю до слез? Почему я под дождь унываю И, тоскуя, на осень смотрю? И березам стихи посвящаю, Свою нежность и ласку дарю? Почему так со мной происходит? В себе этот ищу я ответ. Мое сердце ответ не находит, Вот уж пятьдесят с лишним лет...

Наступили холода, Певчих птиц не слышно, На траве лежит листва Желтым цветом пышно. Оголились тополя, Клены и березы, Скоро примет мать-земля Первые морозы. Первый иней, первый снег И метель, и вьюгу, И я буду вновь грустить, Ждать весну-подругу.

* * *

* * *

Я, жалкий, немощный сосуд, Но ты меня всегда оберегаешь, И если больно жизнь и люди бьют, Своей любовью нежной согреваешь. Мне не даешь разбиться и страдать, Все негативное с моей души смываешь, В сосуд вливаешь Дух свой, благодать, В мой путь земной уверенность вселяешь.

* * *

Люблю жизнь, ее разные грани, Люблю рощи, леса и поля! Но без удали русской и брани Была скудной душа и земля. Оттого я такой забияка, Что не так - разжигаю уста, Лезу сразу в словесную драку, Забывая про святость Христа. Повышая свой тон, раскаляюсь, А потом... остывая, молюсь, На коленях в смирении каюсь, В гавань тихую снова стремлюсь.

* * *

Ночью молния сверкала И луны овал висел, Туча небо укрывала, Гром неистово гремел. Собирался дождь пролиться На луга, дома, поля, Сможет наконец напиться Пеклом утомленная земля! Но вмешался ветер смело, Тучи мигом разметал, Без дождя земля горела, И мне было ее жаль.

* * *

Опять на сердце рана...
Опять предательство и ложь,
И тайно, тихо и нежданно
Вонзили в спину подлый нож.
И над тобой кружится стая
Злых языков и черных слов,
Но верю: жизнь придет святая,
Без подлости и дураков.
Тогда отступят все ненастья,
Мир станет чище и добрей,
Не будет горя, слез, а счастье –
На всей планете у людей!

* * *

Не ропщи, душа, на жизнь Это неприлично. Если честно говорить, Жили мы отлично. Пусть не все сбылись мечты, Что-то упустили, Зато сеяли цветы И любовь дарили. Все пришлось нам испытать, Всякое видали, И в борьбе пришлось нам стать Крепче, тверже стали.

Сыплет цвет черемуха Тихо за окном, Устилает землю Белым серебром. Покидает девица Пышный свой наряд. Дарит всем прохожим Нежный аромат. О, моя черемуха!

Как ты хороша! От тебя ликуют, Сердце и душа!

* * *

Моя дымка седых волос
Твоей юности просто чужая.
Ты должна быть и жить среди роз,
Молодым красоту отдавая.
Мой увядший стареющий сад
Для цветения чувств не годится,
И прикован к небу уж взгляд,
К неземной любви сердце стремится...

* * *

Молодым – весна, дорога, Старикам – покой, почет, Только рано мне до Бога, Будет мой еще черед. Нужно след еще оставить, Чтоб не стыдно было там, Нужно светлых дел прибавить, А потом и к Небесам. Устремляй к ним взгляд в надежде, Что получишь свой венец, Что в сияющей одежде Встретит с радостью Творец...

* * *

Городская круговерть, суета ты клятая! Разве будет душа петь, когда жизнь измятая? Когда некогда вздохнуть и от дел подняться, Когда весь в преградах путь и нет сил сражаться?

* * *

Встречайте, милые, весну, С природой расцветайте, И в благодарность в синеву Смотреть не забывайте! Благоухайте для мужей, Для рода сотворения, И чтоб, как Еву, хитрый Змей Не ввел вас в заблуждение. Не проливайте горьких слез, Любовь не предавайте, Пусть вы не сотканы из роз, Но цену себе знайте. Светитесь нежностью своей Хрустальными сердцами, Без спроса яблоки с ветвей Не рвите вы руками...

Галина СЫЧУК

Родилась в Тбилиси в 1948 году. Окончила Бельцкий государственный педагогический институт им. Алеко Руссо, педагогический факультет (дошкольное отделение).

Материнская любовь

Не счесть любви всей на планете, Но повторяю вновь и вновь, Сильнее чувства нет на свете, Чем материнская любовь!

Она всегда за всех в ответе, Она – начало всех начал, Чтоб выживали ее дети, Ей Бог такую силу дал.

Она нас любит беззаветно, Готова нас за всё простить, Не требует любви ответной, Никто не может так любить!

И как орлица защищает Своих детей в тяжелый час, От всех невзгод нас охраняет, Надеждой окрыляет нас.

Она и в радости, и в горе, И не обманет, не предаст, Не причинит нам сильной боли, За нашу жизнь свою отдаст.

Она и лечит, и спасает, И отведет от нас беду. Теплом и лаской согревает, Мы перед ней всегда в долгу.

Пока живем на этом свете, Нам нужно главное понять: Для матери – всегда мы дети, Для нас – всех ближе наша мать!

Поминальный день

Мы в этой жизни все не вечны, И каждый свой проходит путь. Коль пробил час, уходят в вечность Все те, которых не вернуть.

Блестят на солнце обелиски, Надгробья, склепы и кресты. Родные лица наших близких Глядят на нас из темноты.

Они покоятся все с миром Вдали от суеты людской, И в тишине в своих могилах Нашли здесь вечный свой покой.

И пусть они уже не с нами, И души их на небесах, Но часто темными ночами Они приходят в наших снах.

Они с небес нам помогают, Все, кто при жизни нас любил. Как ангелы нас охраняют И придают нам больше сил.

Не забывайте всех ушедших Из этой жизни в мир иной, Кто рядом был среди нас грешных И завершил свой путь земной.

У их могил зажжем мы свечи И низко головы склоним, И, вспомнив, что и мы не вечны, Печально молча постоим.

И нам взгрустнется, что однажды, Мы так же в мир иной уйдем. В последний путь уходит каждый. И свой покой мы здесь найдём.

Твоя судьба

Нас манят разные дороги На долгом жизненном пути. Перед тобой их будет много, Но должен ты свою найти.

И если ты порой не знаешь, Какой дорогою идти, И от сомнения устанешь, Ты у судьбы своей спроси.

Она подскажет и рассудит, Как выбор правильный найти, Твоею спутницею будет, Чтоб веселей было идти.

Тебя вести по жизни станет Как путеводная звезда И без поддержки не оставит Тебя нигде и никогда.

Она к себе тебя привяжет, Ведь от нее нельзя уйти, Она под ноги твои ляжет, Чтоб легче стало бы идти,

В дороге разное быть может, Ждут испытанья впереди, Судьба всегда тебе поможет И силы даст их все пройти.

А коль придется оступиться Или споткнуться на пути, И не захочешь ты вернуться, А вновь подняться и идти.

Судьба плечо свое подставит, И руку помощи подаст, И на ноги тебя поставит, И впасть в уныние не даст.

Когда ж устанешь ты в дороге, Не будет сил уже идти, Судьба заявит тебе строго, Что ты прошел лишь часть пути.

Дорога длится бесконечно, И должен ты ее пройти. Лишь тот достоин жизни вечной, Кто не сойдет на полпути.

Покаяние

Что нынче стало с белым светом, Как будто мир сошел с ума, И задыхается планета От накопившегося зла.

Все меньше ценностей духовных, Их резко падает цена. Погрязли мы в делах греховных, В том наша общая вина.

В добро мы веру потеряли, Опасно стало в мире жить, И с давних пор мы перестали Чужою жизнью дорожить.

Царит стремление к наживе Здесь и сейчас, любой ценой. И верим мы пророкам лживым, Ведущим в пропасть за собой.

Нас губят ссоры и раздоры, Посмели господа забыть. Судьбу Содома и Гоморры Мы можем вскоре повторить.

Во имя жизни на планете Себя нам нужно изменить, Чтоб не погибли наши дети, Не порвалась живая нить.

Чтоб прекратились все страданья, Мир воцарился на Земле, Спасти нас может покаянье, Нет ничего его сильней.

Поможет нам святая вера Все испытанья пережить. И станет вновь добра без меры, Если научимся любить.

Нам нужно всем, пока не поздно, В колокола, набаты бить, Что время есть, еще возможно Конец безумью положить.

И каждый пусть на свете знает, Добро должно зло победить. Надежда в нас не умирает, Что на земле продлится жизнь.

O4EPK ________99

Ольга БЕЛИКОВА

Родилась 17 апреля 1989 года в г. Кишиневе в семье книжных иллюстраторов. В 2014 году окончила Молдавский Государственный университет, факультет иностранных языков. Работала в качестве переводчика и редактора. Пишет в жанре короткой прозы, а также книжного рецензирования. Около 15 рецензий опубликовано на сайтах книжных сообществ. В двух альманахах Государственного университета Молдовы опубликовано две статьи: «Грамматические и лексические особенности перевода сказок Оскара Уайльда с английского на русский» и «Использование юмора для выявления женского характера в романах Джейн Остен».

абушкин сундучок с драгоценностями... Вожделенная коробочка, которая запрятана на верхней полке шкафа и сокрыта от посторонних взглядов с помощью мешочков с сушеной лавандой и футляров со старыми очками в роговой оправе. Осторожно вынув ценный груз, бабушка открывает ларец и внучка не может скрыть щенячьей радости в глазах. Перед ее взором предстают многоликие сокровища. Длинная нитка жемчуга, пропитанная духами «Красная Москва» и фортепьянным соло ресторана «Прага». Старинная брошка из слоновой кости с отломанной булавкой. Последний факт ничуть не умаляет ее достоинств, а наоборот, повышает интерес девчушки к столь загадочной антикварной вещице. Крупные деревянные бусы с ароматом сандалового дерева. Мерные постукивания лакированных деревяшек переносят к шумерам и их вечерним танцам у костра. На самом донышке оказываются два перстня. Первый переливается всеми оттенками зеленого цвета, словно наполнен сочной травой, пушистыми шапками июльских деревьев, кислыми яблоками и прибрежной тиной. Его напарник может похвастать сине-сиреневыми одеждами, в складках которых скрываются лиловый закат в холодную погоду, миска спелых слив и вересковые пустоши. По-моему, милая, я показала тебе всё! Ах! А сережки-то забыли. В потертом бархатном мешочке спрятаны два витражных стеклышка, две капельки горного хрусталя, которые перекликаются с блеском в бабушкиных глазах. Экскурс окончен, ларец убран на почетное место, а внучка грезит об его обитателях, воображая, какими историями она их наполнит, когда коробочка окажется в ее владении.

Frida Kahlo. Мексиканская богиня.

Крупные браслеты, яркие цветы в волосах, пышная коса, любовь и верность национальному мексиканскому костюму. Представляешь Фриду, сидящей на стуле перед чистым холстом, с сигаретой в руках, подол ярко-красной юбки при каждом движении шелестит по плиткам пола синего дома, а тяжелая шаль прикрывает плечи и шею, с которой гирляндами свисают крупные бусы. Вот она поправляет витиеватую сережку, берет кисть и начинает работу. Кало писала в основном автопортреты. Однако там она отображала не только себя, но и мировые события, истории людей, ее окружавших. Она сбрасывала с себя тонны плотных тканей и входила на холст с обнаженной душой. Ничего лишнего, ничто не отвлекает и не стесняет.

Черные как смола волосы, темные усики над верхней губой, кустистые брови, голос с хрипотцой – все это не отпугивало, а притягивало. Кало была воплощением сексуальности. Взрывной характер, смелые высказывания и действия, упрямство и неутомимая жажда жизни – вот она, Фрида Кало. На ее долю выпало множество испытаний, но бойкая черноволосая мексиканка смогла устоять, создать манящие, волшебные, порой отпугивающие картины и вдохновить стольких людей. Если бы она писала романы, то, несомненно, пополнила бы ряды магических реалий.

Интересно, по какому принципу наше обоняние выбирает своих фаворитов? В какой момент и при каких обстоятельствах человек понимает, что он схватил за хвост нужный аромат, не отпустит его ни за какие коврижки и вступит в бой с любым, посягнувшим на сокровищницу, варваром (это я про толстенный самосвал, который своими бензиновыми парфюмами забивает переливы липовых аллей).

100 ______ Ольга БЕЛИКОВА

Возможно, этот аромат запоминается с детства и проносится сквозь года. Свежий хлеб, малиновое варенье, абрикосовое повидло, которое бабушка варит в медном тазу, сушеная вишня. С разных сторон проскакивают то аромат первой книжки, страницы которой так бережно перелистывают маленькие детские ручки, то нотки морской воды и бурных волн, которые ощущаешь впервые в жизни.

Острые и отчетливые ароматы пополняют коллекцию в зрелом возрасте. Привкус хмеля и солода, табачная дымка, цветочные букеты, кофейная гуща, шоколад и природа весной.

Наверняка у каждого из нас есть и некий шорт-лист любимчиков. Там могут оказаться запах асфальта после дождя, или, как его именуют австралийцы, – «петричор», привкус холодного вечера, ноты бергамота в простом черном чае и оттенки лимонной цедры в бисквитном торте. Призыв может быть только один. Пополняйте коллекцию и ощущайте всеми фибрами пролетающую мимо вас "вкуснятину".

Автобус притормозил на единственной остановке дачного поселка. Остановкой именуется ржавый, несуразный каркас, обклеенный со всех сторон рекламными объявлениями. Издалека это чудище можно принять за старую, севшую на мель, баржу, которую с боков облепили ракушки. Автобус уехал, оставив клубище пыли и девушку с рюкзаком за спиной и хозяйственной сумкой в руках. Пыль осела, и можно осмотреться. До чего же красиво! Огромный зеленый океан деревьев и кустарников! В океане, словно островки, вырастают дачные домики, которые могут похвастать цветочными клумбами, ровными грядками, спелыми и сочными фруктами. Какие там Доминиканы, Мальдивы и Турции!

Единственная дорога петляет как лента в руках гимнастки, и девушка с удовольствием подчиняется ее пути. Мелкие камешки забиваются в подошвы кроссовок, спина вся вспотела, очки съехали набекрень, но если ее кто и встретит по дороге, то увидит совершенно счастливую и улыбающуюся особу, которая прибыла в райское место.

В рюкзаке - девчачий скарб, а в хозяйственной сумке – книжки. Бабушка уже ждет с оладушками и сырниками. Что еще надо для счастья?

Ирен КРЕКЕР

проект осуществляется при поддержке компании Orange

Поездка в Баден-Баден

ето в разгаре. Природа благоухает всеми цветами. Душа зовёт в дорогу. На этот раз друзья предложили посетить удивительнейший уголок Германии – знаменитый, хорошо известный во всём мире город Баден-Баден.

От места нашего проживания он находится в шестидесяти километрах. Полтора часа на электричке – путь недалёкий. Осталось внутренне подготовиться к встрече с миром прекрасного, настроиться на волну приятного времяпрепровождения и – в путь-дорогу...

С билетами тоже проблем не возникнет, можно добраться быстро и дёшево. Существует так называемый Баден-Вюртемберг Тикет, то есть

льготный тариф на билет, по которому можно быть в пути двадцать четыре часа независимо от маршрута, но в пределах земли Баден-Вюртемберг. Он стоит двадцать пять евро на человека и для следующих четырёх доплата четыре евро про персон.

В восемь часов двадцать пять минут выезжаем из города Кенцинген. Через четыре километра в городе Хербольцхайм к нам присоединяются наши друзья. Через полчаса мы делаем пересадку на другую электричку в городе Оффенбурге и в десять часов утра прибываем на вокзал города Баден-Баден.

Каждые десять минут оттуда отходит автобус в центр города. Мы уже с интересом вглядываемся в пролетающие перед взором пейзажи. Не перестаю удивляться и восхищаться красотой ландшафта Северного Шварцвальда.

С высоты нас приветствуют руины крепости. Там, в горах, недалеко от города, находятся Старый замок Хохенбаден и так называемый Новый замок. Когда-то здесь была резиденция баденских маркграфов.

С замирающим сердцем всматриваюсь в реальные пейзажи, виденные прежде на полотнах известных художников. Действительно этот город – сказочное воплощение прошлого. Поэты и писатели, люди искусства поселялись здесь на постоянное проживание, черпали вдохновение на лоне живописных, ни с чем не сравнимых мест, оставляя о них и о себе память в произведениях искусства.

Во все времена Баден-Баден посещали знаменитости, начиная от царей и королей, заканчивая политическими деятелями и бизнесменами нашего времени. Он является желаемым местом жительства и в наши дни. Несколько лет назад его называли городом русских.

Город имеет богатое историческое прошлое. Уже более двух тысяч лет назад на кайзеровских курортах Баден-Бадена римляне восстанавливали свои силы...

Несмотря на свою известность, город небольшой, в настоящее время в нём проживает немногим больше пятидесятичетырёх тысяч человек.

Минут через двадцать мы подъезжаем к площади Леопольда, выходим из автобуса и вливаемся в толпу разноговорящего спокойно текущего потока. Эту площадь часто называют «Витриной города» или «Баденер сити». Несмотря на утро, здесь оживлённо, как и на многочисленных пешеходных улицах города.

Баден-Баден встретил нас лёгкой утренней прохладой. Через него протекает река Оос, от неё распространяется свежий воздух, сохраняя ощущение прохлады даже в такой жаркий день, как сегодня. Дышится легко и свободно. У меня появилось желание стать частью происходящего, раствориться в толпе и попытаться уединиться хоть на мгновение, чтобы ощутить дух, царящий вокруг.

Незнакомая женщина, услышав, что мы обсуждаем вопрос, откуда начать знакомство с достопримечательностями, сказала приветливо на русском: «А вы просто дышите воздухом, прислушайтесь к звуку, к музыке города. Вот этот фонтан в течение всего дня создаёт своим журчанием впечатление шума дождевых капель. Он действует умиротворяюще. В солнечный жаркий день создаёт ощущение свежести и покоя».

Она пожелала нам счастливого знакомства с городом и его окрестностями, показала направление к Курортному парку, местечку, мимо которого пройти было просто невозможно. «Это сердце Баден-Бадена, его душа...»

Эта пожилая женщина, влюблённая в свой город, обладающая поэтическим видением окружающего мира, сумела передать мне своё внутреннее состояние, свой поэтический настрой. В душе появились первые звуки музыки, которая не оставляет меня на всём пути следования по историческим, знакомым из художественной литературы местам.

Прекрасный вид на великолепный парк открылся сразу за поворотом. Мы приехали в празднични день. Фройнляйнхен – так называется он по религиозному католическому календарю. Около открытой сцены нас ожидает божественная служба. Около пятисот человек принимали в ней участие. С трибуны звучат слова священника, тексты из Библии, пожелания туристам хорошего отдыха в гостеприимных

102 **— ______** Ирен КРЕКЕР

местах, ожидающих гостей.

Душа отозвалась и прониклась ответным пониманием торжественности момента.

Почему-то именно в это время нашему взору предстала открытая дверь в известное всему миру казино. Оно расположено в правом флигеле курортного дома. Вход свободный, но в роскошном зале у стойки нам объясняют, что в игральную часть можно совершить экскурсию только через полчаса, стоимость билета семь евро.

Ждать и догонять – для русского человека самое невыносимое, поэтому мы решили заглянуть сюда позже, когда дорога выведет нас снова к этому месту...

Из прочитанного в брошюрах, готовясь к поездке, я знала, что знаменитое казино Баден-Бадена реставрировано, заново оформлено парижскими художниками в 1855 году... Они создали роскошные Красный и Флорентийский залы, Зимний сад, салон Пампадур, Зал тысячи свечей, где Достоевский когда-то проиграл своё состояние. Наряду с рулеткой здесь играют в баккара. Для меня это слово загадочно, как и всё, что происходит в залах этого таинственного заведения, сгубившего не одну человеческую душу.

У пансионата, самого курортного дома, на первом этаже которого расположено казино, тоже своя история. Он возник в 1821 году и отличается колоннами, так и хочется его назвать колоннадой. Позже, в первом десятилетии двадцатого века появилось новое фойе с широкой лестницей, ведущей в Торжественный зал. С трепетным волнением я преодолеваю его ступени. Из рассказа экскурсовода узнаём, что в начале семидесятых годов появилась пристройка к казино – Американский зал и Пианино-бар.

Центральной частью курортного комплекса является площадь Гёте, где расположены театр, пансионат с казино, Художественная галлерея и Дом конгрессов. Издалека смотрит на нас Соборная церковь, которую мы в этот день, к сожалению, так и не посетили. Отсюда начинается и знаменитая, вдохновляющая поэтов и писателей всех времён Лихтенталер Аллея. Длина променады – две тысячи триста метров.

Мы свернули на аллею, ведущую из Старого города вдоль реки Оос через великолепный парк до действующего монастыря Лихтенталь. Неожиданно для меня попадаем в атмосферу девятнадцатого столетия... По крайней мере, мне так кажется. Ничто не нарушает спокойного течения жизни. По дороге нас сопровождают старинные многовековые дубы, тюльпановые деревья, гимнокладуы, буки, мамонтовые деревья...

Неповторима красота цветочных насаждений: время тюльпанов и нарциссов уже прошло, но около пятидесяти тысяч цветов разнообразных названий и цветов предстают нашему взору.

Тринкхалле, Художественная галлерея, музей Фридера Бурды и музей Фабердже – нет времени остановиться и замереть от сознания сопричастности к великому наследию всех времён и народов...

Одна мысль не отпускает сознание: сюда нужно ещё раз непременно приехать, чтобы проникнуться воздухом времени и пространства. Прошлое говорит с тобой каждое мгновение. Лёгкое движение даже сорвавшегося с дуба листка, унесённого потоком струи воздуха, неповторимо. Оно из прошлого доносит до нас музыку душ тех, кто проходил по этим тропинкам, присаживался на эту скамейку, сидел в этой беседке.

Мне захотелось перечитать Тургенева. Мы почти преклонили колени перед памятником, установленном ему в парке... Я вспоминала его новеллы, навеянные семилетним проживанием в Баден-Бадене. Одна из беседок в парке напомнила мне описание из повести «Первая любовь». Почему-то на память приходят строки из «Поздней любви»... Его страстная любовь к Полине Виардо заставляет задуматься о людских судьбах и характерах...

Лев Толстой считал Баден-Баден своим вторым домом. Теперь я понимала писателей-классиков, которые не могли так просто расстаться с этой удивительной красотой южной полосы Германского государства.

На правой стороне Лихтенталлер Аллеи находится бюст императрицы Августы. Она была наполовину русской – племянница царя Александра Первого. Впервые я услышала сегодня, что между господствовавшими династиями Веймаров, Баденов и Романовых существуют родственные связи.

Незаметно для меня мы оказались в саду роз. Оказывается, он был создан в год моего рождения или немного позже, является моим ровесником. Мужчины тоже любят розы: сразу после войны директор комплекса Ригер отдал им должное внимание, а канцлер доктор Конрад Аденауер присутствовал на открытии этого розариума. Я была поражена разнообразием видов роз. Их в этом парке насчитывается более трёхсот шестидесяти. Наряду с Римом, Парижем, Мадридом город славится и искусственно выведенными сортами.

Здесь ежегодно проводятся конкурсы на прекрасную королеву всех цветов. Кто выигрывает в Баден-Бадене, становится известен всему миру. Розы гармонично вписываются в многочисленные скульптуры и фонтаны этого чудесного парка.

«Благолепие», – хотелось мне сказать словами литературного героя, наслаждаясь первозданной красотой увиденного.

Указатель «Русская церковь» не остался нами незамеченным. Мы свернули с Аллеи направо. Пройдя несколько улочек – ещё три раза направо, и вот мы уже перед небольшим зданием Православной церк-

ви. Так произошла моя долгожданная встреча с давно манящей «святыней» Баден-Бадена. Внутреннее помещение церкви небольшое, но довольно вместительное. Чем-то напоминает она мне православную русскую церковь в Мариенбаде в Чехии, но так как я совершенно несведуща в вопросах архитектуры, не берусь настаивать на своём предположении.

Помещение разделяется как бы на три части: притор, средняя часть для молящихся и алтарь. Притор предназначен для гардероба и публики, ожидающей очереди в исповедальню. Средняя часть храма, основное его помещение, стены которого украшены живописью работы князя Г.Г. Гагарина. Многие божественные картины мне известны по репродукциям из книг и фильмов. С благоговением смотрю на лики святых: по правую сторону от входной двери – Крещение Господне, по левую – Сошествие в ад, на северной стороне - распятие Иисуса Христа и явление воскресшего Господа апостолам и Фоме, на южной – Рождество Христово и отрок Иисус в Иерусалимском храме.

Более ста тридцати лет эта церковь в Баден Бадене находится на страже православия и является украшением города...

Подхожу к молодому человеку, который, отвечая на вопросы присутствующих, продаёт крестики, иконки... Приобретаю маленькую икону святой Ирины. На обратной стороне её надпись «Прости и спаси». Церковный служащий долго распрашивает меня, крестилась ли я этим именем. Он приводит пример о себе: его зовут Антон, а в крещении Амодей.

Я, к сожалению, не знаю, под каким именем проходило моё крещение. Подруга успокоила: «Тебя крестили по лютеранским обычаям, там такого нет». Пришлось принять её слова на веру. Мои родители из своего далёка уже не смогут мне поведать эту тайну. Знаю только, что меня крестили тайно на дому в посёлке Абашево бывшего города Сталинска и что моего крёстного уже давно нет в этой реальности.

Да, мой путь к вере долог и необычен. В смятении подхожу я к иконе Христа, не накладываю на себя крест, как положено в этой церкви, а складываю пальцы в замок перед грудью, как делала мама, про-изношу по-русски молитву «Отче наш, сущий на небесах...». Ставлю свечу за упокой слева в глубине церкви. С мыслью: «Хорошо, что сыну выдали Свидетельство о крещении в православной церкви Новокузнецка и что оно как святыня хранится в папке с его документами.

От Антона мы узнали, что накануне праздника Преображения господня, престольного праздника храма, отец Миодраг ежегодно совершает освящение православного участка на территории кладбища Баден-Оос. На территории Германии это третье после Висбадена и Берлина православное кладбище.

Я благодарна моим друзьям, за организацию этой поездки. Здесь я обрела какую-то приподнятость, духовное обновление. И хоть один из друзей сказал при возвращении домой, что он не любитель посещения замков и церквей, я всё равно благодарна ему за понимание, сопричастность, сопереживание.

Когда я вышла из церкви, одна из подруг воскликнула удивлённо: «Что там было, почему ты такая вся вдохновлённая и какая-то просветлённая. Нет, правда... Почему ты так светишься?» Я была рада отмеченным во мне изменениям. Свет, исходящий от меня и заставляющий других задуматься о его природе... Значит, ещё одна ступень в духовном развитии наступает, значит изменения состояния души происходят каждое мгновение и знаменательно то, что это произошло после посещения мною православной церкви.

Возвращение на Лихтенталер Аллею произошло для меня незметно. Я погрузилась в размышление о жизни души и не заметила, как мы дошли до действующего монастыря Лихтенталь. Раньше мне о нём не приходилось слышать. Год его создания относят к 1245 году. Графиня Ирменгард после смерти своего мужа герцога маркграфа Германа фон Баден решила последние годы провести в уединении и в тиши. Благодаря её стараниям и средствам был построен треугольный монастырский комплекс со зданиями аббатства, конвента, школы, хозяйственного помещения, монастырской церкви, княжеской и отшельнической капеллы.

Готическую церковь Богоматери клостера Лихтенталь нам удалось посетить. Построенная на грани XIV-XV веков в соответствии со строгим стилем ордена, она отличается простотой архитектуры. Алтарная часть церкви чуть возвышена. Здесь монахини, отделённыё железной решёткой от мира, проходили богослужение. Шестиугольная кафедра выполнена скульптором Томасом Кёнигем в начале XVII века. На ней изображение основателя цистерцианского ордена Бернарда фон Клаирво и герб.

Название ордена мне ни о чём не говорит. Из брошюр, прочитанных дома, можно было ещё кое-что понять, но практически увидеть сегодня без экскурсовода внутренние помещения монастыря не представлялось никакой возможности. Меня этот монастврь, честно говоря, заинтриговал. Следующий раз я непременно приеду сюда по заранее запланированной программе и обязательно познакомлюсь с жизнью монахинь XXI века.

Из церкви мы вышли во внутренний двор монастыря. Из открытых дверей кафе-столовой доносились приятные запахи. Мы почему-то не решились остаться здесь пообедать, хотя я думаю, нас ожидала бы домашняя кухня со многими неожиданностями, но без экскурсовода мы оказались беспомощными.

Все-таки усталость взяла своё. Мы уже не решились пешком повторить обратный путь. Увидев остановившийся автобус, заняли в нём свободные места и через минут двадцать были уже в центре города на площади Августина.

104 ______ Ирен КРЕКЕР

Быть в таком городе, да ещё в такой дружной компании, да не пообедать в ресторане, было бы грешно...

Недолго размышляя, заходим в один из первых... Везде слышна русская речь. Официантка принесла нам меню на немецком, предложив сразу на русском... Беседа за бокалом местного пива носит оживлённый характер. Обмен впечатлениями – необходимая часть праздника души. Вдохновлённые увиденным, мы договорились обязательно вернуться в этот город радости и света и продолжить знакомство с его улочками и порталами...

Ведь остались неувиденными старые замки, не поднялись мы и на гору, откуда можно было бы увидеть город как на ладони, не прошли с экскурсией по казино, не дошли до дома проживания Достоевского, не прокатились на лошадях, снующих по городу, да и на паровозике не совершили часовую экскурсию с остановками, на которых можно было бы выйти, совершить экскурсию в определённом местечке и проследовать на следующем паровозике дальше...

Мы были уставшими, но довольными, когда на вокзале дожидались вечернюю электричку перед возвращением домой...

«До скорой встречи, Баден-Бален», – думал каждый из нас, прощаясь с городом. Ощущение свободного полёта сохранялось во мне. День был проведён в прекрасном обществе друзей. Общение велось на протяжение всей поездки. Мы ещё более сплотились, и я уже в предкушении следующей встречи с прекрасным.

Дай нам Бог побольше такого рода впечатлений.

